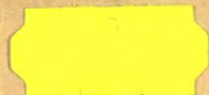

Dr 186
4267

Языковые единицы
И
условия их актуализации

Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра иностранных языков

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И

УСЛОВИЯ ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1986

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И
УСЛОВИЯ ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ

Языковые единицы и условия их актуализации: Сборник научных трудов /Под ред. В.И. Агамджановой. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1986. - 217 с.

На материале германских, романских, а также латышского языков в сборнике исследуется взаимодействие языковых единиц разных уровней с макро- и микроконтекстом. Рассматриваются процессы, сопровождающие взаимодействие текста и слова, а также зависимость этих процессов от коммуникативной и прагматической установок. Уделяется внимание лексикографическим процессам и тенденциям, а также проблемам словопроизводства, отражающим изменения, происходящие в языке.

Сборник рассчитан на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических факультетов.

Список лит. - 231 библиогр. назв.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Агамджанова В.И. /отв. редактор/
Озолинь О.Л. /зам. отв. редактора/
Байкова Э.М., Гусева Т.А.

Печатается по решению Издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки

Я 70101-064y 104.86.460200000
M812(11)-P6

Латвийский
государственный
университет
им. П.Стучки,
1986

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий коллективный труд обращен к фундаментальной и актуальной проблеме современного языкознания — условиям функционирования языковых единиц на всех уровнях — от фонетического до лингвистики текста.

Функциональный подход позволил по-новому осветить не только статус, но и поведение некоторых единиц языка в реальных актах коммуникации, дал возможность получить более полное и адекватное представление о взаимодействии элементов разных уровней системы языка в процессе реализации коммуникативного задания. Ряд работ посвящен углублению и расширению сведений о функциональном назначении и контекстных формах манифестации прагматического значения слова. Теоретические данные, полученные в ряде других работ, вскрывают механизм проецирования семантики высказывания на семантику отдельного слова и способствуют объяснению процесса формирования лексико-семантического варианта слова в контексте.

Типологический подход к единицам языка в условиях их актуализации представлен в сравнительных работах, выполненных на материале германских, романских, русского и латышского языков.

Попытка типизации контекстов на основе категории семантического синтаксиса демонстрирует продуктивность функционального подхода к анализу содержательных связей единиц языка, образующих контекст.

Основной итог коллективных усилий авторов заключается в предъявлении новых свидетельств системности контекста, его зависимости от внутреннего строения семантически реализуемых единиц языка.

Все материалы сборника имеют как научное, так и практическое значение, так как результаты исследований не только обогащают знания о языке, но могут быть использованы в практике преподавания языков.

В.И. Агамджанова
И.В. Кевина

ТИПОВОЙ КОНТЕКСТ КАК УСЛОВИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НЕЗАКОНЧЕННЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Задача данной статьи состоит в том, чтобы показать продуктивность функционального подхода к типизации содержательных связей лексических значений слов, образующих контекст, и применить понятие типового контекста к анализу значения пропуска в конце высказывания на материале английской художественной прозы.

Понятия "тип(ы) контекста" и "типовой контекст" широко используются в семасиологических исследованиях и относятся к числу базовых в контекстологии. Терминологическое значение данных словосочетаний находится в стадии становления и динамика их развития непосредственно зависит от широты охвата и углубления в сущность контекстуальных отношений [1], [2, с. 104-115], [3], [4].

Для выявления семантического различия между терминологическими сочетаниями "тип(ы) контекста" и "типовой контекст" важно сравнить область референции и смысловые отношения элементов этих именных словосочетаний. Предметная соотнесенность (референция) словосочетания $N_1 + N_2$ род. "тип контекста" и словосочетания с отыменным прилагательным (А от N_1) + N_2 "типовой контекст" находятся в оппозиции конкретизация/типизация.

Словосочетание "тип контекста" указывает на дифференциацию и деление среды существования языковой единицы на аспекты. Так, например, В.Я. Мыркин выделяет 6 типов контекста, которые представляются в виде бинарных оппозиций: 1) гербальный и ситуативный контексты; 2) физический и психологический контексты; 3) контекст культуры и психологический контекст; 4) лингвистический и паралингвистический контексты; 5) линейный и структурный контексты; 6) операционный и коммуникативный контексты [1, с. 95-96].

Анализируя условия функционирования грамматических форм, А.В. Бондарко указывает на аспектуальный, темпоральный, модальный, залоговый типы контекста [2, с. 105].

Типы контекстов могут, например, различаться по наличию/ отсутствию синтаксических связей между ядром, семантически реализуемой единицей языка, и ее указательным минимумом [3, с.5]. При выделении типов контекста система условий функционирования языковой единицы расчленяется.

Но если деление на типы контекста ориентировано на выделение аспектов парадигматического и синтагматического окружения языковой единицы, то типовой контекст является обобщением этого окружения. В этом мы усматриваем принципиальное различие в содержании терминологических сочетаний "тип(ы) контекста" и "типовой контекст".

Типовой контекст представляет собой инвариантную семантическую структуру, он является категоримальной базой для реализации лексических значений слов. Возможность типизации контекста на категоримальной основе обусловлена принципом "ассиметрического дуализма языкового знака" [5, с.85-91], согласно которому глубинная структура признается сложным глубинным языковым знаком, план выражения которого варьируется в различных поверхностных структурах.

Понятие типизации контекста непосредственно сопряжено с понятием функционирования, т.е. с процессом актуализации и взаимодействия в речи единиц, классов и категорий данной языковой системы [6, с.23].

Типовой контекст представляет собой некое концептуальное целое, концептуальную схему, актуализируемую множеством слов, заполняющих позиции данной схемы и образующих лексическое поле. Реализация лексического значения слова, являющегося элементом подобного поля, осуществляется на базе семантической конфигурации, отражающей определенную жизненную ситуацию. Ч.Дж.Филлмор называет лексическую группировку слов, организованную на функциональной основе, фреймом и говорит по этому поводу следующее: "Фреймом ... можно считать набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого. Иными словами, содержание той или иной лексической единицы фрейма нельзя понять, не зная внутренней структуры фрейма в целом" [7, с.49].

Лексико-семантическая группа слов, взаимодействующих на функциональной основе, образует типовой контекст как точку пересечения парадигматики и синтагматики в речи.

Ролевая конфигурация, отражающая экстралингвистическую типовую реальную ситуацию, создает возможность опускать слова в высказывании без ущерба для передачи смысла. Так, в предложении:

(1) The carpenter drove in the nail with a hammer.

Плотник забил гвоздь молотком

любой из его членов может быть опущен, а затем восстановлен на основе ролевой структуры: агент - объект - инструмент.

Восполнение пропуска в конце предложения может быть проиллюстрировано на отрывке из фантастического рассказа Айзека Азимова "Возьмите спичку":

(2) "Suppose you throw in the emergency generators, turn off all the lights --"

"And the air circulation and the appliances and the hydroponics apparatus". [10, с.28].

В данном отрывке идет речь о перераспределении энергии, необходимой для "прыжка" из облака пыли, в которое попал космический корабль. Концептуальная схема ситуации "управление космическим кораблем" включает: агент - лицо, приводящее в действие/прекращающее действие приборов космического корабля; направленное действие - управление приборами космического корабля; пациенс - объект направленного действия - приборы космического корабля. Лексико-семантическое поле, актуализирующее данную семантическую конфигурацию, представлено: местоимением *you*, замещающим *astronomer*, глаголами *throw in*, *turn off* и именными словосочетаниями *the emergency generators*, *all the lights*, *the air circulation*, *the appliances*, *the hydroponics apparatus*. Пропуск занимает позицию объекта и интерпретируется как "прибор космического корабля", т.к. входит в речевую парадигматическую цепочку соответствующих названий. По мере развертывания текста общее значение уточняется, и пропуск заполняется названиями конкретных приборов.

Типовой контекст, как было показано, служит основой при интерпретации незаконченных высказываний.

Отто Есперсен назвал подобные высказывания "внезапно оборванным предложением" (*stop-short or pull up sentences*) и дал им ученое название *aprosiopesis* [8, с.360-361].

В некотором смысле мы можем рассматривать незаконченные высказывания как одну из разновидностей синтаксического эллипсиса [9, с.25] с элиминированием одного или нескольких элементов в конце высказывания. Незаконченные высказывания отличаются от эллипсиса в традиционном понимании этого термина прежде всего нарушением требования однозначного восполнения элиминированной информации.

Незаконченное высказывание всегда прагматически мотивировано, оно всегда ставит перед читающим проблемную задачу, усиливает внимание к тексту, ибо ответ на вопрос "Какой смысл стоит за пропуском" может быть найден прежде всего в самом тексте.

Типовой контекст определяет два уровня восполнения пропуска в незаконченном высказывании: 1) однозначное восстановление элиминированной информации; 2) варьированное восстановление, когда интерпретация пропуска остается на уровне тех семантических признаков усеченных компонентов, которые заданы концептуальной схемой высказывания. При этом принципиальное значение имеет характеристика пропуска с позиции актуального членения высказывания.

Если элиминированный компонент эксплицитно выражен в предшествующей части текста, т.е. опущена известная читателю информация, в таком случае пропуск интерпретируется однозначно, а понимание незаконченного высказывания наступает сразу после его прочтения, как в примере:

- (3) He shot out his hand and grabbed Agnes's thin wrist.
His fingers were very strong and he held the wrist
in a fierce, paingiving grip. ... "You're hurting me -
you're breaking my" — [11].

Ситуация, отраженная в концептуальной схеме данного незаконченного высказывания, может быть определена как "попытка нанести телесный ущерб (увечье)". Позиция пациента - части тела, подвергающейся физическому воздействию, - вер-

бально не выражена, но читающий легко реконструирует недостающую информацию, т.к. пропуск является элементом в цепочке повторов слова *wrist*. Такого рода незаконченные высказывания воспринимаются как коммуникативно полные.

Если опущенная часть высказывания в предтексте не выражена, мы имеем дело с рематическим пропуском — усечением новой, неизвестной читателю информации. В подобном случае концептуальная схема предложения дает возможность установить обобщенное категориальное значение опущенной части высказывания. Конкретное лексическое заполнение пропуска остается на уровне коммуникативной вероятности. Вариативность устраняется по мере продвижения по тексту, где элиминированная информация получает эксплицитное вербальное выражение. Если при выходе за пределы высказывания контекст не компенсирует опущенную информацию, однозначная интерпретация высказывания не наступает.

Однозначная интерпретация рематического пропуска в примере

(4) "Anyway, the constable didn't take much more notice of it.

He said he'd often seen your son about the town and he knew—"

The sergeant stopped and grimaced.

"He knew that Christie wasn't quite right in the head", the widow said. [12, с.50].

наступает после прочтения реплики одного из коммуникатов. Интерпретация незаконченной части высказывания "and he knew" проходит два этапа. На первом этапе рематический пропуск восстанавливается на базе его ролевого значения и принимает обобщенное значение "информация, удерживаемая в памяти". На втором этапе, после прочтения реплики одного из партнеров диалога, пропуск заполняется конкретным описанием "информации, удерживаемой в памяти".

Рематический пропуск более динамичен чем тематический, его восполнение не наступает сразу, он стимулирует внимание читателя к развертыванию текста:

(5) "She can't get out until the Prince finds the three —"
He hesitated.

"And what, Daddy? The three what?"

"The three - Look! There she is again."

"The three what?"

"The three - the three stones that will release the King and Queen". [13].

Незаконченные высказывания с рематическим пропуском не всегда интерпретируются однозначно. Восстановление элиминированной рематической информации остается на семантико-синтаксическом (ролевом) уровне в тех случаях, когда идея, заявленная пропуском, не развивается, ее коммуникативное движение прерывается:

(6) "You'll itch with corruption so that you can never sleep, and you'll always be thirsty, with water just out of reach".

"Will I now?" repeated the Fiend, ever more concerned.

"I remember once -"

"All the time you'll be full of horror", Greshaw interrupted [14].

Усеченное высказывание отражает ситуацию с обобщенным значением "удержание информации в памяти" и реализует концептуальную схему "эксперимент - лицо, удерживающее информацию; объект - удерживаемая в памяти информация" [15, с.52-56]. Значение "удерживаемая в памяти информация" не актуализируется, а интерпретация пропуска не поднимается на поверхностный уровень.

Проанализированный материал дает возможность сделать некоторые выводы.

Функциональный подход к типизации контекстуальных условий реализации лексического значения слова имеет принципиальное значение. Он предполагает выделение двух аспектов в понятии "контекст": функции как цели, т.е. назначение контекста идентифицировать, актуализировать или восстанавливать языковую единицу, и функции как способа поведения и строения системных отношений между языковыми единицами, образующими контекст.

При таком подходе семантические функции, семантические роли предстают как неотъемлемая часть значения "знакового содержания формы, ее системно значимого внутреннего устройства" [6, с.21], а возможность быть опознанным, конкретизированным или воспроизведенным заложена в самом лексическом значении слова. Эта возможность является проявлением системного положения самого слова, она есть проявление внутреннего строения семантически реализуемой единицы языка.

Типизация условий идентификации, актуализации или восстановления лексического значения слова в контексте позволяет глубже проникнуть в семантическую структуру самого лексического значения слова, точнее определить его положение в лексической системе и тем самым увеличить объяснительную силу контекстологии.

Литература

1. Мыркин В.Я. Типы контекстов. коммуникативный контекст // ИДВШ. Филологические науки. - М., 1978.- № 1.- С.95-100.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. - М. : Наука, 1983. - 208 с.
3. Агамджанова В.И. Микро - и макроконтекст именной лексики текста // Вопросы английской контекстологии. - Л., 1985.- Вып. 2.- С. 3-11.
4. Чупилина Е.И. Синтагматические особенности общенаучной лексики // Вопросы английской контекстологии. - Л., 1985.- Вып. 2.- С.111-116.
5. Карцевский С. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - М.: Просвещение, 1965.- Ч.2.- С. 85-91.

6. Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики // проблемы функциональной грамматики. - М. : Наука, 1985. - 198 с.
7. Филлмор Ч. Дж. Об организации семантической информации в словаре // новое в зарубежной лингвистике. - М. : Прогресс, 1983. - Вып. XLV. - С. 23-60.
8. Есперсен О. Философия грамматики. - М. : Иностранная литература, 1958. - 404 с.
9. Силин В. Л. Лексический эллипс в германских языках. - Киев : Вища школа, 1974. - 184 с.
10. Asimov I. Take a Match. // Science Fiction. - М. : Progress Publishers, 1979. - P. 23-39.
11. Wain J. The Life Guard. // Making It All Right. Modern English Short Stories. - М. : Progress Publishers, 1978. - P. 353-381.
12. Barstow S. The Search for Tommy Flinn. // Making It All Right. Modern English Short Stories. - М. : Progress Publishers. - P. 41-54.
13. Scott Fitzgerald J. Outside the Cabinet - Maker's // Selected Short Stories. - М. : Progress Publishers, 1979. - P. 151-155.
14. Scott Fitzgerald J. The Fiend // Selected Short Stories. - М. : Progress Publishers, 1979. - P. 273-279.
15. Богданов В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. - Л. : ЛГУ им. А. А. Мданова, 1977. - 204 с.

З.М.Байкова

ОБ УСЛОВИЯХ АКТУАЛИЗАЦИИ МОДАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
УВЕРЕННОСТИ (ПОДТВЕРЖДЕНИЯ) У МОДАЛЬНЫХ
НАРЕЧИЙ ГРУППЫ CERTAINLY

Анализ особенностей употребления модальных наречий группы *certainly* показал, что эти наречия могут передавать модальное значение уверенности (подтверждения) только в определенных коммуникативных условиях. Манифестация этого значения связана с распределением информации в тексте.

Для того, чтобы рассматриваемое модальное значение могло реализоваться, необходимо, чтобы модальное наречие находилось в рematicкой части высказывания, в противном случае происходит нейтрализация или ослабление значения уверенности, в результате чего может возникнуть новое значение - указание на общеизвестность, банальность или самоочевидность сообщаемого факта; в определенных условиях развивается значение уступительности.

К коммуникативным характеристикам модальных наречий группы *certainly* следует отнести их позиционную характеристику и ударение, причем последнее является определяющим. Способность модальных наречий перемещаться относительно позиционной структурной модели простого предложения¹ отмечена еще Г.Суитом [1, с. 125]. Специальное исследование показало, что в современном английском языке для модальных наречий этой группы типичны

¹ Понятие позиционной структурной модели простого предложения введено Т.П.Ломтевым при изучении синтаксиса русского языка [2, с. 116].

четыре позиции: пре- и интерпозиция относительно сказуемого и пре- и постпозиция относительно предложения^I [3, с. 46-49]. Наличие ударения у модальных наречий группы *certainly* специально не рассматривалось, что потребовало бы корпуса озвученных текстов. Тем не менее, некоторое представление о роли ударения в реализации модального значения уверенности (подтверждения) можно получить, воспользовавшись примерами, в которых наличие или отсутствие ударения у модальных наречий уже отмечено либо самим автором текста, либо лингвистом, исследовавшим этот текст.

Несомненно рematicны позиции, в которых модальное наречие несет либо логическое, либо эмфатическое ударение. Наиболее бесспорны случаи реализации модального значения уверенности (подтверждения) в условиях полного эллипсиса в диалогической речи (заметим, что позиция полного эллипсиса в этом случае является разновидностью препозиции относительно предложения). В этом случае наречие несомненно несет ударение, так как является единственным эксплицитно выраженным членом предложения:

(1) "Can you remember seven feet fifteen inches
untill I've got time to write it down?"

"Certainly. What is this, book shelves?"

(A.Christie)

По мнению Н.А.Авгановой, рematicской является препозиция относительно предложения, если содержание объекта оценки известно из предшествующего предложения. Пример Н.А.Авгановой:

(2) "They are Americans", said Mr. Bone.

"Assuredly, they are Americans".

(A.Christie)

^I Предложение здесь понимается как простое, ядерное предложение.

То, что препозиция относительно предложения может быть семантически сильной, видно и из следующего примера, где ударение передано графическими средствами:

- (3) "Listen. What's the routine of joining a monastery?...Do you have to be a Catholic and all?"
"Certainly you have to be a Catholic".

(J. D. Salinger)

Рассматривая модальные наречия, Л.М.Медведева приходит к выводу, что употребленные вводно в начале предложения, эти наречия могут выполнять роль добавочной ремы, пример Л.М.Медведевой:

- (4) Undoubtedly, it awoke some memory in him.
[5, с. 115] (I. Fowles)

Однако препозиция и другие позиции перестают быть рематическими при наличии союза "but", начинающего следующее предложение или присоединяющего другое предложение на условиях союзного сочинения, вследствие чего у модального наречия развивается значение уступительности:

- (5) Certainly a budget deficit is an inflationary factor. But that is not the same thing as saying that it is the cause of the high inflation.
(Morning Star)

- (6) She was no longer a pretty girl, but she was certainly a handsome imploring middle-aged woman..."
(I. Murdock)

Семантически неоднозначна также и препозиция относительно сказуемого. Так, в примере Г.Пальмера эта позиция рематична:

- (7) I certainly didn't take it then.
[6, с. 173] ,

а в примере Дж.Керма семантически ослаблена:

- (8) He doubtless will discover his mistake.
[7, с. 75]

Эмфатическое ударение может быть передано лексическими средствами, как в следующем примере:

(9) "Haven't you ever sent out the laundry?"

"Is it there?"

"It most certainly is!" (S.Fitzgerald)

О возможности семантической ослабленности интерпозиции относительно сказуемого говорит следующий пример тоже заимствованный у Дж.Керма:

(10) He will doubtless discover his mistake.

[7, с. 75]

Интересен пример одновременного употребления в одной и той же позиции двух наречий из одной и той же группы, что было бы невозможно, если бы они семантически дублировали друг друга:

(11) It was undoubtedly, of course, a function for the "users" - further and higher education, employers - so that they can find out whether adequate ground has been covered.

(Morning Star)

(12) He leaned against the wall. Only one thing troubled him, and that was the possibility - indeed, certainly - that the journalist was about somewhere.

(J.Wain)

Постпозиция относительно предложения всегда семантически ослаблена за исключением тех случаев, когда использован прием расчленения предложения, отмеченный Д.Болинджером [8, с. 459], что делает эту позицию рematicкой:

(13) Possessing the salt of Mohammed or Buddha I could have founded a religion. Doubtless. It is that I would not have had too many followers.

(N.Mailer)

Но как правило, в этой позиции модальное значение уверенности уступает место значению общеизвестности, банальности:

(14) A bad business, certainly, if one had to go.
(J.V.Priestley)

Таким образом, для актуализации у модальных наречий группы certainly модального значения уверенности (подтверждения) нужны соответствующие коммуникативные условия, из которых обязательным является наличие логического ударения, которому могут сопутствовать и другие перечисленные условия.

Литература

1. Sweet H. A new English Grammar. -Oxford: The Clarendon Press, 1940.-Vol. 1, -499 p.
2. Ломтев Т.П. О вводных и однородных позициях словесных форм в современном русском языке. //НДВШ. Филол. науки, 1958.-№ I.- С.114-124.
3. Байкова З.М. Лексико-грамматическое поле, объединенное модальным значением уверенности (подтверждения) в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. - Рига. 1984, -171 с.
4. Авганова Н.А. Синтаксические конструкции оценочной семантики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1975, -18 с.
5. Медведева Л.М. Части речи и залог. -Киев: Вища школа, 1983. -143 с.
6. Palmer F.R. A Grammar of Spoken English on a Strictly Phonetic Basis. -Cambridge: Heffer&Sons, 1930. -293 p.

7. Curme G. English Grammar. -New York: Barnes & Noble, 1966: -308 p.
8. Bolinger D.L. Form of English Accent, Morpheme, Order. -Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 1965. -334 p.

И.Я.Бригзна

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР
НИЖНЕНЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ЛЕКСЕМ

(на материале русско-нижненемецкого словаря Т.Фенне)

Русско-нижненемецкий словарь-разговорник Т.Фенне [1] является письменным памятником, отражающим не только быт, культуру, социальный уклад России в 16 веке, но и имеющим огромное значение для лингвистики; он может служить основой для выявления особенностей нижненемецкого, который тогда уже находился под влиянием верхненемецкого, а также для исследования русской речи и лексики Псковского ареала. Кроме того, он может быть использован для исследований сопоставительного плана.

Словарь Фенне ориентирован на чисто прикладную цель - на обучение русскому языку немецких торговцев, прибывавших в Россию. Поэтому в переводе с одного языка на другой доминируют актуальные значения. (по терминологии В.Шмидта [2, с. 50]); системного отражения семантических структур ожидать не следует. Полисемия и синонимия могут быть выявлены косвенно - путем анализа всего словарного материала.

В рамках одной статьи проанализировать весь словарный материал невозможно, поэтому мы ограничились тема-

тической группой "Обозначения черт характера". Эта тематическая группа изучалась уже ранее Л.А.Ивашко и О.С. Мжельской [3], которые сравнивали ее с лексикой древнерусского языка и с современными псковскими говорами. Целью нашей статьи является сравнение семантических структур нижненемецких и русских лексем, а также выявление возможных отклонений при переводе с одного языка на другой.

В рассматриваемую тематическую группу входят около 80 лексем. Большинство из них зафиксированы автором в тематическом словаре (Т. сл.) без контекста. В контексте - в "Купеческих диалогах" (К.д.) - дана лишь незначительная часть лексем.

Наш анализ показал, что в Т. сл. перевод семантической структуры с одного языка на другой довольно точный:

- rovzimen - vorstendich - разумен (44,7) ^I
- slaffnoi - loffhafftich - славной (44,5)
- ohvastliff - grott sprekeren - хвастлив (46,2)
- skup - karch - скуп (46,14)
- ttzaestliff - gelucksahlig - счастлив (45,1)

Наряду с адекватным переводом можно найти и такие структуры, в которых только отдельные семы русской лексемы соответствуют нижненемецкой лексеме. Перевод в этом случае не отражает семантическую структуру полностью. С одной стороны, это можно объяснить тем, что перевод прилагательных как более абстрактной части речи может представлять трудности при определении их семантических структур и их номинации в разных языках (они не всегда тождественны). С другой стороны, представляется возможным считать, что при переводе на передний план обычно

^I Цифры обозначают место нахождения лексемы или предложения в словаре. Написание слов латинским шрифтом и кириллицей - по словарю Т.Фенне [1].

выдвигались те семы, которые автору или его информантам казались более важными, например, нижненемецкому "erligk" соответствует русское *вѣрной*/ *вѣрной* (44,4). По данным "Словаря русского языка XI-XVII вв." [4] "вѣрной" имеет следующие семемы:

- 1) истинный, правильный;
- 2) поклоняющийся определенным истинам, относящийся к вере в Бога;
- 3) верующий;
- 4) преданный;
- 5) доверенное лицо;
- 6) давший клятву.

Такая же семантика этого слова дана в "Псковском областном словаре" [5], но нижненемецкое "erligk" обозначает "честный, порядочный". Как видно, в этом случае в переводе нет полного соответствия семантических структур. Надо отметить, что кроме перевода *вѣрной* - *erligk* (44,4) дан и перевод *вѣрибе* - *truwe* (44,3), которое можно найти и в К.д.:

Pesli mie tovar svirnuu tselovieku, ...

Sende mi de wahre bu wupen, truwen wahne

Пошли миѣ товар с вѣрным человеком (415,7)

В другом предложении автор употребляет перевод "truwe - сердечный":

... tu moi serdetzna drug.

... du bist wun truwe frundt

... ты мой сердечно <И> друг (337,4)

Примером неадекватного перевода, точнее перевода только отдельных сем (не всей лексемы) является также

krotok - *duldigk* - кроток (44,16)

Нижненемецкое "duldigk" обозначает "терпеливый" и безусловно в его семантическую структуру входят семы "покорный", "незлобный", "скромный", "спокойный" и др. [4], но о полном соответствии перевода здесь говорить

очевидно нельзя.

Примером неадекватного перевода является также bogatir - driste- богатырь (44,2)

Безусловно в семантическую структуру русского слова "богатырь" входят семы "мужественный", "смелый", "храбрый", которые соответствуют нижненемецкому прилагательному driste (дерзкий, смелый), но полного соответствия значений в нижненемецком и в русском языке нет. Кроме того, в этом переводе происходит замена одной части речи другой. Такой способ перевода в словаре Фенне наблюдается довольно часто. Часто изменяется также синтаксическая конструкция предложения, особенно в К.д., когда автор пользуется не точным переводом, а описанием. Смысл выражения при этом не меняется, большие недоразумения исключены и коммуникация обеспечена. Иногда отсутствует переводимая единица, т.е. ее семантическая структура в другом языке не отражается вообще, а компенсируется другими средствами языка.

Проиллюстрируем вышесказанное некоторыми примерами. Так, в К.д. отсутствует перевод нижненемецкого прилагательного gehorsam (послушный); вместо него используются глаголы:

Otzum ty menae ne pokorisza

Worumb bistu my nicht gehorsam

Очем ты меня не покорисься (210,2)

Nadob sonka ffgrosze dirsatt, dat glucheia da musa
ne beiutt

Men modtt de fruwen im dwange holden, dat se gehorsam
sy vnd dem manne nicht slae

Надобь женка в грозь держать, да слушал да мужа не
бьет (230,5)

Таким же образом в К.д. переведено прилагательное "силен". (В Т.сл. дается точный перевод "silen - силен - stark (43,13), silon/ силен - stark " (137,19):

Tot tzollowek peremogil menae

De mahn was my tho stark

Тот человек перемог меня (199,3)

Tu menae fftzerras peremogll ninetza ia tebe
opet peremogu na promenu.

Du werst sy gesteren tho stark nu bin ich dy
wedderumb tho stark

Ты меня вчерась перемогл, нынча я тебе опять
перемогу на промену (244,6)

Как уже было сказано, части речи при переводе часто не учитываются, особенно это относится к прилагательным и существительным, которые часто заменяют друг друга^I:

Tott tzollovek besz dusnik

Datt is ein vnrechturrdich minsche sunder sehle

Тот человек бездушник

По данным "Словаря русского языка" [4] "бездушный" - это "бесчестный", "бессовестный человек". Нижненемецкое "vnrechtuerrdich" (нечестный) дополняется еще дословным переводом: "бездушник" - sunder sehle.

Нижненемецкое "logener" имеет кроме перевода "зме-
ник / <и> зменник" (353,2) и "lsziuetz / живец"
(224,5) также перевод "lszivoi / живой" (46,8). Таким
образом, при переводе снова наблюдается замена существи-
тельного прилагательным.

Анализ тематической группы "Обозначение черт харак-
тера" подтверждает мысль, выраженную О.С.Мжельской, о
том, что "вариативность отличает русский текст" [6, с.48].
Проиллюстрируем это несколькими примерами:

truwe - 1) serdetzna / сердечно <й> (336,4)

2) virnij / вѣрный (415,7)

frolich - veszell / весел (441)

veszoll, rodosten / весел, радостен
(226,1)

^IСр.: Склонение прилагательных в индоевропейском сов-
падает со склонением существительных [7, с. 536].

- dum - глуп, tzudovat / глуп, чудоват (236,3)
sauerlich - чистен / румян (43,5)
 krasnoi / красной (481,1; 487,3)
tornich - 1) vgrin / угрим (45,23)
 2) serditliff / сердитлив (46,1)

На наш взгляд именно К.д. отличаются вариативностью, умением автора оперировать разными лексическими, а также синтаксическими возможностями, не меняя в целом смысл выражения.

Литература

1. Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Volume II Transliteration and Translation. - Copenhagen, 1970. - 488 p.
2. W.Schmidt. Deutsche Sprachkunde. - Berlin: Volk und Wissen volkseigener Verlag, 1972. - 344 S.
3. Ивашко Л.А., Мхельская О.С. Слова, называющие черты характера человека и особенности психического склада в русско-немецком разговорнике Т.Фенне (1607)
// Русская историческая лексикология и лексикография. - Л.: ЛГУ, 1977 - Вып. 2. - С. 122 - 133.
4. Словарь русского языка II-I7 вв. - М.: Наука, 1979-1984.
5. Псковский областной словарь с историческими данными. - Л.: ЛГУ, 1967-1983.
6. Мхельская О.С. Вариативность в разговорной речи русского средневекового города (по данным русско-немецкого разговорника Т.Фенне) // Русская историческая лексикология. - Л.: ЛГУ, 1983. - Вып.3. - С. 47-53.
7. Kleine Enzyklopädie, Deutsche Sprache. - VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1983. - 724 S.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НАГРУЗКА ПРОСОДИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК ЛАТЫШСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

Проблема консонантизма включает четыре аспекта - исследование артикуляционной, акустической, перцептивной и фонологической сторон согласных, которые в процессе коммуникации неделимы. Консонантизм современного латышского литературного языка еще недостаточно исследован экспериментальным путем. В работах по фонетике латышского языка нет исчерпывающих данных, позволяющих описать латышский консонантизм в терминах акустики. Этим объясняется наш выбор в качестве исходного объекта исследования - консонантизм в латышском языке. В исследовании были использованы аналогичные данные консонантизма в английском языке с целью более яркого выявления специфических для латышского языка просодических характеристик согласных. Данная статья не претендует на полный анализ всех согласных латышского и английского языков.

Для выявления характеристик согласных были подобраны - группа глухих шумных согласных (p), (t), (k), (k'), (c), (s), (z), (z') в латышском языке, (p), (t), (k), (t'), (s), () в английском языке и (l), (m), (n) в обоих языках. При подборе экспериментального материала для анализа согласных латышского литературного языка были учтены изменения форм имен существительных и прилагательных при склонении, формы прилагательных с определенными и неопределенными окончаниями, временные формы глаголов при спряжении. В английском языке учтены формы множественного числа имен существительных, формы глаголов настоящего времени третьего лица единственного числа и формы глаголов прошедшего времени.

Просодические характеристики вышеупомянутых согласных латышского и английского языков - длительность, интенсивно гъ и частота основного тона (для сонантов) уотанавливались в различных позициях слова, фразы и в тексте. Как известно, в большинстве исследований, посвященных проблемам семантики текста, рассматривается взаимодействие языковых элементов разных уровней (лексического, синтаксического и просодического). В задачу настоящего анализа входило выявление наиболее значимых просодических характеристик вышеупомянутых согласных. Однако следует заметить, что мы рассматриваем только некоторые аспекты взаимодействия просодических характеристик латышских согласных с лексическим и синтаксическим уровнем, ибо в рамках данной статьи нам не представляется возможным освещать все вопросы, касающиеся данной проблемы. В латышских экспериментально-фонетических исследованиях не имеется систематических данных о взаимодействии просодических характеристик с языковыми элементами других уровней.

Экспериментальный корпус, озвученный тремя дикторами, содержит 147 слов, 81 фразу и 21 текст с согласными, которые подвергались интонографическому анализу, что дало более 747 реализации согласных. Работа проводилась в лаборатории экспериментальной фонетики ИГПИИ им. М. Тореза.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что из всех просодических характеристик наиболее индикативными являются длительность и интенсивность. Было установлено, что для длительности глухих шумных и сонантов характерна следующая картина:

- а) по способу образования наиболее длительными в латышском языке являются аффрикаты и щелевые (с), (џ), (ш), (ѝ); наименее длительными - смьчные (р), (т), (к), (џ);

- б) по месту образования наиболее длительными являются глухие шумные согласные переднеязычного дентального образования (с), (д), (з), (ж), из сонантов - билабиальный сонант (м).

Итак, можно говорить, что в плане изменения длительности в зависимости от способа и места образования для анализируемых латышских и английских согласных характерна общезыковая тенденция: в обеих группах согласных наблюдается зависимость длительности от позиционных факторов.

Что касается длительности сонантов, то позиционный характер был выявлен путем анализа временной характеристики сонантов в начале, середине и конце слова. Наибышие значения длительности сонантов были зафиксированы:

- а) перед звонким согласным в интерслоговой позиции двухсложного слова (/elidzi /, /lendz /, /valgi /);
- б) в абсолютном исходе односложного слова (/kaa /, /aan /, /pil /).

Сонанты изменяют свою длительность в зависимости от типа слогового акцента; главным образом это проявляется в середине двухсложного слова в позиции перед последующим согласным (/vuaaba /, /valgi /) и в конечной позиции односложного слова перед согласным, где сонант обычно более длительный в слоге с длительной интонацией, нежели с недлительной интонацией, например: /pils / - 110 мс, /valt / - 140 мс.

В целом, говоря о всей группе согласных, можно сказать, что наблюдается постепенное нарастание длительности исследуемых согласных в направлении от начала фразы к концу фразы, например: Presi šo es porīku (305 мс); Es porīku šo presi (335 мс). Однако у сонантов в середине фразы наблюдается меньшая длительность, чем в начале фразы: Verbūt tu cel par vāgu (60 мс). Во

всех случаях длительность сонантов в составе односложного слова превосходит длительность сонантов в составе двухсложного слова. Это наблюдается как в изолированных словах, так и во фразах. В большинстве случаев сонанты наиболее длительны перед краткими гласными и после кратких гласных, например: *tip* (180 мс), *smip* (130 мс). Длительность согласных в конечной позиции фразы приближается к длительности соответствующих согласных в изолированных словах. Длительность согласных, включенных в текст (в нашем материале для глухих шумных), отличается от длительности соответствующих согласных в изолированных словах и фразах в сторону компрессии. Итак, из группы глухих шумных длительными являются (с), (з), (н) и (р), из сонантов наиболее длительным является (ш), хотя значение длительности (п) мало ему уступает.

Для интенсивности согласных получены следующие результаты:

1. Интенсивность согласных зависит как от способа и места их образования, так и от позиционных факторов: согласные более интенсивны в начальной позиции слова (для сонанта), а также в начале фразы и текста.
2. Наблюдается прямая связь между изменениями длительности и интенсивности: наиболее длительные согласные характеризуются наибольшей интенсивностью.

Однако в отдельных позициях слова между длительностью и интенсивностью сонантов существует обратная связь, например: сонанты наиболее интенсивны в начальной позиции и в интервокальной позиции слова, где их длительность наименьшая (/mal /, /kam /, /paka /, /man /).

Проверялась зависимость уровня интенсивности сонантов от типа слоговой интонации. Однако оказалось, что этот фактор практически не влияет на интенсивность сонантов.

Подводя итоги, следует отметить, что максимальный уровень интенсивности сонантов выше интенсивности глухих шумных, что является противоположной картиной для значения длительности.

Для частоты основного тона (ЧОТ) сонантов характерны следующие показатели:

1. Величина скорости изменения ЧОТ зависит от длительности сонанта - сонанты большей длительности имеют меньшую скорость изменения ЧОТ.
2. Направление скорости изменения ЧОТ и частотный интервал между сонантом, последующим и предшествующим гласными зависят от позиционных факторов. В изолированных словах сонанты характеризуются положительным направлением скорости изменения ЧОТ только в начальной позиции слова; в словах, входящих в состав фраз, направление положительное в начале и середине фразы.

Частотный интервал колеблется от 0 до 4 полутонов; наименьшие значения частотного интервала характерны для сонантов в начале слова.

В интервокальной позиции двухсложного слова наименьшее значение частотного интервала, свидетельствующее о более тесной структурной связи, наблюдается в последовательности сонант + гласный /vili/. В английском языке, например, это выявлено в последовательности гласный + сонант /vili/; возможно, это является показателем различия слогаделения в обоих языках (в латышском языке первый слог открытый, в английском закрытый).

Расхождения по частотному интервалу в словах с длительной и недлительной слоговой интонацией не носят систематического характера.

Параметры ЧОТ сонантов проявляют небольшую зависимость от положения сонантов в слове и фразе.

Итак, к числу регулярных явлений относятся позиционные изменения длительности исследуемых согласных,

прямая связь между длительностью и интенсивностью, зависимость длительности и интенсивности от способа и места образования согласных, а также зависимость длительности сонантов от типа слогового акцента. Относительно всех вышеупомянутых согласных необходимо отметить, что длительность звуков сигнализирует об определенном семантическом оформлении слова, например, длительность сонанта в слове "шапа" /шапа/ звук (п) = 140 мс, а в слове "шаппа" /шаппа/ = 200 мс. То же самое можно сказать о других согласных и гласных в слове, например, "шава" /шава/ и "швава" /швава/.

А. Я. Банкав

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
СЛОВ ИТАЛЬЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
В ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКЕ

В последние годы заметно возрос интерес к условиям формирования и функционирования лексического фонда латышского языка. Особое внимание уделяется изучению межъязыковых контактов, в том числе и с отдаленными языками, каковыми являются для латышского языка романские языки, обогатившие его словарный состав многочисленными заимствованиями.

Обращение лингвистов к изучению слов итальянского происхождения началось сравнительно недавно. Существуют отдельные исследования на материале французского [1, 2] и английского [3] языков. На материале других языков данный процесс рассматривается либо попутно [4], либо еще не изучен. Так, например, в лексикологии латышского языка указывается [5, с. 116], что из итальянского

взято много слов, относящихся к музыкальной терминологии, а также некоторые другие слова и далее приводится 17 единиц итальянского происхождения. Следует отметить, что в обогащении лексического состава латышского языка итальянский язык по своей активности занимает второе место (после французского) среди романских языков. Наиболее полно слова итальянского происхождения фиксируются в словарях иностранных слов латышского языка. Сплошное обследование данных словарей, изданных в разные периоды, дали следующие результаты:

Таблица I

Год издания словаря	Общее к-во слов	В том числе ассимилированные итальянизмы	
		в абсолютных числах	в % отношении
1906	~ 4.600	96	2
1914	> 6.000	145	2,4
1934	~ 7.500	259	3,45
1978	~ 19.000	340	1,8

Однако было бы преждевременно считать, что словари иностранных слов регистрируют все итальянизмы латышского языка. Словари этого рода содержат редкие слова, окказиональные вкрапления, что увеличивает общее количество слов итальянского происхождения. Сопоставление двух словарей иностранных слов (1934 г. и 1978 г. изданий) показало, что оба словаря включают только III итальянизмов. Такие количественные различия могут быть обусловлены несколькими причинами, важнейшими из которых, на наш взгляд, являются:

1) указание на разные языки-источники заимствованных слов:

Заимствование	СИС - 1934 г.	СИС - 1978 г.
balcons	ит. balcone	франц. balcon
kanēlis	ит. canella	франц. cannelle
liūna	ит. liana	франц. lianes
gaura	ит. gastra	франц. gatre

- 2) различное количество производных слов в одной словарной статье. Так, например, словарь иностранных слов 1934 года издания дает два итальянизма (karikēt , karikatūra), тогда как словарь иностранных слов 1978 года издания - 3 (karikēt , karikatūrists , karikatūra). Аналогично СИС - 1934 г. фиксирует avārija , а СИС - 1978г. avarēt , avārija и т.д.;
- 3) появление новых слов итальянского происхождения (autostrāde , fašizma);
- 4) отдельные вкрапления даны вместе с ассимилированными формами итальянизмов (forte , solo).

Кроме того, остались незафиксированными отдельные слова итальянского происхождения, которые относятся к варваризмам. Они проникли в латышский язык через немецкий и поэтому нередко отнесены к заимствованиям из немецкого языка (например, špaciēģēt "гулять" через немецкое spazieren из ит. spaziare ; šrāve "шутка" через нем. Spaß из ит. spazzo).

При изучении слов итальянского происхождения особое внимание уделяется сравнительно большой группе лексических вкраплений. Анализ данных словарей иностранных слов, изданных в течение XX века, свидетельствует о

том, что наблюдается некоторый рост вкраплений итальянского происхождения (см. табл. 2).

Таблица 2

Год издания СИС	Общее к-во вкраплений	В том числе вкраплений итальянского происхождения	
		в абсолютных числах	в % отношении
1906	560	114	20,36
1914	472	106	22,46
1934	834	131	15,7
1969	490	89	18,16
1978	750	167	22,27

Вкрапления итальянского происхождения обозначают главным образом слова музыкальной терминологии, например: *a tempo, acuto, affectuoso, agitato, allegretto, allegro, amoroso, ardente, arpeggio, bel canto, calmo, cantabile, capriccioso, crescendo, dolce, grandioso, lento, maestoso, moderato, morendo, piano, sostenuto, veloce, vivace.*

Отдельные вкрапления относятся к терминологии изобразительного искусства (*al fresco, al secco*), к восклицаниям (*bravo, bravissimo*), к формулам обращения (*addio*) и т.д.

Среди слов итальянского происхождения сравнительно невелико количество единиц экзотической лексики. Эти слова обозначают явления, свойственные только образу жизни Италии, например:

- названия лиц по различным профессиональным и/или социальным признакам (*bersalzers, dičerone, dičisbejs, dodžs, dogarese, dženni, gondoljers, trabants*);

- названия исторических событий и/или участников этих событий (kamorra, mafija, sinjorijs; dompi, gibelfni, gvelfi, karbonāri);
- названия денежных единиц (sehīns, šentesimo, līra) и т.д.

Экзотизмы характеризуются своей прикрепленностью к определенному контексту и служат для заполнения номинативного вакуума латышского языка. Они представляют в своем большинстве конкретную лексику и им свойственна семантическая фиксированность, выражающаяся в привязанности к замкнутым семантическим группам.

Постепенно часть экзотизмов теряет свою "экзотичность", превращаясь в полноценные заимствования. Так, в латышский язык в начале 80-х годов вошли слова *piša*, *pišbrijs* (с итальянского *pizza*, *pizzeria*).

Большинство латышских итальянизмов это - ассимилированные заимствования итальянского происхождения, пополняющие лексику по двум основным тематическим группам:

- а) слова, обозначающие термины искусств;
- в) термины финансово-торговых операций (*imports*, *inkasents*, *fiasko*, *firma kartelis*, *valūta*, *ziro*, *ziřants*).

Более детальная классификация слов итальянского происхождения позволяет уточнить первую группу слов и выделить дополнительные подгруппы:

I. музыкальные термины:

- I.1. музыкальные инструменты, их части (*brača*, *fagots*, *flauta*, *fanfara*, *mandola*, *mandolina*, *vijole*, *pianīns*);
- I.2. певческие голоса (*baritons*, *bass*, *diskants*, *falsets*, *koloratūra*, *reditatīvs*);
- I.3. музыкальные жанры, их части (*šrijs*, *intermeso*, *fuga*, *zadrigals*, *serenāde*, *skerco*, *sonets*, *opera*, *rondo*);

1.4. исполнительное мастерство и сочинение
(akords, barkarolla, koncerts, librets, partitūra, virtuozs).

2. Термины живописи и скульптуры:

2.1. Виды живописных и скульптурных изобретений
(freska, intersija, karikatūra, aarins, mozaika, skice);

2.2. техника живописи (majolika, tempera).

3. Термины архитектуры (balkons, belveders, karkakess, kupols, lodžija, mezonīns, palaco, rontonda, rizalīts).

Другие тематические группы итальянизмов латышского языка представлены несколькими словами, например:

- политическая терминология (fašisms, fašists, geto);
- спортивная терминология (finālists, fināls, regate);
- названия растений (belladonna, lavanda, tulpe);
- термины вулканологии (lava, pucolāns, vulkāns);
- названия болезней (malūrija, skarlatīns);
- военная терминология (kazarma, kazenāsts, lezgete, zaldāts).

Таким образом, большинство итальянизмов имеет узкую сферу функционирования, что отражается на их употребительности в языке. Из общего количества итальянизмов, зафиксированных в словаре иностранных слов латышского языка (1978 г. изд.), только 106 единиц (т.е. 31,2%) зарегистрированы в частотном словаре латышского языка (при общем объеме исследованных текстов в 892 000 словоупотреблений) [6]. Сопоставление данных этих двух словарей показало, что итальянизмы имеют низкую частоту употребления, что свидетельствует о периферийном характере этого пласта заимствованной лексики.

Частота	Количество итальянизмов	Примеры
свыше 100	1	komanda
50-100	7	karjers, koncerts, opera
25-49	4	grenfts, avārija, pasta
20-24	4	bandfts, kampapa, stafete
15-19	4	solists, tara, vijole
10-14	16	erks, brutto, kvartets, torte
5-9	12	dukāts, kaskāde, kupols
4	6	bravo, makaroni, patina
3	13	ārija, lagūna, madonne
2	12	čells, duets, flauta
1	27	baroks, moto, trio, trombs

В заключение следует подчеркнуть, что слова итальянского происхождения латышского языка представляют собой все основные типы заимствований (вкрапления, экзотизмы, заимствованные слова), и все эти типы отмечены явной терминологической направленностью. Несмотря на то, что латышский язык не испытал прямого влияния итальянского языка, все таки можно утверждать, что отдельные терминосистемы (в частности музыкальная терминология), обогатились под влиянием итальянского языка, при активном содействии языков-посредников (французского, русского и немецкого).

Литература

I. Чантурия И.Г. Итальянские заимствования во французско-

- ком языке XVI века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1979. - 19 с.
2. Guiraud P. Les mots étrangers. - Paris: PUF, 1965, n° 1166: - 120 p.
 3. Зльдаров А.М. Итальянские заимствования в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Л., 1984. - 21 с.
 4. Кустра А. Заимствования из западноевропейских языков в русский литературный язык конца XVII - первой трети XIX веков (слова из сферы искусства): Канд. дис. ... канд. филол. наук. - Ростов-на-Дону, 1981. - 167 с.
 5. Laua A. Latviešu leksikoloģija. - R.: Zvaigzne, otrais sējums, 1981. - 288 lpp.
 6. Latviešu valodas biežuma vārdnīca. Apvienotais (1.-3.) sēj. - R.: Zinātne, 1973. - 1004 lpp.

О.Г.Ветрова

МЕСТОИМЕНА КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

Широкие возможности при исследовании специфики синтаксической семантики открывает изучение средств ее выражения. При этом прежде всего раскрываются эквивалентные отношения определенных форм, представляющих собой варианты соответствующих синтаксических единиц - синтаксем. Последние, наряду с компонентами предложения, являются элементарными синтаксическими единицами, выделяемыми в структуре предложения [1,2,3]. Однако только синтаксемы выражают синтаксическую семантику, тогда как компоненты предложения выступают в роли синтаксических

позиций, занимаемых синтаксемами. Содержание и тех и других элементарных синтаксических единиц определяется дифференциальными признаками на основе одних и тех же синтаксических связей в предложении. Различие заключается в том, что компоненты предложения характеризуют дифференциальные синтаксические признаки; содержание же синтаксем определяют дифференциальные синтаксико-семантические признаки.

В настоящей публикации рассматриваются предложения, в рамках которых раскрывается синтаксическая семантика вокативности (звательности). Носителями этой семантики являются вокативные синтаксем, которые помимо вокативности могут быть наделены и другими содержательными признаками. В частности, наиболее яркой элементарной синтаксической единицей этого плана представляется вокативная синтаксема, имеющая в своем содержании синтаксико-семантический признак субстанциальности.

В числе вариантов исследуемой синтаксем особо выделяется местоименный вариант You. Как отмечается в работах одного из основателей методики лингвистического анализа предложений, основанного на выделении компонентов предложения и синтаксем, А.М.Мухина, местоименные отличаются от других категорий лексем тем, что они обуславливают наличие особых вариантов синтаксем, индивидуальных по своей выразительности [4, с. 190]. Личные местоименные, к которым и относится лексема you, имеют (также, как и притяжательные местоименные) характерные функциональные особенности по сравнению с другими местоименными. Это выражается в том, что они представляют только субстанциальные синтаксем и находятся в эквивалентностных отношениях с существительными, представляющими соответствующую синтаксему. Так, трансформация замены местоимением you элементов, в содержании которых предполагается вокативность, является диагностирующей при выявлении этого синтаксико-семантического признака (вряду с трансформацией

замены одушевленным существительным). В английском языке *you* является единственным личным местоимением, способным выступать в качестве средства выражения вокативной синтаксемы. Видимо, это и заставило некоторых лингвистов предположить, что *you* не представляет собой определенный вид личного местоимения, а лишь вокативную форму местоимений *he, she* и *they* [5, с. 76]. Способность местоимения *you* употребляться в качестве функционального эквивалента существительного, обозначающего адресат речи, неоднократно отмечалась в лингвистической литературе. Так, Л.Блумфильд, например, отмечает, что "независимо от того, к кому или к чему мы обращаемся, мы можем назвать этого реального или воображаемого собеседника, обозначенного в форме субстантивного выражения, посредством субститута *you* "вы"; для этого нам не нужно практически знать то лицо ..., к которому мы обращаемся как к собеседнику" [6, с. 76]. В то же самое время нельзя не согласиться с Р.Б.Лонгом, что несмотря на универсальность обращения, выраженного местоимением второго лица, подобное обращение не является признаком хорошего тона [7, с. 339]. Вариант *you* предполагает определенную коннотацию, вытекающую из контекста. Существует мнение, что местоимение *you*, употребляющееся в качестве фамильярного обращения в пределах просторечия и слэнга, включая и обращение к знакомцу, расценивается как вульгарное и содержащее отрицательные эмоции [8, с. 70]. С этим нельзя не согласиться в отношении элемента *you* в позиции единственного (ядерного) компонента нераспространенного вокативного предложения: *While he waited for someone to notice him, he interested himself in the radiophoto machine ...* "You!" said the desk sergeant. "Proteus!" Registration involved the filling out of a long annoyingly complicated form ... (K.Vonnegut). Get to that door, you. (He does not move) I'll fix you, you ... (E.Albee). The

conductor stepped into the Chevrolet. "Now, you", the deputy said to Floyd, "you get in that car" (J. Steinbeck); Pa called to them, "Come on, you, lest you want to get left". (J. Steinbeck). Однако стилистический оттенок, передаваемый этим элементом в каждом отдельном случае зависит также от единиц, с которыми сочетается вариант you. Сочетаемость относится к числу формальных дистрибутивных особенностей синтаксиса, в которых проявляется специфика их содержания. Сочетаемость тесно связана с другим дистрибутивным признаком синтаксиса: их лексической наполняемостью. В этом плане вокативная синтаксема, представленная вариантом you, ведет себя своеобразно. Так, по наблюдениям некоторых исследователей, элемент you, денотативная функция которого, как и у других местоимений и имен собственных, "встроена в его семантику", не способна входить в атрибутивные отношения [9, с. 78]. Это заключение требует, на наш взгляд, уточнения. Действительно, данный элемент никогда не сочетается с притяжательным местоимением my при выражении вокативности. Что же касается сочетаемости с адъективными элементами, то это вполне возможно: Colette was silent for a moment. "It's not my way". "Oh, you've got one, have you, lucky you?" "Do you think I'm wrong?" "I've no idea ..." (I. Murdoch); What words will you summon to when the day comes, it may, poor you, when you suddenly discover that you've been in love? (E. Albee)

Бесспорно, местоимения 2-го лица "являются самыми обобщенными носителями важнейших структурно-семантических признаков обращения" [10, с. 13]. Высокая степень обобщенности, заключенная в семантике местоимения you в вокативной функции, обуславливает, по-видимому, и соответствующую сочетаемость этого элемента. Вариант you сочетается:

а) с лимитативной синтаксемой, представленной сочетанием существительного с предлогом: "Ahoy there!"

he shouted. "You with the crimson whiskers! Come alongside, will you, and give us your news!" (E.Linklater); "...Now, you with the cap - Ed Jenks, ain't it?" "Yes, doc" (S.Fitzgerald); "Here, you with the lantern! Come over this way. I want to talk to you ..." (K.Grahame);

б) с локативной синтаксемой, выраженной существительным с предлогом, а также наречием: I can die too, see! You! There! You in the shadows! - You killed him to silence him! (M.Anderson); "You out there - he cried in a trembling voice. You - there - !" He paused, his arms still uplifted, his head attentively as though he were expecting an answer ... "Oh, you above there!" (S.Fitzgerald);

в) с элективной синтаксемой целого: He laughed. "You, of all people", he said scornfully. "You'd better take hold of yourself (J.Cheever).

Сочетаемость с перечисленными синтаксемами обеспечивает определенную степень конкретизации адресата, выраженного элементом you, когда говорящий не может или не хочет назвать адресата по имени или при помощи других вариантов данной синтаксемы. Большая степень конкретизации достигается также, когда вокативный элемент you сочетается на основе аппозитивной связи с идентифицирующей синтаксемой: ... Tomd, kicking out his legs, sleepily said. "Well, good night, you fellows! This is the real life for a gentleman!" ... (K.Grahame)

Вариант you может иметь при себе причастие или порядковое числительное с зависимыми словами, а также придаточное определительное предложение: "I did say you were a drunkard!" she cried. "When you said Mary Decker died of starvation, you made it out as if it was Pinky's fault - you, swilling yourself full of corn all day!" (S.Fitzgerald); You of the cloudy future, the first to find his brittle bones, remember why he died, and be

grateful (J.Steinbeck); You, who have been watching this river in the past till your hope turned bitterness, pity me now, my hope gone ... (M.Anderson)

В сложносочиненных предложениях, где you выступает в позиции ядерного компонента главного предложения, примеров сочетаемости вокативной синтаксемы you с другими синтаксемами не отмечено. В стилистическом отношении употребление в вокативной функции элемента с придаточным предложением отличается от одиночного употребления этого элемента.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что определенные функциональные особенности личных местоимений (на примере местоимения you) преломляются и корректируются в зависимости от синтаксико-семантического содержания элементарной единицы - синтаксемы, которую они выражают.

Литература

1. Мухин А.М. Лингвистический анализ. Теоретические и методологические проблемы. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1976. - 284 с.
2. Мухин А.М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. - 304 с.
3. Мухин А.М. Структура предложений и их модели. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1968. - 230 с.
4. Мухин А.М. Синтаксемный анализ и проблема уровней языка. - Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1980. - 304 с.
5. Thorne J.P. English Imperative Sentences. // Journal of Linguistics. Cambridge, 1966. - Vol. 2. - No 1. - P. 69-78.

6. Блумфилд Л. Язык / Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1968. - 607 с.
7. Long R.W. The Sentence and its Parts: A Grammar of Contemporary English. - Chicago: The University of Chicago Press, 1962. - 528 p.
8. Оликова М.А. Обращение в современном английском языке. - Львов: Вища школа, 1979. - 84с.
9. Иртеньева Н.Ф. Структура именной группы с именем личным в английском языке // Иностран. языки в школе. - 1970. - № 4. - С. 73-78.
10. Цапвалова Л.И. Формы и функции обращения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - Минск, 1979. - 24 с.

Л.А. Возняк

ИНФОРМАТИВНАЯ КАТЕГОРИЯ КАЧЕСТВА В НЕМЕЦКОМ РЕЧЕВОМ ВЫСКАЗЫВАНИИ

Рассматривая "речевое сообщение как набор категорий смысловой информации" [I, с. 96-97], мы в предлагаемой статье остановимся специально только на одной категории, а именно, информативной категории качества, характерной для речевого высказывания на немецком языке.

В зависимости от коммуникативного намерения говорящего, для выражения физических свойств, внутренних качеств и признаков людей, предметов, явлений действительности, процессов употребляются качественные прилагательные, например: *eine große Stadt, ein wichtiges Gespräch, grünes Gras.*

Если говорящему необходимо выразить локальные, вре-

менные связи предмета, его происхождение или материал, то он употребляет относительные прилагательные, например: das heutige Blatt, arabisches Bzdöl.

Для характеристики людей, предметов, явлений действительности по действию, с указанием активного или пассивного характера признака, говорящий в качестве определений употребляет причастия: Partizip I или Partizip II, например: der fragende Lehrer - der gefragte Student, der schreibende Schüler - die geschriebene Übung.

Качественные, относительные прилагательные и причастия употребляются в составе атрибутивного словосочетания " Adjektiv (Partizip) + Substantiv ". При помощи данного словосочетания в немецком языке выражаются разнообразные определительные смысловые связи. Соответственно его коммуникативная нагрузка - выражение качества в самом широком смысле слова: это обозначение внешних признаков и внутренних свойств человека, животных, предметов, абстрактных явлений, характеристика действий, процессов, обстоятельств. Следовательно, его функция в акте речи - определительная, качественная, уточняющая, оценочная характеристика.

В предложении определительное словосочетание " Adjektiv (Partizip) + Substantiv " выступает как один член, при этом ядром (Gliedkern) является имя существительное, а согласованное определение - частью данного члена предложения (Gliedteil) [2, с. 80].

Характерной особенностью словосочетания является то, что в предложении определение можно переместить только вместе с тем существительным, к которому оно относится, или как целое заместить одним словом, например:

Am 1. Mai demonstrieren die arbeitenden Menschen für Frieden und Sicherheit.

Die arbeitenden Menschen demonstrieren am 1. Mai für Frieden und Sicherheit.

Sie demonstrieren am 1. Mai für Frieden und Sicherheit.

Атрибутивное словосочетание "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" может входить составной частью в предложение и выполнять в нем разные синтаксические функции. Однако на определенных этапах работы оказывается необходимым и целесообразным рассматривать данную единицу языка вне контекста, так как словосочетание - это единица языка, проявляющая свои признаки вне контекста и "существующая в языке независимо от предложения" [3].

Атрибутивная группа "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" представляет собой свободное синтаксическое словосочетание: оно легко членится на составляющие его компоненты, соответственно его значение как целого выводится из значения компонентов. В некоторых случаях происходит столь тесное семантическое срастание членов группы, что они становятся лексической единицей, сохраняя синтаксическую форму словосочетания, например: blaue Bohnen [4].

Атрибутивное словосочетание "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" относится к именным (субстантивным) словосочетаниям, так как стержневым словом является имя существительное, а в качестве определения выступают прилагательные и причастия.

Будучи четко разложимым, атрибутивное словосочетание "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" представляет собой семантическое и структурное единство, для которого характерны наличие определенной смысловой целостности и семантической завершенности. Это свободная синтаксическая единица, которая не воспроизводится целиком в готовом виде, а конструируется в процессе речи (говoreния) по определенной модели. Определительное словосочетание "прилагательное (причастие) + существительное" в немецком языке может быть представлено следующей моделью: A (P) + S, или расчлененно: A + S, P + S.

В свою очередь, модель P + S включает в себя две модели: P_I + S и P_{II} + S [5, с. 297].

Каждая из трех моделей: $A + S$, $P_I + S$, $P_{II} + S$ состоит из нескольких микромоделей в зависимости от того, какой детерминатив стоит перед словосочетанием.

С точки зрения современной методики, которая различает грамматический материал для продуктивного и рецептивного овладения, а также из реальных условий обучения, представлялось необходимым отграничить тот грамматический материал, которым студенты должны овладеть продуктивно, в целях грамматически правильного оформления речевого высказывания. Для объективного решения вопроса нами использовались лингвостатистические методы исследования.

С этой целью был проведен статистический анализ употребления атрибутивного словосочетания "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" в текстах общественно-политической тематики (газета "Neues Deutschland") с общим объемом выборки $n = 10.000$ атрибутивно употребленных прилагательных и причастий.

Для получения более достоверных и точных данных был проведен анализ в данном аспекте произведений художественной литературы, где анализу подверглись драмы, радиопостановки, а в художественной прозе - диалоги и монологи также с общим объемом выборки $n = 10.000$ атрибутивно употребленных прилагательных и причастий.

Данные лингвостатистического анализа текстов общественно-политической и художественной литературы приведены в таблице I.

Сравнение данных таблицы показывает, что самыми распространенными в обоих жанрах являются формы с определенным артиклем перед атрибутивным словосочетанием "Adjektiv (Partizip) + Substantiv": 52,9% и 31,8%; приблизительно одинаково употребление форм с неопределенным и нулевым артиклями. Наибольшее расхождение наблюдается в употреблении притяжательных местоимений: 1,4% и 15,7% в текстах общественно-политического жанра и в текстах ху-

Таблица I

Употребление различных видов определенных слов перед атрибутивным словосочетанием "Adjektiv (Partizip) + Substantiv"

Определительные слова (детерминативы)	Общественно-политические тексты	Художественная литература
определенный артикль	52,9%	31,8%
неопределенный артикль	13,7%	18,6%
нулевой артикль	27,4%	25,1%
притяжательные местоимения	1,4%	15,7%
указательное местоимение <i>dieser</i> (-e, -es, -e/Pl /)	3,7%	5,6%
все остальные	0,9%	3,2%

художественной литературы соответственно. Довольно высокий процент употребления притяжательных местоимений перед определительным словосочетанием в текстах художественной литературы по сравнению с общественно-политическими (более чем 10 раз) объясняется большей личной причастностью героев к происходящим событиям, тексты общественно-политической тематики в данном отношении более нейтральны.

Принимая во внимание полученные лингвостатистические данные, в обучение экспрессивной стороне устной речи должны быть включены формы с определенным, неопределенным и нулевым артиклями, с притяжательными местоимениями и указательным местоимением *dieser* (-e, -es, -e / Pl /) перед атрибутивным словосочетанием "Adjektiv (Partizip) + Substantiv". Все остальные случаи употребления данного атрибутивного словосочетания после других видов определенных слов из рассмотрения были исключены и в обучение

на неязыковых факультетах университета не включаются в связи с их незначительной встречаемостью в проанализированных текстах (3,2% и менее I%).

Для всех вышеприведенных моделей определительного словосочетания "Adjektiv (Partizip) + Substantiv" характерна одинаковая структура: прилагательное или причастие, выражающие качество, + главный член (имя существительное) и одно и то же синтаксическое значение (во всех случаях - это характеристика качества). Данные модели атрибутивного словосочетания существуют вне модели предложения и наряду с ней, в процессе общения они наполняются конкретным языковым содержанием и включаются в структуру предложения. Хотя в предложении атрибутивное словосочетание может вступать в разнообразные внешние связи, но его внутренняя структура, взаимоотношения между его членами (компонентами) всегда остаются стабильными. Для атрибутивного словосочетания, как и для любых словосочетаний, характерна неограниченная грамматическая сочетаемость в пределах лексически сочетающихся слов.

Литература

1. Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. - М.: Просвещение, 1973, - 224 с.
2. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache.-3. unveränderte Aufl.-V&B Bibliographisches Institut Leipzig, 1968. - 51 S.
3. Шаедова Н.Д. Активные процессы в современном русском синтаксисе (Словосочетание). - М.: Просвещение, 1966. - 156 с.
4. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Система отношений и система построения. - Л.: Наука,

Ленинградское отделение, 1973. - 366 с.

5. Moskal'skaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. - 2 - e изд. - М.: Высшая школа. - 1975. - 366 S.

Т.А.Гусева

СЕМАНТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СУФФИКСА В ПРОСТОРЕЧНЫХ СУФФИКСАЛЬНЫХ НАИМЕНОВАНИЯХ

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется повышенным интересом к изучению сущности номинационных процессов в живой разговорной речи. Естественно, что в таких условиях в поле зрения исследователей неизбежно попадают не только нормативные реализации системы, но и все то, что отходит от общепринятых норм. Многие единицы этого типа, вызванные к жизни стремлением человека к максимальной экспрессивности, входят в просторечие, т.е. в ту лексическую прослойку, в которой процессы словотворчества - действительного изобретения новых наименований - протекают очень интенсивно. Рассмотрение просторечных единиц с позиций ономазиологии дает интересный материал для выявления техники номинации в целом, специфики номинационных процессов в нестандартных сферах национального языка, а также для изучения развития языковых систем и подсистем (например, словообразовательной).

В настоящей статье, обращаясь лишь к одному из аспектов просторечной суффиксальной номинации, мы ставим задачу выяснить те семантические роли, которые может играть суффикс при формировании просторечного производного, и в связи с этим уточнить, какими средствами оформляется ономазиологический базис и ономазиологический

признак суффиксальных наименований в просторечии английского языка (его американского варианта). Под ономаσιологическим базисом производного понимаем, вслед за Е.С.Кубряковой, "то, что фиксирует его принадлежность к определенному классу предметов или признаков, или действий". Ономаσιологический признак представляет собой переменную величину, "которая характеризует и уточняет базис и которая позволяет отличить одно производное от другого, построенного по той же модели с использованием того же базиса" [I, с. 58-59].

Как свидетельствует проанализированный материал¹, основную часть просторечных производных составляют наименования, в которых ономаσιологический базис и ономаσιологический признак находят эксплицитное выражение за счет семантики компонентов, входящих в словообразовательную структуру производного. Степень эксплицитности может быть различной. Так, например, в слове *destroyer* "an extremely attractive or beautiful young woman (a woman who "destroys" men)"² суффикс *-er* передает лишь обобщенное значение лица. А это значит, что сема "female", входящая в значение слова *woman*, которое называет семантический класс деривата, оказывается эксплицитно не выраженной. Что же касается признака обозначаемого, то он репрезентирован в деривате лишь семой "power, force", которая в качестве потенциальной семы входит в значение слова *destroy* "to ruin completely (by force)" и в качестве реальной - в значение квалификатора *attractive* "having the power to attract", включенного в дефиницию. В то же время в семантике производного *welsher* "one who welshes", *welsh sl.* "to fail to keep a promise or meet

¹ 1020 суффиксальных имен существительных, полученных методом сплошной выборки из Словаря американского слэнга Х.Вентворта и С.Б.Флекснера.

² Здесь и далее в круглых скобках приводится словообразовательное толкование деривата.

an obligation " не появляется ничего, что бы уже не было заложено в семантике производящей (мотивирующей) основы или не было прямо связано с присоединенным суффиксом. А это значит, что и базис, и признак наименования полностью выражены за счет семантики компонентов словообразовательной структуры деривата.

Как и в стандартных производных, в просторечных именах существительных ономаσιологический базис, как правило, фиксируется с помощью суффикса, являющегося в таких случаях средством категоризации слов, а производящая основа оформляет признак наименования. Возможен и другой вариант, когда ономаσιологический признак выражается за счет семантики суффикса.

Специфической чертой просторечия является то, что ономаσιологический базис, а в отдельных случаях и ономаσιологический признак, оформляются не только с помощью стандартных морфем, но и за счет семантики нестандартных суффиксов: -erino / -ino, -eroo / -goo, -nik, -o, -ola, -sky / -ski, -ville, например, в Angelino "a resident of Los Angeles (one who lives in Los Angeles) суффикс -ino фиксирует базис наименования. Ср. pokerino "a game of poker played for small stakes". Здесь суффикс -ino, реализуя довольно редкое для него значение уменьшительности, оформляет ономаσιологический признак.

Отметим, что стандартные суффиксальные морфемы, оформляя ономаσιологический базис просторечных наименований, могут иметь особенности реализации. Так, например, использование терминологических суффиксов -ism, -itis, -ology, -osis, -um, взаимодействующих с просторечными основами, не имеет целью создание научных терминов, а в значительной степени предопределено стремлением к экспрессивности, обусловленной сочетаемостью разностилевых компонентов и возникающей вследствие этого иронической наукообразностью производного наименования: slickum

"hair oil or hair dressing as pomade" (that which is slick), slick sl. "glib". Суффикс -itis, фиксируя базис просторечных наименований абстрактной семантики, характеризуется расширением семантического объема и приобретает обобщенное значение "ненормальное болезненное состояние, навязчивая идея", ср., например, стандартное laryngitis "inflammation of the larynx" и просторечное Charlestonitis "a frequent desire to dance the Charleston". Суффикс -ie/-ey/-y, наряду с нормативным для него значением уменьшительности-ласкательности, имеет в просторечии обобщенное значение предметности и часто выступает не только оформителем ономаσιологического признака, привнося в производное, как правило, положительную коннотацию (его традиционная роль), но и оформителем ономаσιологического базиса как в конкретных, так и в абстрактных существительных (не свойственная ему роль). При этом суффикс обычно утрачивает положительный эмоционально-оценочный компонент и вносит в смысловую структуру деривата оттенок пренебрежительности: baddle "an unsuccessful attempt".

Наряду с производными с двухчленной ономаσιологической структурой, выраженной за счет семантики компонентов словообразовательной структуры, выборка регистрирует группу просторечных дериватов, в которых суффикс служит исключительно созданию экспрессивности производного наименования. Использование деривационного форманта в этих случаях обусловлено стремлением к выразительности самой формы. Для стандарта суффиксы, играющие подобную семантическую роль, не характерны. В стандартном словопроизводстве функционирует лишь незначительное количество уменьшительно-ласкательных суффиксов, модели с которыми не отличаются высокой продуктивностью. При образовании просторечных имен в качестве своеобразных морфологических усилителей, обуславливающих коннотацию дериватов, выступили следующие суффиксы: -erino/-ino, -eroo/-roo,

- ie/-ey/-y, -o, -ola, -sie/-sey/-sy/-s^I.

Интересным является тот факт, что перечисленные выше экспрессивные суффиксы могут играть не только роль "чистых" усилителей. В других случаях они способны оформлять базис наименования, одновременно обуславливая и коннотацию деривата, ср., например, Congaroo/Congeroo/Congoroo "a conga dancer or singer" (one who performs a conga dance or song) и buddy "buddy"; seppo "one who has legally separated from his or her spouse" и kiddo "a child or youth of either sex", kid coll. "a child of either sex"; patsy a weak or cowardly man" (one who is often patted, one who likes to be patted) и mumsie/mumsy, moma/Mome "a mother", mom coll. "a mother".

В отдельных производных, образованных с помощью -из, этот суффикс вносит в смысловую структуру просторечного деривата лишь терминологическую сему, например, goopus "a stupid, undesirable person; a "goof", goop sl. "a goof". Взаимодействие разностилевых компонентов словообразовательной структуры (терминологического суффикса и просторечных производящих основ) способствует экспрессивности дериватов с суффиксом -из. Поскольку следствием деривационного акта в данном случае является формирование не научных терминов, а экспрессивных "терминоподобных" единиц, суффикс -из в просторечном словопроизводстве может рассматриваться в качестве такой деривационной морфемы, использование которой обусловлено, как и в предыдущем случае, стремлением к экспрессивности, к выразительности формы наименования.

^I Суффикс -sie/-sey/-sy/-s развился на базе суффикса -ie/-ey/-y в результате осложнения последнего согласной в при пересмыслении морфологической структуры имен собственных типа Vesey, Elsie. Вариант -s может рассматриваться в качестве сокращенной формы суффикса (pops, mops, nuts).

Тот факт, что рассмотренные суффиксы практически не несут в производном слове содержательной нагрузки (за исключением коннотации) не всегда означает, что номинативный акт в этих случаях ограничивается созданием такого более экспрессивного синонима к стандартной или просторечной единице, формирование которого предполагает лишь присоединение морфологического усилителя к наименованию определенного понятия. Ряд дериватов, включающих содержательно опустошенные экспрессивные суффиксы, называют новые понятия, не обозначенные ни в стандарте, ни в просторечии. Это становится возможным благодаря тому, что суффиксация сопровождается (или сама сопровождает) процессы семантического словопроизводства, такие, как генерализация, специализация, метафоризация значения мотивирующей единицы, например: слово "executive clemancy"; brakie/brakey "a railroad brakeman, esp. on a freight train", brakeman st, "man in charge of brake(s)" (специализация).

В самой технике номинативных процессов, приводящих к созданию идиоматичных модификационных дериватов указанного типа, еще очень много неясного. Возможно, что в отдельных случаях, например, при образовании деривата brakie /brakey, имеет место внутреннее предцирование, аналогичное тому, которое происходит при образовании "обычных" суффиксальных имен существительных с традиционной двухчленной ономастологической структурой. Тогда созданию деривата brakie /brakey может предшествовать суждение типа: "this brakeman works on the railroad; this brakeman attends on the freight trains; the brakeman that works on the railroad and attends on the freight trains is called brakie". В таком случае нетрадиционным является оформление деривата: ономастологический базис выражен производящей основой в ее усеченном варианте, ономастологический признак слово бы вынесен за пределы слова, а суффикс обуславливает коннотацию про-

изводного.

Подводя итог сказанному, отметим, что образование просторечных суффиксальных дериватов связано с действием как стандартных, так и нестандартных номинативно-деривационных процессов. Первые обуславливают общую со стандартам базу суффиксальной номинации в просторечии. Она состоит в том, что ведущим типом производных в просторечной номинации, как и в стандарте, являются имена с эксплицитно выраженным базисом и признаком наименования, причем суффиксальная морфема фиксирует, как правило, ономасиологический базис, и лишь в отдельных случаях она выступает оформителем ономасиологического признака. К специфическим просторечным тенденциям следует отнести следующие: оформление ономасиологического базиса, а иногда и признака, с помощью просторечных суффиксов, особенности реализации стандартных суффиксов в роли оформителя ономасиологического базиса наименования, а также широкое использование при образовании просторечных имен (нередко идиоматичных, т.е. содержащих не выраженные словообразовательной структурой компоненты значения) со-держательно опустошенных суффиксов, обуславливающих лишь коннотацию. Эта семантическая роль суффикса в производном не характерна для стандартных наименований английского языка. Она вызвана к жизни установками на экспрессивность деривата - основную характерную черту рассматриваемой лексической прослойки.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. - М.: Наука, 1981. - 199 с.

ПОВТОР В СТИХОТВОРНОЙ РЕЧИ
(на материале одного стихотворения)

Публикации последних лет свидетельствуют о повышенном интересе филологов к проблемам и закономерностям поэтического текста. Наряду с основополагающими теоретическими исследованиями появляется много работ, посвященных конкретному анализу стихотворений [1,2]. Такой подход представляется плодотворным прежде всего для развития художественного вкуса и постижения глубины текста [3] и особенно необходимым для понимания иноязычной поэзии.

Общеизвестно, что поэтический текст является сложной языковой структурой, в которой разноуровневые единицы (фонетические, лексические, синтаксические) подчиняются не только языковым правилам и закономерностям построения речи, но и стиховым законам передачи художественного содержания. Иными словами, стихотворная форма накладывает дополнительные ограничения на выбор и распределение языковых средств.

Основным принципом построения стихотворной речи принято считать повтор по оси парадигматики или принцип возвращения по терминологии Д.М.Лотмана [4]. В сущности то же самое имеет в виду С.Левин, называя этот принцип принципом параллелизма [5]. (В скобках заметим, что риторическая фигура — параллелизм — является лишь частным проявлением этого универсального принципа).

К параллельным, воспроизводимым структурам, занимающим эквивалентные позиции в эквивалентных рядах следует относить разного рода повторы, в частности повторы лексические. Роль повторов в стихе различна и зависит от стихотворного жанра и непосредственно самого контекста.

В народных песнях, например, повтор выступает композиционным началом [6], в лирических стихотворениях он может нести индивидуально-стилистическую функцию, эхотическую функцию и др.

Повтор слов на асимметричных позициях стиха поддерживает канву художественного повествования. Он не вырастает в одну из неизменных особенностей стихотворной речи. Словесный повтор, отмеченный симметрией расположения, напротив, весьма характерен для стиха и имеет тенденцию перерастать в так называемые композиционные повторения [7]. При этом лексический повтор из простого повторения слова в закреплённой позиции имеет тенденцию перерастать в лексико-синтаксический повтор, т.е. повтор целой фразы или группы слов. Одним из видов подобного повтора является рефрен:

Рассмотрим роль лексико-синтаксического композиционного повтора на примере английского поэта XIX века Генри Рида "Naming of Parts":

Today we have naming of parts. Yesterday,
We had daily cleaning. And tomorrow morning,
We shall have what to do after firing. But today,
Today we have naming of parts. Japonica
Glistens like coral in all of the neighbouring
gardens,

And today we have naming of parts.
This is the lower sling swivel. And this
Is the upper sling swivel, whose use you will see,
When you are given your slings. And this is the piling
swivel,
Which in your case you have not got. The branches
Hold in the gardens their silent, eloquent gestures,
Which in our case we have not got.

This is the safety-catch, which is always released
With an easy flick of the thumb. And please do not
let me

See anyone using his finger. You can do it quite
easy

If you have any strength in your thumb. The blossoms
Are fragile and motionless, never letting anyone see
Any of them using their finger.

And this you can see is the bolt. The purpose of this
Is to open the breech, as you see. We can slide it
Rapidly backwards and forwards: we call this
Easing the spring. And rapidly backwards and forwards
The early bees are assaulting and fumbling the flowers:
They call it easing the Spring.

They call it easing the Spring: it is perfectly
easy

If you have any strength in your thumb: like the
bolt,

And the breech, and the cocking-piece, and the
point of balance,

Which in our case we have not got; and the almond-
blossom

Silent in all of the gardens and the bees going
backwards and forwards,

For today we have naming of parts.

Стихотворение повествует об очень обыденном в условиях армии занятии - изучении боевого оружия. Эзотерические повторы, присутствующие в каждом шестистишии, выводят нас, однако, из плана действующего лица - военного инструктора, в план рассказчика - поэта и солдата. Рефлектирующее сознание поэта постоянно выходит за пределы обыденности, механичности военной муштры. Творческое воображение поэта выносит его из замкнутого мира армейской службы в открытый, цветущий мир природы. Сознание поэта как бы одновременно пребывает в двух ипостасях - отчужденном, неодушевленном мире армейской рутин и благостном, живом мире природы. Параллелизм восприятия

передается с помощью многочисленных повторов. В стихотворении четко и последовательно разграничивается речь инструктора и внутренняя речь героя. В первом случае это короткие, отрывистые, сухие, чеканные фразы, как бы передающие ритм и строй военных команд. Во втором - это ностальгическое любование красотой природы и пробуждающей весны за оградой казарм. Предложения делаются длиннее, распространеннее, меняется ритм фразы, она как бы течет, разливается в замкнутой протяженности полтора строк и завершается эхом повтора слов инструктора. Но в новом окружении и из других уст они, отныне, не звучат простым повторением. Происходит некоторое восхождение по ступеням лестницы смыслов.

Часть заглавной строки повторяется в тексте четыре раза, образуя сначала рамочную конструкцию первого шестистишия, а затем и всего стихотворения. Примечательно, что в устах инструктора эта фраза воспроизводится без изменения (*Today we have naming of parts*), в то время как в устах поэта ей сопутствуют на первый взгляд мало-значущие добавления: сначала это союз *and*, который резко замедляет ритм фразы в унисон с предыдущей строкой, затем это предложный союз *for*, который подводит итог всему повествованию. В последней пятой строфе, которая, в отличие от предыдущих, целиком воспроизводит мысли поэта, мы обнаруживаем отклик на четыре предшествующие строфы в обратном порядке. Строфа открывается повторением последней строки четвертой строфы, образуя так называемую эпанастрофу или стык (*They call it easing the Spring*), которая в свою очередь является повторением слов инструктора внутри строфы и в устах поэта обретает новый смысл (игра смыслов построена на омонимии слов *spring* - пружина и *Spring* - весна). Далее следует часть строки из третьей строфы (*If you have any strength in your thumb*), и из второй строфы (*which in our case we have not got*). Завершается стихотворение его зачином,

о чем уже упоминалось выше.

Интересно проследить роль повторов в каждой строфе. Наряду с троекратным повтором (Today we have naming of parts), в первой строфе мы наблюдаем другой, более скрытый повтор, выявляющий временную соотнесенность вчера - сегодня - завтра с четким военным режимом, "расписанностью" дней службы в армии.

Во второй строфе дается наименование частей боевого оружия, трижды повторяются слова *sling* и *swivel*, что придает происходящему оттенок нарочитости. Совершенно обиденная, малозначащая казалась бы фраза (*which in your/our case you have not got*) обретает разноплановость звучания и приращение смысла благодаря повтору. Солдаты, речь о которых ведется в стихотворении, лишены не только такой малости как шарнир в боевом оружии, но и огромного спокойного красноречивого мира за окнами казармы.

В третьей строфе повторяются слова *finger* и *thumb*, которые противопоставляются друг другу по выполняемой функции. Затем следует повторение фразы */ not let me / anyone see anyone / any of them using their finger /*, где меняется контекстуальная соотнесенность фразы с оружием (речь инструктора) и миром природы (в сознании поэта).

В четвертой строфе кроме рассмотренного нами ранее повтора (*we / they call it easing the Spring*), наблюдается повтор словосочетания (*rapidly backwards and forwards*). Контексты его употребления противопоставлены друг другу - быстро вперед и назад движется движок оружия и летают ранние пчелы. С последним контекстом мы встречаемся также в конечной строфе.

Таким образом, на протяжении всего стихотворения поэт в своем воображении стремится как бы одушевить неживой, холодный мир оружия, призванный служить войне и

обратить его лицом к живому миру пробуждающейся природы и его спокойствию.

Повтор в рассмотренном стихотворении играет выраженную композиционную роль. Словам инструктора вторят мысли поэта, выводят их из мира оружия в другой, жизнеутверждающий мир. Композиционный повтор стихотворения тесно связан с его темой и подчинен задаче раскрытия его художественной идеи. Он связывает два плана действия, два восприятия, идущие от разных лиц. Знаменательно, что в первых четырех стопах количественно превадирует план инструктора, а вся последняя строфа дается целиком от имени подчиненного - солдата и поэта, которому и принадлежит последнее слово.

Проведенный анализ далеко не исчерпывает всех стилистических и композиционных тонкостей стихотворения Генри Рида, он коснулся лишь его ведущего композиционного плана - повтора.

Литература

1. Анализ одного стихотворения. - Л.: ЛГУ. - 234 с.
2. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. - Л.: Просвещение, 1980. - 217 с.
3. Гальперин И.Р. Глубина поэтического текста // Теория языка. Англистика. Кельтология. - М.: Наука, 1976. - 279 с.
4. Лотман Д.М. Лекции по структуральной поэтике. - Тарту: Изд-во Тартуского ун-та, 1964. - Вып.1 - 195 с.
5. Levin S. Linguistic Structures in Poetry. - S'Gravenhage, 1962. - 48 p.
6. Бремина Е.И. Повтор как основа построения лирической песни // Исследования по поэтике и стилистике. - Л.: Наука, 1972. - 277 с.

7. Лирмунский В.М. Композиция лирических стихотворений
// Теория стиха. - Л.: Советский писатель, 1975.
- 664 с.

Е.В.Дорошенко

СЛОВАРНОЕ НОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ КЛЮЧЕВЫХ
СЛОВ. ИДЕИ/ИДИО СЕМИОТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ
(на материале словаря "Вебстер")

Всякий лексикографический труд, всякий словарь подчиняется в своем становлении как бы двум разнонаправленным тенденциям: 1) он учитывает слова, отмеченные в употреблении; 2) он подчиняется определенным принципам истолкования их семантики. Эти тенденции взаимосвязаны. Слово или одно из его значений может не войти в словарь вследствие теоретической концепции его составителей. С другой стороны, сами слова и их значения, отмеченные в употреблении, могут заставить составителей корректировать концепцию составления словаря. Иначе говоря, словарь как труд подобен любому другому сочинению научного характера: его концепция может меняться под воздействием фактов, или, наоборот, концепция заставляет составителей не замечать какие-либо факты.

Ориентация словаря на определенную концепцию играет большую роль, когда дело касается лексики, называемой семиотические явления. Некоторые конкретные сферы семиотических явлений терминологизированы разрозненным образом в пределах специальных отраслевых словарей. Одновременно с этим основные понятия, от которых зависит определение состава и значений знаков, входящих в словарь общелитературного языка, являются предметом семиотики как области

философского знания и не имеют законченной и общепризнанной системы дефиниций.

В силу этого возникает необходимость проанализировать отношение авторов словаря к самому объекту семиотики, их теоретическую концепцию знака.

Лексикографическое описание языка непосредственным образом связано с решением актуальных вопросов общественно-языковой практики. С усложнением предметной деятельности и дифференциацией ее видов языковая деятельность также приобретает более сложный характер. Появление новых видов научной и технической деятельности требует создания новых знаковых систем и упорядочения старых языковых и неязыковых средств. В частности, необходимо различение научных и бытовых понятий и упорядоченное использование терминологических систем, лексика которых отчасти пересекается, как относительно друг друга, так и относительно традиции.

Толковый словарь включает в себя лексику различных сфер общения и отражает при этом как данность языка, так и идеальное представление языка, как оно видится его "законодателям". В частности, "Вебстер" в составе своего словника и в содержании дефиниций отражает как результаты практической деятельности по созданию и использованию знаков, так и их взаимодействие в процессе создания лексикографического норматива речи с теоретическими семиотическими представлениями.

В связи с вопросом о трактовке словарем "Вебстер" понятия "знак" целесообразно рассмотреть значения ключевых именованных семиотических явлений, помеченные в нем как "архаичные" и "устаревшие" (*archaic*, *obsolete*). Система словарных помет исходит из стандарта правильности, ориентирована на норму литературного языка. Однако понятие правильности и, соответственно, смысловая нагруженность помет может меняться в пределах одной и той же лексикографической традиции на разных этапах ее развития.

Вопрос об изменчивости критериев "правильности" приобретает особую остроту в американской лексикографической практике, которая понимает "литературный язык" хронологически очень широко. В словарь третьего издания "Вебстера" [I] входят слова, бытующие в языке начиная с 1775 года. Учитывая это, говорить о словаре "Вебстер" как об отражении синхронного среза языка было бы не вполне точно, скорее имеет смысл говорить в данном случае о глубинной синхронии.

Точка зрения лексикографа на временные границы словаря определяет отбор словника и примеров, а тем самым задает временные границы для состава текстов, вводимых в лексикографический норматив, формируя через него языковую личность читателя словаря, предписывая ему понимание определенных словесных текстов и культурных явлений вообще. Естественное следствие установки составителей "Вебстера" - не только наличие в нем неоднородных с точки зрения истории языка пластов лексики (устаревшие слова и реалии наряду с современными), но и необходимость отразить в словарных дефинициях вполне "нейтральных" в этом смысле слов историю их значений. Словарь, однако, должен дать и стандарт правильности современного употребления. Для ключевых слов, называющих знаки, этот синхронный срез языка в узком смысле слова дан в системе нормативных помет в противопоставлении помет "архаичный", "устаревший" их отсутствию.

Значения слова "sign" и его синонимов, помеченные в словаре как "архаичные" и "устаревшие", делятся на три группы:

1. Незнаковые явления.

Например: "видимость"; "то, что напоминает другое, образ, подобие". Т.е. не всякий "образ" (image) является знаком: если "образ"; нечто сходное, имеет тот же онтологический статус, что и объект, образом которого он является, он не относится к знаковым явлениям. То же

касается оптических и других видов "удвоения". Наличие сходства и подобия не может само по себе служить знаком.

II. Знаковые явления, получившие дифференцированные названия.

1. Старые виды знаков и знаковых систем - личных, опознавательных знаков, знаков отличий и их изображений. Так, в состав архаичных значений слова "sign" входят: "геральдическая или военная эмблема (знамя или щит)"; "штандарт, знамя, вымпел"; "инсигнии".

2. Различные изображения - на плоскости и объемные, - используемые в следующих областях знаковой деятельности: наука, искусство, магия: "изображение"; "скульптурное изображение"; "фигура, используемая как талисман или амулет" и т.д.

III. Образ предмета в сознании как знак; знак как умственное представление: "образ", "умственное представление", "впечатление", "идея".

Дифференциация значений, проведенная в словарных статьях синонимического ряда "sign", включает в себя два момента: 1. Разведение названий знаков, ранее именовавшихся членами синонимического ряда "sign", по другим синонимическим рядам (группа значений II).

2. Разведение названий знаков и не-знаков.

Способы разведения словарем именованных знаков и не-знаков в дефинициях, содержащих пометы "архаичный", "устаревший", имеют определенный литературный источник. Их сопоставление с некоторыми положениями семиотической теории Ч. Морриса дает возможность интерпретировать противопоставление этих помет их отсутствию как противопоставление "ненаучное (нетерминированное) - научное (терминированное) употребление". Научное употребление противопоставляется, с одной стороны, концепции панзнаковости и пониманию явлений, в том числе и человека, как знаков других явлений, поскольку между ними имеется сходство и, с другой стороны, отвергнутым в сочинениях

Ч. Морриса менталистским и психологическим представлением знака.

Таким образом, в нормировании современного употребления через систему стилистических помет словарь "Вебстер" ориентируется на терминологическое употребление слов, связанных с понятием знака, в рамках определенного направления семиотической теории. Пометы "архаичный", "устаревший" выделяют те употребления, которые не приняты в данном направлении. Стандарт правильности речевого употребления тем самым соотнесен с определенной научной теорией и только в соотношении с ней получает адекватное истолкование; распределение помет по значениям основных именовании знака указывает косвенно на рекомендуемый текст, ставший для авторов "Вебстера" нормативным при истолковании слов, обозначающих семиотические явления.

Словарь как учебный текст представляет собой описание норм, а также языковой и практической деятельности. Изменение предписываемых словарем норм речеупотребления слов, называемых знаками, отражает эволюцию восприятия, а также правил интерпретации знаков в национальной культуре.

Литература

1. Webster's Third New International Dictionary of the English Language. - Springfield, Mass.: G. & C. Merriam Co., 1961.-Vol. 1-2.

ВНУТРИТЕКСТОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМА

Окказиональная лексическая единица - ОЛЕ - специфическая единица речи, одной из особенностей которой является ее теснейшая связь с контекстом, где она выступает как сигнал эстетической информации, обладая свойствами и характеристиками речевой прагмемы. Соотношение видов эстетической информации внутри ОЛЕ определяет ее прагматическое значение. ОЛЕ выступает в виде "свертки", в которой экспрессивность создается за счет динамики изложения при экономии речевых средств. "Свертка" сигнализирует о смене характера информативности, что ведет к появлению нового прагматического эффекта. ОЛЕ, таким образом, становится сильным средством реализации авторского коммуникативного намерения.

Развивая мысль Т.Н.Дридзе о том, что порождение текста, как и его интерпретация суть решение эмоциональной и мыслительной задачи [2, с. 46]. Можно сказать, что адекватное декодирование ОЛЕ как одного из элементов текста приводит к интерпретации эмоциональной и мыслительной интенции, заложенной в текст автором. Большое значение приобретает анализ условий реализации значения и прагматических функций ОЛЕ, к которым можно отнести контекст и фоновое знание. Контекст как иерархия коммуникативных программ влияет на функционирование входящих в него элементов, воздействуя на их значение. Коммуникативный тип высказывания зависит также и от ряда внелингвистических факторов, в частности, от наличия/отсутствия фонового знания, общего для отправителя и получателя текста. Эти условия необходимо иметь в виду при анализе внутритекстовых отношений ОЛЕ, которые могут быть рас-

смотрены на основании выделенных Л.А.Киселевой типов [3, с. 58-59].

Взаимное усиление составляющих ОЛЕ элементов - с е н с и б и л и з а ц и я - хорошо видно на примере окказиональной бленды *beautility*. Приводя это слово в своем словаре, Барнхард дает ему следующее толкование: "beautility - ind.coinage - the combined qualities of beauty and utility; a happy marriage of form and function (in architecture)" [4].

Как видно уже из этих определений, слова, составившие данную ОЛЕ, имели общую сему "quality", то есть принадлежали к одному и тому же полю. Усиление при слиянии происходит на основе этой общности и затрагивает другие дифференциальные семы обоих исходных слов:

beauty - combination of qualities that give pleasure to the senses, or to the moral sense or the intellect;
utility - quality of being useful.

Объединение сем "pleasure" и "usefulness" приводит к их взаимной и односторонней сенсублизации.

В ряде случаев оценочная информация возникает только в результате взаимодействия ОЛЕ и контекста, в котором она появляется:

(I) "Handmaidens."

Junius asks whether the staff of municipal brothels, such as suggested by certain Bursingham councillors, would be eligible to join NALGO. Without wishing to start a demarkation dispute, I would suggest that as manual workers their place would be in the National Union of Public Employees. - Letter in Municipal Engineering" [5, с. 35].

На основе паронимии с *handmaid* - woman servant or attendant - определяется номинативное значение ОЛЕ. Однако сопоставление с контекстом, содержащим определения "the staff of ... brothels" и "manual workers" при учете паронимических связей с "maiden" и "hand-made" позволяет установить и дополнительную, подтекстовую

информацию, содержащуюся в ОЛЕ. Во взаимодействии ОЛЕ и контекста возникает оценочная информация, сенсibilизирующая воздействие на читателя ОЛЕ и текста в целом.

Сенсibilизация может затрагивать и отношения "контекст:фон", поскольку элементы текста тесно взаимосвязаны между собой не только на уровне содержательно-фактуальной информации (термин И.Р.Гальперина [1, с. 28]), но и посредством заложенной в них авторской интенции:

(2) "Oscar Wilde ... wrote very well, but behaved rather beardsley" [6, с. 119].

Противопоставлением окказионального наречия *beardsley* и узуального *very well* выявляется контекстуальное значение ОЛЕ; звуковая опора *b - d - l* подтверждает это предложение. Прагматическое воздействие на читателя становится возможным при владении им фоновым знанием о художнике Бердслее, который намеренно отвергал пропорцию и перспективу в изобразительном искусстве и, по свидетельству современников, демонстрировал "свободу от условностей". Наличие фонового знания приводит к возникновению новых ассоциативных связей, подкрепляемых соседством с именем Оскара Уайльда. ОЛЕ сенсibilизируется соседними элементами, что в конечном итоге приводит к увеличению прагматической силы всего текста.

В числе сенсibilизирующих факторов могут быть названы слова, присутствующие в непосредственном окружении ОЛЕ - канонические синонимы, антонимы, эпитеты и др., а также любые элементы, содержащие и передающие содержательно-концентуальную и содержательно-подтекстовую информацию текста [1, с. 28], как в его пределах, так и в экстралингвистическом плане.

Дополнительный фактор сенсibilизации окказиональных прагмем - их неожиданность (непредсказуемость). Известно, что воздействующая сила прагмем тем больше, чем они менее ожидаемы в данной речевой ситуации [3, с. 127]. Следовательно, ОЛЕ можно отнести к прагмам наибольшей

воздействующей силы. Это же подтверждается и тем фактом, что прагматические отношения ОЛЕ в тексте представлены, главным образом, сенсбилизацией.

Другой тип отношений между единицами прагматического поля - о с л а б л е н и е п о л е о б р а з у щ е й с е м ы. Сюда же можно отнести и явление нейтрализации сем. Объединение этих двух типов отношений представляется вполне возможным, так как, по утверждению Л.А.Киселевой [3, с. 59], второе является лишь следствием первого: (3) "Uglification" [7, с. 141].

Нейтрализация отрицательной семы "ugly" в ОЛЕ происходит под воздействием контекста, т.к. слово представляет собой название одного из предметов школьной программы, о которых рассказывает Черепаха Квази в книге Л.Кэрролла. Сема "придание качества" глагола to uglify нейтрализуется в существительном - названии школьного курса, uglification.

Примеры такого типа встречаются крайне редко. Это может служить еще одним доказательством того, что для ОЛЕ прежде всего характерна ярко выраженная экспрессивность, снятие или ослабление которой ведет к снятию или ослаблению прагматического воздействия.

Своеобразно проявляется в функционировании окказиональной лексики и такой тип отношений между единицами прагматического поля как п е р е к л ю ч е н и е (смена оценочного знака на полярный в соответствии с эмоционально-оценочным знаком контекстуального окружения).

(4) "when I answered him with an article on street preachers, he took advantage of this to push me on to the staff of the paper at a salary - that then seemed millionarish - of thirty shillings a week" [8, с. 28].

Переключение положительного знака оценки внутри ОЛЕ millionarish - having the characteristics of a millionaire - "огромные доходы, почти равные прибылям

миллионера" - происходит под влиянием контекста - " a salary of thirty shillings a week ". Сопоставление исходного знака и результата переключения приводит к появлению иронии и, соответственно, к корректировке прагматической установки всего высказывания.

Другой пример того же типа - использование синтаксической группы для образования ОЛЕ, передающей отношение говорящего к обозначаемому им действию:

(5) "Less of the "Bertie, darling". 'Bertie, darling; forsooth! A nice time to start the 'Bertie, darling-ing'!"
[9, с. 150].

В соответствии с эмоционально-оценочным знаком всего высказывания окказиональный конверсив Bertie , darling - ing меняет положительный знак оценки (ласковое обращение) на противоположный (отрицательная оценка действия). Отношения переключения оценочного знака ОЛЕ в пределах поля отражают, по-видимому, нечто более сложное, чем просто смену оценки: ОЛЕ, содержащая измененный оценочный знак, указывает на смену прагматической установки всего высказывания в целом.

Все сказанное позволяет сделать следующие выводы:

Внутритекстовые отношения окказиональных прагмем не только являются важным фактором для определения характера структуры и функционирования ОЛЕ, но и отражают отношения любого элемента прагматически направленного высказывания ко всему высказыванию в целом:

- отчетливое преобладание сенсбилизации над другими типами прагматических связей ОЛЕ в тексте характеризует этот тип внутритекстовых отношений как наиболее важный фактор увеличения прагматической силы ОЛЕ;

- наличие отношений переключения оценочного знака, подтверждая тесную связь ОЛЕ с данным контекстом, сигнализирует о корректировке прагматической установки всего высказывания (текста);

- игнорирование внутритекстовых отношений ОЛЕ как адекватного прагматического средства привело бы к искажению авторского коммуникативного намерения.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. - М.: Наука, 1981. - 138 с.
2. Дридзе Т.Н. Язык и социальная психология/Под ред. проф. А.А.Леонтьева. - М.: Высшая школа, 1980. - 224 с.
3. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. - Л.: Изд-во Ленингр ун-та, 1978. - 160 с.
4. The second Barnhart dictionary of new English. - 1st edition. -Bronxville, New York:Barnhart Books, 1980. - 520 p.
5. - "This England". Selections from the "This England" column of the 'New Statesman' (ed. by A.Hilton) - London: New Statesman, 1968. - 39 p.
6. - Sellar W.C., Yeatman R.L. 1066 and all that. - London: Penguin Books, 1965. - 119 p.
7. Carroll L.Alice's adventures in Wonderland. - M.: Progress Publishers, 1967. - 141 p.
8. Lynd R. Life's little oddities. - London: J.M.Dent and Sons, 1941. - 28 p.
9. Wodehouse P.G. The code of the Woosters. - Harmondsworth, Middlesex: Penguin Books, 1954. - 150 p.

ПРАГМАТИКА И СЕМАНТИКА НОВЫХ СЛОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Неологизмы (слова, новые либо по форме, либо по содержанию) формируются в языке для удовлетворения определенных коммуникативных потребностей. В нашем исследовании речь пойдет о новых словах, появившихся в английском языке за последние 20 лет и зафиксированные в I и II словарях К.Барнхарта [1,2]. Как показали результаты тестов с носителями языка многие из этих слов уже прошли процесс социализации (принятие нового слова в языковом коллективе) и частично - процесс лексикализации (вхождение слова в языковую систему). Адекватное употребление новых слов с необходимостью требует обращения к прагматике, т.е. к изучению коммуникативного аспекта языка, ориентированного на исследование "конечной" цели самой коммуникации - воздействия (духовного или физического) на партнеров в процессе их речевой деятельности [3, с. 127]. Прагматика предписывает нормы, правила адекватного употребления слов, лексических единиц и высказываний в различных ситуациях общения [4,5]. "Прагматика обеспечивает характер выбора языковых средств с учетом мотива и целевой установки говорящего, а также правильное понимание высказывания и оценку образного использования языка слушающим" [6, с. 79].

Существует, по-видимому, определенная корреляция между правилами употребления слова и его семантикой. Попытаемся выяснить связь между внутренним расчленением лексических единиц и правилами удовлетворительного общения. Очевидно, в системе значения слова можно выделить компоненты, ответственные за адекватное употребление лекси-

ческой единицы, накладывающие определенные рестрикции (ограничения). "Упомянутые семы могут быть охарактеризованы как "запрещающие", или еще точнее "запрещающе-пре-
суппозиционные", т.к. их наличие и действие как раз и создает пресуппозицию, т.е. пред-условия, соблюдение которых необходимо для адекватного употребления языковой единицы" [7, с. 8].

Как же данные компоненты соотносятся с семантической структурой слова? С каким аспектом значения они коррелируют?

Мы исходим из схемы структуры лексического значения слова, разработанной М.В.Никитиным [8], согласно которой в содержании словозначения выделяются интенционал (ядро значения), импликационал (все стереотипные ассоциации, традиционно связываемые с денотатом) и эмоционал (субъективно-оценочной компонент содержания).

Предписывающие компоненты значения могут соотноситься с интенционалом значения. В этом случае сама денотативная соотнесенность предписывает правила его адекватного употребления.

Так, денотативная специфика слова типа *chat - show* (*television or radio show in which guest celebrities are interviewed*), *call - in* (*a radio or TV program which broadcasts telephone calls, comments, or questions made by the listeners to the studio*) ограничивает их употребление сферами радио и телевизионных передач. Слова *minimal art* (*the form of art which reduces shape, colour, etc., to its simplest or most basic elements*), *soft - art* (*art characterized by the use of pliable material*) ограничены в употреблении рамками искусствоведческих тем.

Прагматические компоненты данного типа обычно базируются на эксплицитно выраженных в словарных дефинициях семах и предписывают употребление слова в соответствии с экстра-лингвистической дифференциацией лексики.

Прагматические компоненты могут входить в импликационал значения, т.е. могут базироваться на ассоциациях, представлениях, связанных с практикой использования вещи, с национальными, культурными, религиозными мотивами. Изучение импликационных прагматических компонентов требует знания культуры, быта, традиций страны изучаемого языка. Прагматические компоненты данного типа соотносятся с понятием "лексический фон" [9] и шире - с проблемой фонового знания. Конкретный коммуникативный акт всегда содержит в себе так называемую обращенность, предполагающую в получателе как полную степень владения языком, так и наличие необходимых сведений, на фоне которых обеспечивается понимание той или иной информации [3, с. 25]. В зарубежной прагмалингвистике фоновое знание соотносится с терминами *shared knowledge*, *common ground*, *background knowledge*, *mutual knowledge* [4].

Так, адекватное употребление слов *convenience food*, *junk-food*, *fast-food*, которые обозначают быстро приготавливаемую пищу, требует знаний английской действительности последних десятилетий. *Fast - food* употребляется по отношению к гамбургерам и прочим быстро приготавливаемым блюдам в кафе американских фирм. *Convenience - food*, *junk - food* имеют одинаковую денотативную соотношенность - консервированные продукты (концентраты), не требующие длительного приготовления дома, однако *junk - food* ассоциируется с пищевыми суррогатами, заменителями, и посему в коммуникативном акте это слово употребляется с пренебрежением по отношению к человеку, который употребляет консервированную пищу. Неадекватное употребление слов, подобных *junk - food* может вызвать отрицательную реакцию, противоположную ожидаемой.

Слово *wichain* (*woman*) в последнее время употребляется по отношению к любой группе женщин изможденного вида по ассоциации с группами протестующих женщин на американской базе Гринем Коммон .

Предписывающие компоненты данного типа, как правило, не выражены эксплицитно в словарных дефинициях и носят имплицитный характер. Данные компоненты были вычленены в результате тестов с носителями языка. Корреляция между предписывающими компонентами данного типа и правилами, условиями удовлетворительного общения менее жесткая, чем в случае "интенциональных" компонентов.

Наконец, третья группа предписывающих компонентов локализуется в эмоционале, т.е. в той части значения, которая разными лингвистами в разные времена называлась *feeling, tone, emotive value*.

Предписывающие компоненты данного типа могут быть эксплицитно выражены через эмоционально окрашенные словообразовательные элементы и через словарные пометы.

Например, суффикс *y /ie* развил новое, противоположное уменьшительно-ласкательному значению иронии и насмешки и является слэнговым: *weary - Br. Sl. - an overly emotional or sentimental book, play, etc., a tear jerker; trendy - a person who keeps up with the latest trends and fashions, a fashion plate.*

Суффикс *-ism* развил новое отрицательное значение дискриминации. Например, *ageism - discrimination against the aged, sexism - discrimination against women.*

С меньшей степенью эксплицитности компоненты данного типа могут быть выражены через эмоционально-окрашенные определения в словарных дефинициях новых значений слов. Например, новое значение слова *gas - U.S.Sl. - a great pleasure* - несет в себе положительный заряд (ср. *hoot - Br.Sl. - smth. hilariously amusing or funny*), слово *drag* - в новом значении (*a bore*) ярко отрицательно маркировано.

Предписывающие компоненты данного типа задают слову определенные эмоциональные сферы употребления, преимущественно сферу отрицательной оценочности. При этом лексические единицы, неуходящие данные компоненты, относят-

ся к слэнгу.

Таким образом, изучение новых слов в прагматическом аспекте позволяет вскрыть динамический характер связи между прагматикой и семантикой лексической единицы. Можно говорить о наличии определенной таксономии предписывающих компонентов слова, которые задают правила его адекватного употребления для обеспечения правильного, удовлетворительного общения. Дальнейшие исследования в этой области предполагают выявление факторов, формирующих прагматическую ситуацию, и далее их корреляций с предписывающими компонентами.

Литература

1. Barnhart C.L., Steinmetz S., Barnhart R.K. A Dictionary of New English. Ind.: Longman, 1973. - 512 p.
2. Barnhart C.L., Steinmetz S., Barnhart R.K. The Second Barnhart Dictionary of New English. - N.Y.: Bronxville, 1980. - 520 p.
3. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. - М.: Наука, 1984. - 174 с.
4. Levinson S.C. Pragmatics. - Cambridge.: Cambridge University Press, 1983. - 420 p.
5. Leech G.N. Principles of pragmatics. Ind.: Longman, 1983. - 250 p.
6. Медникова Э.М. Прагматика и семантика коммуникативных единиц // Всесоюзная научная конференция "Коммуникативные единицы языка". - М., 1984. - С. 78-79.
7. Добровольский Д.О. Прагматические правила и фразеологическое значение. // Сб. научн. трудов МПИИЯ им. М.Тореза, 1983. - № 219. - С. 3-11.
8. Никитин М.В. Лексическое значение слова. - М.: Высшая школа, 1983. - 125 с.

9. Вережагин Е.М., Кастомаров В.Ф. Язык и культура.
- М.: Русский язык, 1983. - 269 с.

Е.В.Иванова

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПРОЦЕССА НОМИНАЦИИ ПРИ СЛОВОСЛОЖЕНИИ

Главной чертой ономаσιологического подхода к словообразованию является рассмотрение производного слова как конечного результата процесса перехода от знака - сообщения (синтаксически объективированного содержания) к знаку - наименованию (лексически объективированному содержанию). См., например, работы Е.С.Кубриковой [1], И.С.Торопцева [2] и др. Непосредственное наблюдение механизма этого перехода, происходящего в человеческом сознании, недоступно, поэтому лингвист вынужден прибегать к моделированию процесса словообразования, исходя из структурных и семантических характеристик производного. Такое моделирование, осуществляемое с различной степенью детализации, выявляет природу производного слова более глубоко и всесторонне, чем традиционная словообразовательная теория.

Задача статьи заключается в ономаσιологическом анализе закономерностей процесса словосложения. Материалом исследования служат сложные существительные американского варианта английского языка структурных моделей $n_1 + n_2$, $a + n$. Для достижения большей точности и объективности анализа в материал входят существительные не только стандартной (кодифицированной), но и нестандартной (просторечной) лексики. Объем материала - 4182 слова, из них 1806 приходится на стандартную лексику и 2376 - на не-

стандартную.

В лингвистической литературе существует общее описание сложных существительных английского языка, согласно которому второй компонент сложного слова является ономаσιологическим базисом, а первый - ономаσιологическим признаком [3, с. 287]. Второй компонент называет класс понятий, в который включается означаемое в акте номинации, а первый - признак, на основе которого означаемое отграничивается от других входящих в этот класс единиц [3, с. 286]. Существует также ряд работ, посвященных некоторым частным ономаσιологическим закономерностям формирования сложных слов [4, 5]. Однако ономаσιологическую картину процесса словосложения еще нельзя признать полной.

Рассмотрим основные компоненты применяемого в статье аппарата исследования. Будем считать, что знак-сообщение представлен словарной дефиницией¹. При подготовке к словообразовательному акту происходит преобразование выражаемого дефиницией содержания, заключающееся в выходе на первый план важных с точки зрения номинации элементов и в отступлении на задний план неважных. Происходит преобразование в определенном образом организованное мотивирующее суждение, которое можно описать с помощью типовой семантической формулы. Основными элементами мотивирующего суждения являются ономаσιологический базис и ономаσιологический признак, рассматриваемые в соответствии с приведенными выше определениями. Кроме того, в мотивирующем суждении выделяются корреляты первого и второго компонентов сложного слова, совпадающие соответственно с ономаσιологическими признаками и базисом. Например:

¹ Если дефиниция равна одному слову, возьмем дефиницию этого слова.

greenroom - a room in a theater or concert hall where actors or musicians relax before, between, or after appearances. From its being typically painted green.

Описательная дефиниция преобразуется в мотивирующее суждение, в котором в роли ономаσιологического базиса выступает "room", ономаσιологического признака - "green" признак местонахождения (in a theater or concert hall) и признак функционального предназначения (where actors or musicians relax ...) являются неважными для процесса номинации. Ядро мотивирующего суждения образует суждение "a room is green", выявляемое с помощью трансформации сложного слова.

Данное мотивирующее суждение можно описать семантической формулой: $C = \boxed{A} + \boxed{a} + b + c$, где C - означаемое, A - ономаσιологический базис, a - ономаσιологический признак, b, c - признаки означаемого, \square - знак того, что основа данного элемента мотивирующего суждения используется при словосложении. Ономаσιологический базис и ономаσιологический признак эксплицитно выражены в десигнаторе сложного слова "green-room" и совпадают соответственно со вторым и первым компонентами.

Аналогичной формулой мотивирующего суждения характеризуются, например, стандартные doorplate, clipboard, bandstand, potboy, нестандартные chestpack, pinshot, red-bug. В целом у 92% стандартных сложных слов рассматриваемых структурных моделей второй компонент является ономаσιологическим базисом, а первый - ономаσιологическим признаком, в нестандартной лексике - только у 29%.

В нестандартной лексике 22% составляют сложные слова, у которых первый и второй компоненты являются ономаσιологическими признаками. Рассмотрим следующие примеры:
ash-cat - a locomotive fireman
cat - a man, a fellow, a guy

railbird - an ardent horse-racing fan
bird - any man, a fellow, a guy.

Вторые компоненты этих сложных слов представлены основами экспрессивных имен лица, образованных в результате "зоологической метафоры". Экспрессивные слова относятся к признаковым, предикативным единицам, отражающим, как отмечает Н.Д.Арутюнова, "то, что мы "думаем о мире" [6, с. 343]. Экспрессивное слово называет, фактически, не предмет, а узуально-закрепленное отношение к нему данного языкового коллектива [7, с. 55]. Т.е. экспрессивные слова не могут включать означаемые в класс понятий, что свойственно ономазиологическому базису, они могут лишь выразить отношение к этому классу после того, как включение состоялось. То, что вторые компоненты приведенных сложных слов не являются ономазиологическим базисом, подтверждается также невозможностью трансформации.

ash-cat = a cat is covered with (deals with, etc.)
ash

railbird = a bird is on the rail .

Экспрессивные слова как признаковые по семантике тяготеют к позиции предиката и не могут выступать в позиции подлежащего без актуализаторов [6, с. 349], т.к. это приведет к реализации не вторичного экспрессивного, а первичного зоосемического значения слова. Поэтому они не используются в функции подлежащего мотивирующего суждения, что характерно для нейтральных свободных коррелятов вторых компонентов.

Процесс номинации при образовании таких слов можно описать следующим образом. В акте наречения означаемое включается в тот или иной класс понятий, но это включение осуществляется только в сознании на уровне мотивирующего суждения и не находит эксплицитного выражения в

десигнаторе слова. Класс, в который включается означаемое, может быть широким, называемым словами типа *one*, *region*, а может быть и узким, обладающим большим числом дифференциальных признаков и называемым словами типа *fireman*, *fan*. Идентифицированному по известному классу понятий означаемому затем преддицируются две характеристики - экспрессивная (второй компонент) и нейтральная (первый компонент). Эти две предикации сопрягаются в десигнатор сложного слова. Мотивирующее суждение имеет, таким образом, две параллельные предикации, образующие своего рода два яруса, и может быть выражено следующей схемой:

Данная схема отражает механизм взаимодействия экспрессивной основы с нейтральной в процессе образования сложного слова. В десигнаторе сложного слова представлено два ономаσιологических признака, каждый из которых выполняет свою вполне определенную функцию: признак, называемый вторым компонентом, отражает субъективное эмоционально-оценочное отношение к означаемому сложного слова; признак, называемый первым, уточняет, вычленяет означаемое из класса ему подобных. Ономаσιологический базис присутствует только на уровне мотивирующего суждения и не представлен в сложном слове. Мотивирующие суждения сложных слов, в образовании которых участвуют основы экспрессивных слов, можно описать с помощью следующей семантической формулы:

$$C = A + \boxed{a} + \boxed{b} + c + \dots,$$

где *C* - означаемое, *A* - ономаσιологический базис, *a*, *b* - ономаσιологические признаки, *c* - признак озна-

чаемого, □ - знак того, что основа данного элемента мотивирующего суждения используется при словосложении.

Сложные слова с основой экспрессивного слова в роли второго компонента отмечены только в нестандартной лексике, что еще раз свидетельствует о необходимости привлекать в качестве материала исследования единицы различных лексических пластов для адекватного описания закономерностей процесса номинации.

В статье рассмотрены два типа номинативного процесса, реализуемого при словосложении: 1) номинативный процесс с эксплицитным выражением ономаσιологического базиса и ономаσιологического признака в десигнаторе сложного слова; 2) номинативный процесс с эксплицитным выражением двух ономаσιологических признаков в десигнаторе сложного слова. Рассмотрение других типов номинации, например, метафорической, выходит за рамки статьи.

Литература

1. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений: Семантика производного слова. - М.: Наука, 1981. - 200 с.
2. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель. - Воронеж: Изд. Воронежск. ун-та, 1980. - 148 с.
3. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование // Языковая номинация (Виды наименований). - М.: Наука, 1977. - с.222-303.
4. Квартыч Н.В. Дистрибутивно-валентные и словообразовательные особенности сложных слов в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982. - 19 с.
5. Кириченко Г.С. Механизм образования сложных слов типа long - legged и car - driver в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1982. - 21 с.

6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. - М.: Наука, 1976. - 384 с.
7. Уфимцева А.А., Азнаурова Э.С., Кубрякова Е.С., Телия В.Н. Лингвистическая сущность и аспекты номинации // Языковая номинация (Общие вопросы). - М.: Наука, 1977. - с.7-98.

Н.Н.Кириллова

ОБ ОДНОМ КОМПОНЕНТЕ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Тот факт, что человеческий язык представляет собой объективно-субъективное образование, дает основание для выделения в любой языковой единице двух типов содержания, или информации - объективного и субъективного, которые в лингвистической литературе называются по-разному: в стилистических исследованиях - предметно-понятийной и стилистической информацией (Винокур Г.О., Степанов Ю.С.), основной и дополнительной (Пиотровский Р.Г.), предметно-логической и добавочной (Арнольд И.В.); в семасиологических исследованиях - семантической и эстетической (Звегинцев В.А.); во фразеологических исследованиях - денотативно-сигнификативной и коннотативной (Кунин А.В., Назарян А.Г.); в лингвистике текста - смысловой и эстетической (Гальперин И.Р.); в исследованиях по прагмалингвистике - собственной и прагматической информацией языка, или соответственно информемой и прагмемой (Киселева Л.А.).

Первый тип информации издавна был объектом внимания языковедов разных школ и специальностей: лексикологов, семасиологов, грамматистов, синтаксистов. Второй тип информации до недавнего времени являлся предметом одной лишь области языка - стилистики, которая занималась

инвентаризацией и описанием выразительных средств языка на разных уровнях: лексическом, фразеологическом, морфологическом, синтаксическом и фонетическом, но не их объединением. "Соединение отдельных членов языковой структуры в одно и качественно новое целое" - а именно в этом видел собственный предмет стилистики Г.О.Винокур [1, с. 317-318] - стало возможным лишь на современном этапе развития лингвистики с учетом достижений новых отраслей языкознания, которые характеризуются интегральным подходом к изучению языка. Это - семантический синтаксис, лингвистика текста, прагмалингвистика. Творческое использование данных, полученных в рамках указанных направлений, позволяет вплотную подойти к разработке теории эмоционального аспекта предложения (в противоположность логико-грамматическому) [4, с. 45] и тем самым к созданию предмета стилистики в понимании Г.О.Винокура.

Значительным стимулом к изучению экспрессии языка служат прагмалингвистические исследования, которые теснейшим образом связаны с эмоционально-экспрессивной областью языка. По мнению Л.А.Киселевой, содержание прагматической подсистемы языковой информации составляют эмоционально-оценочная, эмоциональная, эстетическая, экспрессивная, побудительная и контактная информации [2, с. 15-26], совокупность которых образует "прагматическое языковое поле", целостность последнего "создается интеграцией его единиц, относящихся к разным уровням языка" [6, с. III]. Единицы прагматического языкового поля еще нельзя считать изученными на сегодняшний день. Но можно предположить, что они будут производными от основных единиц разных уровней: лексемы, фразеологизма, синтаксемы, фонемы, интонемы, соотносены с параметрами прагматической ситуации [8, с. 88]. Это позволяет уже сейчас "присмотреться" к прагматическим функциям указанных единиц. В данной статье мы остановимся на роли фразеологизмов в создании прагматической ситуации [7].

Два типа информации, содержащиеся в языковом знаке, обозначим символом "что" и "как". Первый символ является субститутром информемы, второй - прагмемы. Оба одинаково релевантны для выполнения прагматической функции и в речи могут иметь либо расчлененное выражение (когда информема и прагмема имеют самостоятельное выражение), например, *Lui vous occipait de moi avec affection (A. Camus) ¹ либо синтаксическое (когда информема и прагмема совпадают в одном и том же языковом знаке). Последнее происходит как правило, в случае использования фразеологии или других эмоционально-экспрессивных средств языка. Например, *C'est idiot, dit-il. Mais j'ai vraiment le béguin pour elle (H. Vailland).

*C'est un jeune vaurien, et pas très intelligent, mais la coqueluche des demoiselles (M. Butor).

Использование фразеологизмов в прагматических целях закономерно, так как содержание коннотативного аспекта ФЕ составляет "отношение носителя языка к внеязыковым сущностям, обозначаемым фразеологическими единицами, или усиление эффективности языкового воздействия, лишённого элемента" [3, с. 310]. Нетрудно заметить, что оно соответствует пониманию прагматического значения как "отображения в содержании слова ... эмоциональных понятий ... и цели коммуникативной деятельности - воздействия на психику и человеческое поведение" [2, с. 89]. Из сказанного следует, что ФЕ представляет собой единицу языка, которая имеет в качестве статутных признаков своего бытия прагматические семы, т.е. эмоциональность, экспрессивность, оценочность, иллокутивность. Следствием этого факта является предрасположенность фразеологии к прагматическому функционированию в речи. Вслед за А. Шарфом можно сказать что фразеология создавалась народом не для "собственного общения", а для "эффективного общения". Последнее отличается от первого тем, что при нем "одинаковое понимание знаков (собеседниками - Н.К.) сопровождается одинаковым

¹ Звездочкой помечены примеры, взятые из словаря [II].

убеждениями" [9, с. 343]. Убедить-значит заставить поверить во что-либо. Интенция убеждения может быть направлена либо на самого субъекта (акт самокоммуникации), либо на другого участника ситуации (акт коммуникации). Покажем на примере недостаточность собственной информации без прагматической для полного описания акта коммуникации (в одном примере - самокоммуникации).

Героиня романа М. Дрюона [12] актриса Сильвен Дюаль, мысленно оценивая свое новое положение, к которому она так стремилась, - поступить в Комеди Франсез, снять богатую квартиру на авеню Клебер для свиданий с министром Симоном Лашомом, произносит две фразы *C'est une nouvelle étape de ma vie. Je fais peau neuve* [12, p. 64].

Это новый этап в моей жизни. Я меняю свой образ жизни". Обе фразы находятся в отношениях эквивалентности, поскольку содержат один и тот же семантический инвариант "новый этап жизни" и, следовательно, их предметно-понятийная информация одинакова. Но вторая фраза отличается от первой тем, что она обладает кроме того и эмоционально-экспрессивной информацией, так как содержит образ змеи, которая сбрасывает старую кожу, чтобы облачиться в новую - предикатом фразы является фразеологизм *faire peau neuve* - менять образ жизни (букв. делать новую кожу). Итак, героиня повторяет свою мысль во второй фразе, так как первая, несущая в себе только собственную информацию, является недостаточной для манифестации ее умонастроения. Эгоцентричная синтаксическая структура, наполненная модальным (фразеологическим) содержанием второй фразы адекватно передает внутренний мир героини с прагматической ситуацией - ее тщеславие, самодовольство и самоуверенность.

Фразеология, вследствие динамизма и гибкости ее семантики, легко приспосабливается к потребностям ситуации, о чем свидетельствуют многочисленные окказиональные преобразования фразеологизмов, довольно хорошо описанные в литературе по фразеологии. Эта приспособляемость порождает прагматические коннотации, о которых Э.С. Азнаурова

пишет, что они "подвижны, многообразны и практически несводимы к конечному набору смыслов ... они детализируются и уточняются в соответствии с конкретными прагматическими параметрами коммуникативной ситуации" [8, с. 93].

Подтвердим данную цитату необычным употреблением фразеологизма не раз *se moucher du pied* (*du talon*), имеющего следующие значения: 1) он в грязь лицом не ударит, 2) у него губа не дура в романе Э.Базена "Змея в кулаке":

"Folcosche ne se moucher pas de la main gauche!"

в переводе на русский язык - "Психимора не поскупилась". Как видно, такого значения нет у рассматриваемой ФЕ. В контексте Э.Базена последний компонент ФЕ *le pied* заменен тематически близким компонентом *la main gauche*, который привносит во фразеологизм следующую информацию: либо подчеркивает неожиданное проявление щедрости скупой матери, которая "одолжила" крупную сумму денег нелюбимому сыну, и в этом реализуется функция руки "давать", либо в нем содержится намек на фразеологизм *de la main gauche*, имеющего отношение к понятию "незаконный брак" (ср. ФЕ *le mariage de la main gauche* - незаконное сожительство, *l'enfant de la main gauche* - ребенок от незаконного брака) и вместе с этим намек на отношение матери к родному сыну как к неродному. Учитывая следующие прагматические факторы: мать подложила 6700 франков в комнату своего сына Лана Ризо, чтобы обвинить его в краже и отправить в исправительную колонию за его бунтарский характер. Но сын, наблюдая за проделками матери, разгадал ее коварные замыслы. Поэтому он вкладывает столько иронии в указанную фразу, избирая для этого в качестве выражения контаминацию фразеологических единиц.

Рассмотренные примеры подтверждают мысль о том, что, когда имеется целевая установка сфокусировать коммуникативный акт на прагмеме, то коммуникант прибегает к использованию тех единиц языка, в которых прагмема доминирует над информемой. К числу таких единиц относятся не только

фразеология, но и стилистически окрашенная лексика, средства эмоционального синтаксиса, фонетические средства (интонирование, специфическое произнесение фонем), словом, все то, что может служить эксплицитированной формой для передачи содержания символа "как", то есть ценностного отношения между субъектом и объективной действительностью. Как отмечено в "Русской грамматике. Синтаксис" [10, с. 216-217], диапазон такого содержания весьма широк: "Это - многообразные значения, заключающие в себе личное, субъективное отношение говорящего к содержанию сообщения; согласие или несогласие, принятие или неприятие, ... положительную или отрицательную оценку, ... разные виды волеизъявления, ... удивление, недоумение или непонимание, ... стремление уяснить или разъяснить что-либо, стремление выделить что-либо в сообщении, усилить какую-то часть заключенной в нем информации, сосредоточить внимание на чем-либо ..." [10, с. 216-217].

Все вышесказанное подводит нас к выводу о том, что формула коммуникативной ситуации "кто-кому-о чем-где-когда-почему-зачем" [5, с. 17] должна быть дополнена компонентом "как".

Литература

1. Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях: Хрестоматия - М.: Просвещение, 1965. - Ч.2. - С. 300-319.
2. Киселева Л.А. Вопросы теории речевого воздействия. - Л.: ЛГУ, 1978. - 160 с.
3. Кунин А.В. Английская фразеология. Теоретический курс. - М.: Высшая школа, 1970. - 344 в.
4. Малинович В.М. Экспрессия и смысл предложения

- // Семантическая интерпретация простого предложения.
- Иркутск: Иркутский педагогический институт, 1980.-
С. 41-50.
5. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. - М.: Русский язык, 1982. - 126 с.
6. Черепова Н.А. О роли прагматического аспекта в исследовании экспрессивного функционирования видо-временных форм в тексте драмы // Актуализация предложения и его элементов (в микро- и макротексте). - Л.: ЛПИ им. А.И.Герцена, 1984.- С.110-115.
7. Баркова Л. А. П р а г м а т и ч е с к и й а с п е к т использования фразеологизмов в рекламных текстах (английский язык). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1983. - 21 с.
8. Азнаурова З.С. Аспекты прагматического содержания слова // Семантика и типология разносистемных языков; Сб. научных трудов. - Ташкентский гос. ун-т. 1983.- № 709.- С.83-96.
9. Шафр А. Введение в семантику. - М.: Иностранная литература, 1963. - 376 с.
10. Русская грамматика. Синтаксис. - М.: Наука, 1980. - Т. 2 - 709 с.
11. Lexis.
Larousse de la langue française.-P., 1979.
12. Druon M. Rendez-vous aux enfers. Juillard. Livre de poche.-P., 1970.
13. Basin H. Vipère au poing, - Moscou, éd. du Progrès. 1979. - 149 p.

МЕСТО ЭМФАЗЫ И ОЦЕНКИ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

В каждом художественном тексте можно наблюдать некоторые семантические элементы, которые дополняют предметно-логическую информацию текста. Прагматическая сущность текста — его коммуникативное намерение находит свое выражение в таких понятиях как эмпза и оценка. Изучая именно этот аспект английский лингвист Р.Кверк подробно рассматривает семантическую структуру высказывания. Он предлагает учитывать три аспекта: фокус или рему, тему и эмоциональную эмпзу. Изучение этих категорий дает нам возможность представить язык как последовательно организованную коммуникативную систему. В плане содержания очень важным элементом является именно эмпза. Понятие эмпзы определяется Р.Кверком как интенсификация, усиление языковой единицы для правильного понимания сообщения, а также для передачи всевозможных дополнительных импликаций в процессе коммуникации [I, с. 937]. Границы между объектами грамматики, стилистики и теории текста установить иногда невозможно. Это хорошо видно из следующего замечания Р.Кверка: подробное исследование эмоциональности заведет нас в область фигур речи таких как сравнение, гиперболы и ирония, но здесь мы ограничимся двумя приемами (Р.Кверк имеет в виду эмоциональную эмпзу и усиление), которые входят в область грамматики [I, с. 969].

На связь эмпзы и импликации обратила внимание Е.Н. Старикова. Усиление экспрессивности за счет невыраженности элемента предложения знаменует собой такую связь содержания и формы, когда обозначаемое стремится выразить

себя иными средствами, нежели его собственным знаком. При чем Е.Н.Старикова подчеркивает, что экспликация нередко снимает эмоционально-экспрессивную тональность, лишает предложение целого ряда коннотативных признаков, обнаруживаемых при имплицитной форме выражения [2, с. 14].

В данной статье сделана попытка показать роль эфазы в обнаружении подразумеваемых, имплицитных смыслов текста, которые безусловно присутствуют в семантической структуре текста рядом с эксплицитными смыслами.

Текстом считается не только целое произведение, но и достаточно законченный его фрагмент. Такой фрагмент текста в работе называется эпизодом. Под эпизодом понимается более или менее законченная часть художественного текста, состоящая из описания элементарного события, т.е. элементарной единицы повествования в рамках которой можно выделить имплицитную информацию. Эпизод - это текстовое пространство, которое достаточно для осуществления нашей задачи, т.е. установления связи эфазы с текстовой импликацией. Текстовая импликация, волею за И.В.Арнольд, определяется как вид подразумевания, основанный на синтагматических связях соположенных элементов antecedenta. Она может передавать не только предметно-логическую, но и субъективно-оценочную и эмоциональную информацию, ограничена рамками микроконтекста, что на композиционном уровне соответствует преимущественно эпизоду, восстанавливается вармативно, рематична, принадлежит конкретному тексту и постоянно сочетается с другими видами подразумевания, тоже выраженной связкой: А→Б [13, с. 88].

Обратимся к текстовому материалу. В известном рассказе Г.Грина "Подвальная комната" читаем: Philip Lane went downstairs and pushed at the baize door, he locked into the pantry, but Baines was not there, then he set foot for the first time on the stairs to the basement. Again he had the sense: this is life. All his seven nurse-ry years vibrated with the strange, the new experience.

His crowded busy brain was like a city which feels the earth tremble at a distant earthquake shock. He was apprehensive, but he was happier than he had ever been. Everything was more important than before.

[4, с. 7]

Поставленная выше задача учитывает деление текста на типы повествования. В данном случае план рассказчика маркируется эпическим претеритом, а план персонажа — настоящим грамматическим временем: *this is life*. Формы времен находятся в полном соответствии с глубинным смыслом [5, с. 29], в данном случае с текстовой импликацией. Отметим эмфатически выделенные сегменты в плане рассказчика: *for the first time; again; all his seven nursery years vibrated with the strange, the new experience; he was happier than he had ever been; more important than before.* Эмфаза маркирована обстоятельствами, обилием определений, артиклем, метафорой, синтаксической сравнительной конструкцией и образным сравнением. Все это дает возможность догадаться, что Филиппу не было разрешено находиться в подвальной комнате, подразумевается также, что такой поступок повлечет за собой и другие перемены в его жизни. Смена планов повествования с плана рассказчика на план персонажа создает неожиданность и тем самым импликацию — мальчик задумался над своей жизнью. Эмфаза вырастает в образное сравнение и метафорический эпитет: *his crowded busy brain was like a city which feels the earth tremble at a distant earthquake shock*. Текстовая импликация в этом сегменте состоит в том, что Филипп стоит на пороге крупных событий. Правильность толкования импликации подтверждается тем, как состояние мальчика суммируется в последнем предложении: *Everything was more important than before.*

В другом примере, взятом из рассказа Д. Лоуренса "Две синие птицы", текстовую импликацию маркирует конвергенция эмфатических сегментов:

Under the spico balls of the minose she

thought of that husband of hers in his library, and of that neat, competent but *s o m e o n* little secretary of his for ever taking down what he said!

[6, с. 13]

Отметим маркеры эфазы: восклицательный знак, курсив для слова с сильной отрицательной оценкой *s o m e o n*; т.е. графическая эфаза. Кроме того присутствует синтаксическая эфаза: *that husband of hers*, стилистическая эфаза: *that neat, competent but s o m e o n little secretary of his ...*, лексическая эфаза: *for ever*.

В связи с рассматриваемой проблемой, необходимо сказать, что эфаза может делиться по степени интенсивности на две группы: слабая эфаза и сильная эфаза. В данном примере к сильной эфазе можно отнести синтаксическую эфазу: *that ... of hers, that ... of his*. Такие структуры обычно передают раздражение и гнев [7, с. 152]. Еще более сильную эфазу получает сегмент с обилием определений в сочетании с курсивом и лексической эфазой: *that neat, competent but s o m e o n little secretary of his for ever ...*. К слабой эфазе можно отнести случаи, которые выражены либо только интенсификаторами, либо только графически. Сильные эфазы отличаются сложными синтаксическими, семантическими и стилистическими связями, как в этом примере. Сильные эфазы, как правило, маркируют текстовую импликацию. В приведенном тексте текстовая импликация выражает ироническое, насмешливое отношение героини и разоблачает ее собственнический подход; она ревнует и присутствие соперницы (секретарши) ее раздражает.

Эфаза тесно связана с оценкой. Оценка также может получить как эксплицитное, так и имплицитное выражение в тексте. В приведенном тексте оценка представлена оценочными словами: *neat, s o m e o n, little*. В следующем эпизоде эфаза создает эмоциональность, но маркируется переспросом:

"Aren't they extraordinary vicious little beasts?" said he. "Extraordinary!" she re-echoed, stooping and picking up a little breast-feather. "Extraordinary. See how the feathers fly!" [6, с. 20].

●. Кверк пишет, что переспросы выражают сомнение по поводу сказанного собеседником. В этом примере переспрос имеет иную функцию: в сочетании с повтором он маркирует эмфазу, которая создает имплицитно выраженную оценку, причем оценка является иронической и отрицательной. Имплицитруется насмешка.

Подводя итоги, отметим, что анализируемый материал позволяет выделить графические, синтаксические и стилистические маркеры эмфазы. По степени интенсивности эмфаза может быть слабой и сильной. При сильной эмфазе наблюдается корреляция с импликацией. Сильные маркеры эмфазы, которые синтаксически или семантически осложнены, маркируют текстовую импликацию. Эмфаза возможна как в плане рассказчика, так и в плане персонажа. Эмфаза тесно связана с оценкой, которая может быть как положительной, так и отрицательной.

Литература

1. R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik. A grammar of contemporary English. - London: Longman Group Limited, 1972. - 1120 p.
2. Старикова Е.Н. Скрытая номинация и эмфаза // Вестник Киевского университета. Романо-германская филология. - Киев: Вища школа, 1980. - Вып. 14. - С. 14-16.
3. Арнольд И.В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания, 1982. - № 4. - С. 83-91.

4. Greene G. The Basement Room // Twenty-One Stories, Penguin Books, 1970.-P. 7-33.
5. Туреева З.Я. Темпоральная структура научных и художественных текстов // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. - М.: Наука, 1985. - С. 26-38.
6. Lawrence D.H. Two Blue Birds // The Woman Who Rode Away. Penguin Books, 1972.- P.11-26.
7. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования.- 2-ое изд., переработанное, - Л.: Просвещение, 1981. - 295 с.

В.И.Кричевская

ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДОМИНАНТЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ НА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ВАРИАНТ СЛОВА

В последние годы в лингвистике проблемы семантики предложения-высказывания вышли на первое место. Предложение рассматривается как целое, не сводящееся к сумме его частей; присущий этому целому смысл распространяется на всю совокупность компонентов. Слово - компонент предложений, в нем проявляется часть смысла всего высказывания [1, с. 133] .

Анализ взаимодействия глубинного содержания и поверхностного выражения позволяет раскрыть сущность более частных проблем речевой вариативности лексики, знаковости, проецирования семантики предложения на семантику отдельного слова и т.д. Изучение этих сторон взаимодействия семантики и синтаксиса представляется весьма актуальным.

Данная статья является попыткой исследования семантической интеграции лексики, привлеченной к созданию высказывания, в частности, условий введения семантической доминанты высказывания в состав лексического значения слова.

Как указывает Г.Л.Колшанский, доминирующим для содержания высказывания является его глобальный смысл, образующийся из некоторой интенции говорящего, а не алгоритм сложения слов и словосочетаний в единую фразу [2, с. 140]. Смысл высказывания - изначально цельная единица, охватывающая некоторый фрагмент действительности. Поток мысли, отражающий объективную реальность, членится на отдельные кадры (события или состояния) при помощи реляционных предикатов, которые вместе с необходимыми для их конкретизации понятиями или значениями образуют пропозицию - основу смысловой структуры высказывания [3, с. 5]. Пропозиция выражает определенное событие или состояние между логически равноправными предметами; она целостна и симультанно обозрима. Пропозиция состоит из предиката и семантически выделенных членов отношения. Предикат обладает обязательной валентностью: он предсказывает число и характер сочетающихся с ним зависимых компонентов - актантов.

Лексическое наполнение предиката и его актантов находится в отношении семантического согласования. Семантическая солидарность слов, выступающих в роли предиката и его аргументов, отображает связь вещей и явлений объективной действительности и обеспечивает когерентность высказывания. Ср.: "Семантической основой предложения являются отраженные человеческим сознанием обобщенные модели фактов и ситуаций" [4, с. 12]. Традиционно считается, что семантическое согласование потенциально заложено в семантике слов, наполняющих высказывание, и проявляется как многократное или по меньшей мере двукратное повторение какого-либо признака. Этот итеративный семантический

признак выступает как доминирующее содержание высказывания, так как воспроизводится не менее двух раз. Особый интерес для нас представляет тот лексико-семантический вариант слова-члена предложения, который семантически управляет связанными с ним словами, т.е. локализует семантическую доминанту. Семантически управляющим словом может оказаться любой компонент высказывания; все зависит от абстрактности/конкретности предиката. Чем абстрактнее глагол, тем больше состав итеративных признаков высказывания зависит от семантики существительного - субъекта или объекта. Чем конкретнее глагол, тем больше его роль в определении состава итеративных признаков предложения [5, с. 6]. Формирование итеративного семантического признака может определяться как лексико-семантическим вариантом слова-предиката (если он не слишком абстрактный), так и лексико-семантическими вариантами слов-актантов. "Смысловым центром конструкции, рассматриваемой в контексте предложения, является тот ее компонент, значение которого семантически согласуется со значением управляемого глагола" [6, с. 124].

Как уже говорилось выше, предикат обладает валентностью, т.е. имеет "места" или "гнезда", заполняемые в предложении словами, категориальные признаки которых находятся в соответствии с категориальными признаками "гнезда" [7, с. 88]. Этот категориальный признак "гнезда" вытекает из свойств предиката. Так, факитивность глагола определяет наличие при нем предмета в качестве объекта, а намеренность описываемого действия подразумевает живое существо в качестве субъекта. Например, глагол *to show* в значении *to cause (something, somebody) to be seen* является факитивным, однако этот признак отсутствует у него в значении *to be visible or noticeable*; в результате "гнездо" объекта остается незаполненным. Глагол *to shoot* обозначает произвольное намеренное действие в значении *to aim and fire, wound or kill (person,*

animal), но теряет этот оттенок намеренности в значении to move or be moved (of boats). Соответственно изменяется категория субъекта - от лица к артефакту.

Категориальный признак аргумента определяется его семантической функцией и выражает определенную роль. Для анализа семантических функций актанта, имеющих в своей основе типовые отношения элементов ситуации, будем пользоваться системой семантико-синтаксических категорий В.В.Богданова; он выделяет 14 семантических функций [8, с. 52-56] .

Анализ "ролевой", глубинной организации высказывания необходим для выявления условий экспликации категориального содержания лексических значений слов, составляющих высказывание. В свете вышесказанного проанализируем высказывание: A famous big-game hunter was showing a charming young lady the skin of a lion that he had shot [9, с. 215]. Как уже было отмечено, высказывание формируется из некоторой глобальной установки на его смысл. Говорящий ориентируется на определенную ситуацию реальной действительности, к которой он подбирает предикат. В приведенном примере, описывая ситуацию "показа (вещи)", он, видимо, априори отбрасывает ненужные в данном случае значения глагола to show - to be visible , to cause to understand , to conduct. Напротив, значение глагола to show, описывающее данную ситуацию (to cause to be seen , present to view) и имеющее семантические признаки активности, фактивности, намеренного действия, зрительного восприятия, "открывает места" для следующих аргументов: агентив, бенефициатив, объектив или пациентив (здесь, соответственно, a famous big-game hunter , a charming young lady , the skin of a lion that he had shot). Семантическая сочетаемость глагола to show в его основном значении, to cause to be seen с объектом ограничивается только очень общим категориальным признаком предметности

объекта: увидеть, зрительно воспринять можно любой предмет (говоря "предмет", мы вкладываем в это слово, вслед за С.Д.Кацнельсоном, понятие физического тела). Объект, следовательно, может быть выражен как объективом (неодушевленным аргументом как объектом действия, состояния или отношения), так и пациентивом (одушевленным аргументом как объектом действия, состояния или отношения).

Такие свойства глагола *to show*, как активность и намеренность (произвольность) действия, определяет использование в качестве субъекта "роль" агента - активного одушевленного производителя действия; итеративным является категориальный признак одушевленности - на ступень ниже общего признака предметности (значение *hunter - watch with hinged cover protecting glass* - артефакта здесь, разумеется, исключено).

Глагольная сема зрительного восприятия задает категорию бенефициатива (одушевленного аргумента, выступающего в функции адресата, получателя или вообще того, в пользу или ущерб кому совершается действие): он может быть выражен только словом, обозначающим зрячее живое существо - эмпирический признак способности видеть. Вышим, а значит инклюдивно включенным в менее общие, является категориальный признак предметности. Он в данном случае абсолютно итеративен, т.е. присутствует имплицитно во всех членах предложения и сигнализирует о том, что описываемая ситуация относится к предметному миру вообще. Мир этот столь широк, что включает в себя и охоту, и светский прием. Если бы предложение описывало более ограниченную в пространстве ситуацию, то абсолютный итеративный признак не был бы так обобщен. Например, в предложении *a big-game hunter shot a lion*. Сквозным является семантический категориальный признак не-лица-животного: слово *animal* приводится в словарных дефинициях всех слов, формирующих это предложение (признак третьего порядка по

Кацнельсону): a big-game hunter : субъект - агентив - предмет, живое существо, лицо (person who goes after larger wild animals for food or sport); had shot : трехместный предикат - to wound or kill (person or animal) with missile from gun ; lion : объект - пациентив - предмет, живое существо, не-лицо (a large strong carnivorous animal of the cat family).

Однако предложения, во всех членах которого присутствует семантический признак не очень высокой степени обобщения, в естественной речи встречаются редко. Как правило, они, как и в нашем случае, создаются специально в целях семантического анализа. Это, в общем, закономерно: "для того, чтобы высказывание осуществилось в семантическом плане, необходим достаточный контраст составляющих его смыслов" [10, с. 26]. Д.С.Степанов, называя итеративный семантический признак "длинным семантическим компонентом", указывает, что он, проходя через все высказывание-предложение, все же подчинен отношению контраста: в какой-то части высказывания он ослабевает, и эта часть начинает контрастировать с другой. Если же контраста нет, то сквозной итеративный признак не очень высокой степени обобщения становится навязчиво избыточным. В нашем случае семантическое согласование на основе категориального признака одушевленности прерывается после бенефициатива. Первая часть A famous big-game hunter was showing a charming young lady контрастирует со второй the skin of a lion that he had shot на основе итеративного категориального признака одушевленности/неодушевленности, причем более общий категориальный признак предметности является сквозным для всего предложения целиком. Смысловым же центром высказывания в данном случае является глагол, задавший категории актантов и являющийся достаточно конкретным для определения конкретного лексического наполнения своих "гнезд".

Таким образом, взаимодействие глобального смысла высказывания и лексического значения слова на основе итеративного признака является скрытым, но поддается анализу. Оно проходит опосредованно: говорящий отбирает "реляционный предикат, адекватно описывающий данную ситуацию; семантические свойства предиката задают категориальный состав его аргументов; один из этих аргументов или сам глагол, если он не слишком абстрактный, становится семантическим центром высказывания и определяет конкретное лексическое наполнение "гнезд". Основой семантической интеграции лексики высказывания является итеративный признак, заданный словом - семантическим центром высказывания; он функционален и формируется во взаимодействии лексики, вступившей в "ролевые" отношения, реализующие пропозицию; в какой-то части высказывания он ослабевает по принципу контраста. Как воплощение категориального взаимодействия лексики высказывания итеративный признак создает базу для развертывания лексико-семантических вариантов слов, наполняющих это высказывание, и тем самым вводит глобальный смысл в состав лексического значения слов.

Литература

1. Бенвенист Эмиль. Общая лингвистика. - М.: Прогресс, 1974. - 447 с.
2. Колманский Г.В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. - 145 с.
3. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. - 1984. - № 4. - С. 3-12.
4. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. - М.: Высшая школа, 1974. - 155 с.

5. Агамджанова В.И. Итеративность семантических признаков лексики предложения // Синтагматическая обусловленность лексической семантики. - Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1976. - С.3-17.
6. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. - М.: Наука, 1976. - 383 с.
7. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972. - 216 с.
8. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. - Л.: ЛГУ им. А.А.Мухоманова, 1977. - 204 с.
9. Eskerley G.E. Essential English. Book 2. - Sofia: Foreign Languages Press, 1967. - 147 p.
10. Степанов В.С. Имена. Предикаты. Предложения. Семантическая грамматика. - М.: Наука, 1981. - 360 с.

Е.С.Кутасина

**О ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ РАЗНОСТРУКТУРНЫХ СУБСТАНТИВНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ С КОЛИЧЕСТВЕННЫМ ЗНАЧЕНИЕМ
В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

На существование в языке нескольких синтаксических моделей с их специфическими структурными схемами, способных передавать одно и то же общее для них значение, указывают многие лингвисты. Они отмечают также их признаки, как параллельность функционирования, взаимозаменяемость, чередование, абсолютную синонимичность в употреблении или конкуренцию, т.е. тенденцию к вытеснению одной формы другой. Соответственно и термины, употребляемые разными учеными, отражают ту или иную сторону этого явления и, акцептируя ее, не совпадают между собой: факультативные

языковые формы [12, с. 43 и сл.], синтаксические синонимы [9, с. 77-87; 13, с. 241 и сл.], синтаксические варианты [10, с. 8], вариантные модели [2, с. 44], конкурирующие языковые средства [16, с. 164 и сл.], синонимия грамматических форм [11, с. 16 и сл.], лексико-грамматическая синонимия [6, с. 5], конкурирующие конструкции [17, с. 305], параллельные конструкции, формы [3, с. 65; 19, с. 451; 15, с. 170], чередующиеся формы [14, с. 127], альтернативные средства выражения [20, с. 115], альтернативный ряд (альтернирующие структуры) [18, т. 22, с. 30, 35; т. 23, с. 64]. Не останавливаясь подробно на анализе всех выше приведенных терминов, который можно найти в работе Г.Штарке [18], надо отметить, что все они не отражают главный признак таких структур, а именно - их семантическую сторону, т.е. то, что целый ряд словосочетаний, имеющих различное синтаксическое построение, передают одно и то же общее для них значение.

Субстантивные словосочетания, имеющие разную структуру, но выражающие одно и то же значение количества, изучались в ряде работ. Однако при этом анализировались только некоторые семантические группы словосочетаний, представленные к тому же лишь несколькими структурными типами. Например, В.М.Кульгавая рассматривает структуры субстантивных словосочетаний только с первым компонентом, выраженным существительными, обозначающими неопределенное множество [4, с. 279 и сл.], а Т.Г.Попова ограничивает ряд конструкций со значением количества до двух структурных типов ($S_{quant} + S_n^1$ и $S_{quant} + von + S_{dat}$) [7, с. 96-112]. Наиболее полно изучаемое явление описано в диссертации Л.Д.Митьковой [5]. Но и в этой работе, с одной стороны, учтены не все конструкции с общим значением количества, а с другой стороны, к ним отнесены конструкции, не имеющие данного значения. Вряд ли можно согласиться, например, с тем, что словосочета-

ния типа ein Glas mit Wasser имеют значение количества [5, с. 138]. Такие словосочетания лишь указывают на содержание какой-либо емкости (сосуда), но ничего не сообщают о количестве этого содержимого (стакан может быть и не полным). В современном немецком языке субстантивные словосочетания с количественным значением, т.е. словосочетания, состоящие из двух существительных, одно из которых имеет количественное значение ($S_{\text{quant.}}$) могут быть организованы при помощи нескольких синтаксических моделей: 1) согласования обоих существительных в падеже ($S_{\text{quant.}}$ (nom. --- akk.) + $S_{\text{nom. --- akk.}}$), ср.: in einem Glas (warmem) Wasser; 2) генитивного управления ($S_{\text{quant.}}$ + $S_{\text{gen.}}$), ср.: ein Eimer (eiskalten) Wassers, 1 Teelöffel des Reinigungsmittels; 3) предложного управления с предлогом von ($S_{\text{quant.}}$ + von + $S_{\text{dat.}}$), ср.: sechs Prozent vom Umsatz, Scharen von Menschen; 4) предложного управления с предлогом an ($S_{\text{quant.}}$ + an + $S_{\text{dat.}}$), ср.: ein Übermaß an Fleisch; 5) предложного управления с предлогом von, где существительное с количественным значением является вторым компонентом ($S_{\text{abstr.}}$ + von + $S_{\text{quant.}}$ (dat)), ср.: eine Höhe von 10 Kilometern; 6) конструкции с voll (voller) $S_{\text{quant.}}$ + voll / voller + $S_{\text{gen. / dat.}}$, ср.: ein Teller voll schwarzer Bohnen, eine Tüte voll totem Fisch.

Как известно, наличие множества одинаковых по значению и употреблению форм на одном временном срезе в одном языке противоречило бы его свойствам - стремлению к экономии языковых средств и ясности выражения. Справедливость утверждения, согласно которому неоправданного дублирования язык не терпит, подтверждается постоянно происходящим разрешением противоречий между тенденцией к избыточности языковых форм и ее преодолением [1, с. 145-175]. Одновременное существование конструкций с общим значением количества в большинстве случаев

¹ S_m - существительное в монофлективе.

возможно при условии их дифференциации. Эта дифференциация регламентируется тремя факторами: смыслом, стилем, формой.

При смысловом расподоблении словосочетания с общим значением, организованные на основе разных синтаксических моделей, отличаются друг от друга смысловыми оттенками этого значения. Так, например, в словосочетаниях с первым компонентом, обозначающим емкости (Glas, Flasche), конструкции с общим значением количества выражают его оттенки: конструкция с согласованием имеет значение меры, ср.:

- Ich koche eine Tasse Kola. (Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt),

конструкция с предложным управлением $S_{\text{quant.}} + \text{von} + S_{\text{dat.}}$ выражает оттенок партиципности, ср.:

- Manch einer trank heute eine Flasche vom ganz Guten, der das ganze Jahr nur das Bier getrunken hat. (Walser R. Der Gehülfe).

Конструкция $S_{\text{quant.}} + \text{voll}(\text{voller}) + S_{\text{gen.}} / \text{dat.}$ подчеркивает оттенок заполненности некоторого объема его содержимым, ср.:

- Fiets folgte ihr mit einem Tablett voller Likörflaschen und Gläser (Steinmann E. Ganz einfach Marie).

Стилистическая дифференциация предполагает функциональное и хронологическое разграничение конструкций с общим конкретно-синтаксическим значением [8, с. 41]. При функционально-стилистическом разграничении какая-либо модель закрепляется за определенной сферой социального применения. Например, конструкция с предложным управлением $S_{\text{abstr.}} + \text{von} + S_{\text{quant.}}$ характерна для стиля научного изложения, а также для научно-публицистических статей, ср.:

- Nur drei Kilometer nördlich von Röbel, an Südwestufer der Müritze gelegen, umfaßt das NSG "Großer Schwerin mit Steinhorn" mit einer Fläche von

320 Hektar zwei Halbinsel ... (Urania).

В случае хронологической дифференциации конструкции противопоставляются по признаку устаревшее (устаревшее) - современное - новое, отражающему их положение на временной оси. Например, конструкция с генитивным управлением (без артикля или местоимения перед вторым компонентом) типа ein Glas Weines в современном немецком языке является устаревшей. Ср. ее употребление в исторической пьесе П.Хакса "Das Volksbuch vom Herzog Ernst":

- Was verlieren die Leute? eine Ziege, ein Häuschen, ein Takewerk Ackers.

- Das Wehrgeld ist erhöht um neunzehn Mark Silbers.

При формальной дифференциации конструкций с общим конкретно-синтаксическим значением их употребление диктуется особенностями формы компонентов данных словосочетаний. Например, наличие перед вторым компонентом артиклей (личных, указательных) требует построения словосочетания на основе генитивного управления, их отсутствие допускает согласование компонентов в падеже, ср.:

-...hatte auch sie eine Flasche des teuersten trockenen Sherrys zur Hand (Böll H. Gruppenbild mit Dame).

- Auf dem Tisch steht eine Flasche französischen Cognacs. (Remarque E.M. Der schwarze Obelisk)

В первом примере использование генитивного управления продиктовано наличием перед вторым компонентом определенного артикля, употребление которого в свою очередь связано с превосходной степенью прилагательного. Во втором - артикль отсутствует, так как существительные вещественные употребляются в современном немецком языке без артикля, и прилагательное, стоящее в положительной степени, не влияет на его употребление. Поэтому предпочтение отдается конструкции с согласованием, ср. также пример, в котором употребление определенного артикля перед вторым компонентом связано с его основной функцией определения

известного говорящему (слушающему) предмета:

- Dadurch ist es möglich, jährlich 1,4 Tonnen des Plastikwerkstoffes Miramid einzusparen (Neues Deutschland, 1983, Nr. 36).

В большинстве случаев конструкции с общим значением количества распадаются не по одному из вышеперечисленных признаков, а по нескольким. Так, например, словосочетания, которые строятся на основе генитивного управления в случае наличия перед вторым компонентом артиклей или местоимений, могут иметь дополнительный смысловой оттенок партитивности, ср.:

- 447 Millionen Hektar des Landes sind Wald (für Dich, 7/84).

Употребление приведенной выше конструкции $S_{abstr.} + von + S_{quant.}$ помимо функциональной обусловленности зависит и от формальных факторов. Семантически она является полным эквивалентом модели с согласованием $S_{quant.}$ (ном. --- акк.) + $S_{abstr.}$ (ном. --- акк.), ср.:

- ... man zahlte zwanzig Mark Jahresbetrag und erhielt dafür jedes Jahr irgendein Kunstblatt (Kellermann В. Der 9. November).
- Demnach ... habe ich von neuen verschiedenen Personen ... einen Gesamtbeitrag von zwanzig Mark erhalten (Kant Н. Der dritte Nagel).

Однако эти конструкции не всегда могут заменять друг друга в предложении. Так, например, при наличии прилагательного перед абстрактными существительными используется согласование компонентов в падеже, ср.:

- Das seit rund zehn Jahren bei Sapoljarny betriebene Projekt sieht eine maximale Tiefe von 1500 Metern vor. (Berliner Zeitung, 1983, Nr. 38).
- Das sind dann rund 3,3 Millionen Rollen mit einer randlosen Breite von 54 Zentimetern (Wochenpost, 1982, Nr. 16).

Наличие перед всем словосочетанием или после него предлога von исключает использование конструкции $S_{\text{abstr.}} + \text{von} + S_{\text{quant.}} (\text{dat.})$, ср.:

0... benötigte man 9000 Züge von je vier Kilometer Länge
... (Neues Deutschland, 1983, Nr. 37).

- Wenn das reflektierte Signal beispielsweise $2 \times 27 \mu$ Umweg zurückzulegen hat, erscheint es mit $0,2 \mu$ sek Verzögerung, d.h. in etwa 1,5 mm Abstand vom ursprünglichen Signal auf einem 50 cm breiten Schirm ... (Webers J. Handbuch für Film- und Video-Technik).

В отличие от конструкций с общим конкретно-синтаксическим значением, отмеченных хотя бы по одному их рассмотренных параметров, абсолютные дублеты [IO, с. IO] не различаются в формальном, смысловом и стилистическом отношении. В противоположность первым они совершенно равноценны между собой, но чередуясь в тексте, предотвращают его потенциальную монотонность и повторы. Однако, абсолютные дублеты нередко обнаруживают различия в частотности употребления, свидетельствуя тем самым об определенных сдвигах в развитии синтаксического строя языка. Частотность употребления служит одним из признаков стабильности, устойчивости позиций данной конструкции. Например, в группе словосочетаний с первым компонентом, обозначающим некоторое количество исчисляемых предметов (конструкция с согласованием и конструкция с предложным управлением $S_{\text{quant.}} + \text{von} + S_{\text{dat.}}$ является абсолютными дублетами, причем предложное управление употребляется примерно в пять раз чаще чем согласование компонентов в падеже, ср.:

- Holt stellte eine Reihe Fragen und erfuhr ... (Noll D. Die Abenteuer des Werner Holt).

- Das ist eine Reihe von Fragen (Kant H. Zu den Unterlagen).

По всей видимости, можно согласиться с Л.Д.Митьковой в том, что синтаксическая модель $S_{\text{quant.}} + \text{von} + S_{\text{dat.}}$ характерна для формирующейся в настоящее время категории

"неопределенного множества" (*Multitudo indefinita*) [5, с. 45], в которую входят и словосочетания с первым компонентом *Reihe*. Активность и продуктивность этой модели проявляется в том, что на ее основе строятся словосочетания с первым компонентом, выраженным существительными, которые относятся к самым разным лексико-синтаксическим группам и употребляются метафорически, ср.:

- Eine ganz verschlafene Kinderstimme sagte unter einem Wasserfall von Haaren (Tuholsky K. Rheinsberg: ein Bilderbuch für Verliebte und anderes).

В заключение следует отметить, что набор синтаксических моделей с общим значением количества, частотность их употребления, а также отношения, в которых они находятся между собой (т.е. являются ли они абсолютными дублетами, отличаются ли друг от друга определенными смысловыми оттенками, выражаемого ими значения, представляют ли собой стилистически дифференцированные конструкции или же конкурируют, вытесняя одна другую), различается в разных семантических группах словосочетаний с количественным значением. Так, например, для словосочетаний с первыми компонентами - существительными, обозначающими бытовые единицы объема и стандартные упаковочные емкости, характерно прежде всего использование модели с согласованием компонентов в падеже, тогда как модели с предложным и падежным управлением встречаются редко. В словосочетаниях с этими же первыми компонентами употребляется модель с (*voll*), не встречающаяся в других группах. Причем, как указывалось, эти конструкции не являются семантическими эквивалентами, так как различаются семантическими оттенками общего значения количества. В то же время для словосочетаний с первыми компонентами - употребленными метафорически существительными - характерно использование предложного или (при наличии определенного артикля перед вторым компонентом) генитивного управления и практически не используется согласование. К тому же в этой группе

словосочетаний данные конструкции будут семантическими эквивалентами.

Литература

1. Золотова Г.А. О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма. - М., 1974. - С.145-175.
2. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы // Синтаксис и норма. - М., 1974. - С.43-107.
3. Козман С.М. Предложные словосочетания с von как форма, параллельная словосочетаниям с применным родительным падежом // Уч. записки Пятигорского гос. пед. инст., 1958. - Т.17. - С.65-91.
4. Кудьгавая В.М. Способы выражения неопределенного множества исчисляемых понятий в современном немецком языке. Дисс. ... канд. филол. наук. - Иркутск, 1974, - 207 с.
5. Митькова Л.Д. Развитие структуры субстантивных словосочетаний в немецком литературном языке XVIII-XX веков. Дисс. ... канд. филол. наук. - М., 1982. - 225 с.
6. Орловская Т.И. К проблеме синтаксической синонимии // Вопросы немецкой филологии. - М., 1979. - С. 59-73.
7. Попова Т.Г. Субстантивные группы с монофлексивом в совр. нем. языке. Дисс. ... канд. филол. наук. - Л., 1975. - 257 с.
8. Семенюк Н.Н. Из истории функционально-стилистических дифференциаций немецкого литературного языка. - М.: Наука, 1972. - 215 с.
9. Цейтлин С.Н. Система синтаксических синонимов (на материале русского языка) // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. - Л., 1979. - С. 77-87.

10. Менделёв Е.И. Синтаксические варианты // ИДЭШ. Филол. науки, 1962.-# I.- С.8-18.
11. Admoni W. Der deutsche Sprachbau: Theoretische Grammatik der deutschen Sprache. - 3 Aufl. - L.: Prosweschtsenije, 1972. - 311 S.
12. Agricola E. Fakultative sprachliche Formen. - Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 1957.-Bd. 79, Sonderband.-S. 43-76.
13. Faulseit D. Syntaktische Synonymie. - Sprachpflege, 1967.-Jg. 16.-H. 12.-S. 141-143.
14. Mensing O., Erdmann O. Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. - Stuttgart: Cotta, 1898. - 2 Abt. - 276 S.
15. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. - 3 Aufl., - M.: Vyssaja skola, 1983. - 344 S.
16. Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik; eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. - 3. Aufl. - B.: Volk und Wissen, 1966. - 322 S.
17. Sommerfeldt K.E., Schreiber H. Konkurrierende Konstruktionen in der Substantivgruppe der deutschen Sprache der Gegenwart. - DaF, 1978.-H. 5.-S. 301-305.
18. Starke G. Konkurrierende syntaktische Konstruktionen der deutschen Sprache der Gegenwart. - ZPhSK, 1969.-Bd. 22.-H. 1.-S. 25-65; 1970.-Bd.23.-H. 1.-S. 53-84.
19. Weiss V.A. Zur Frage der Parallelenkonstruktionen. - Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, 1953.-Bd. 75.-H. 3.-S. 451-477.
20. Ingve V.H. Theorie und Praxis maschineller Sprachübersetzung. - ZPhSK, 1964.-Bd, 17.-H.1.-S. 103-108.

ТИПИЗАЦИЯ КОНТЕКСТА ТЕРМИНОВ СУДОСТРОЕНИЯ,
ОБРАЗОВАННЫХ СПОСОБОМ МЕТАФОРИЗАЦИИ

В статье рассматривается возможность выявления типовых контекстов терминов на основе их семантических функций.

Изучению терминов в контексте посвящен ряд статей (Иванова О.С., Коновалова Е.Д., Никольская Л.А., Чупилина Е.И. и др.). В отечественном языкознании имеется опыт выделения типичных и формализованных единиц контекста на основе суммы всех контекстов, свойственных отдельным единицам языка [1], а также представления типичного контекста в виде формализованной контекстной формулы, характерной для лексического значения отдельных лексико-семантических вариантов [2].

Настоящее исследование представляет собой попытку типизации контекстов терминов с общим категориальным значением предметности, исходя из посылки, что типовой контекст задается категориальной природой самого слова [3]. Подобное исследование дает возможность выявить типовые контексты, характерные не только для отдельных единиц языка, но и для целой группы слов, объединенной общим категориальным значением.

Типизация контекстов терминов судостроения рассматривается на основе теории контекста, разработанной Амосовой Н.Н. [4], Бондарко А.В. [5], Колчанским Л.В. [6], Уфимцевой А.А. [7] и др.

Материалом для исследования послужили термины судостроения, образованные способом метафоризации от общеупотребительной лексики английского языка. Выбор терминов, образованных метафорически, обусловлен предположением о том, что метафорический перенос как семантический

способ образования терминологического значения формирует тематические группы слов с единой категориальной основой. По своим прямым номинативным значениям исследуемые существительные являются наименованиями предметов, имеющих четкие пространственные границы, и могут быть подразделены на несколько групп: органы и части человеческого тела (arm, body, cheek, face, leg, shoulder, throat, palm, heart, nose, shank, eye и т.д.), живые существа и части их тела (camel, buffalo, crab, claw, dovetail, dog, feather, fin, wing и т.д.), одежда, обувь и их части (shoe, scarf, skirt, clothing, coat, heel, cap, collar, sleeve, tie и т.д.).

В соответствии с иерархической структурой значений категории предметности, данные существительные относятся к трем подгруппам низшего уровня - отприродным вещам, не-лицам, артефактам [8, с. 136]. Метафорический перенос значения осуществляется на основе сходства формы, расположения одних предметов относительно других, функции, внешнего вида и т.п., т.е. на основе одного или нескольких компонентов значения термилируемых слов. Рассматривая терминологизацию данных слов на уровне категориальных значений, можно заключить, что в процессе метафорического переноса полученный термин сохраняет категориальный признак предметности. Кроме того, с первого наименования на второе, терминологическое, переносятся дополнительные эмпирические признаки (форма, расположение и т.д.), которые не влияют на определение данного значения как предметного, а в своем внешнем, формальном выражении являются тем компонентом значения, на основе которого осуществлен перенос. Терминологические значения исследованных слов представляют лишь одну подгруппу иерархии значений категории предметности - артефактов, т.е. изделий, в данном случае это - части судна, приборь, детали судового корпуса (wrist - запястье, лапа якоря;

bones - скелет, набор корпуса корабля; clothing - одежда, обшивка; cradle - колыбель, спусковые салазки; collar - воротник, бугель; camel - верблюд, судоподъемный понтон; fin - плавник, перо стабилизатора и т.д.). Таким образом, анализируемые термины образуют однородную группу слов, объединенных на основе общего категориального значения "артефакт".

Для описания семантико-синтаксических функций исследуемых терминов используется система семантических категорий предложенная В.В.Богдановым [9, с. 52-56]. Являясь артефактами, эти термины обнаруживают способность выполнять функцию объектива, т.е. быть объектом действия и локатива, указывающего на место действия. (Отдельные случаи употребления терминов данной группы в функциях объектива, перцептива и инструментатива представляют предмет специального исследования).

Ниже будут рассмотрены словосочетания, которые с точки зрения семантического синтаксиса представляют собой предикатные выражения, состоящие из предикатного и непредикатного знаков, т.е. предикатные актантные структуры, где актантом является интересующий нас термин в функции объектива, причем категориальное значение термина (актанта) находится в соответствии с категориальным значением предиката. С другой стороны, данные предикатные выражения являются контекстами I-й категории [4], достаточными для реализации терминологического значения исследуемых лексических единиц.

Действие - объект действия.

Глагольное наполнение представлено следующими группами (данные и последующие примеры взяты из специальной литературы по судостроению):

- а) глаголы с общей семой "подвергать физической обработке" (to heat a coat, to melt a coat, to flatten buttocks, to machine off the palms, to taper the scarf, to soften chine, to stiffen a cradle, to coat a nut и т.д.);

- б) глаголы с общей семой "перемещать" (to lower the shell, to displace legs, to raise wishbone, to draw belly, to haul a dagger и т.д.);
- в) глаголы с общей семой "соединять" (to wedge the shell, to seal the blanket, to adhere a coat, to adjust legs, to weld a saddle, to glue stems, to fix a fin, to buckle the shell и т.д.);
- г) глаголы с общей семой "помещать" (to establish buttocks, to set the arms, to install the legs, to space the caps, to falcume the dagger и т.д.);
- д) глаголы с общей семой "создавать" (to form a skin, to create a shell, to embed a honeycomb, to subassemble a leg, to compose a stem и т.д.).

В обобщенном виде данные контексты могут быть представлены следующей формулой:

$$\text{II} \left\{ \begin{array}{l} \text{подвергать физ. обр.} \\ \text{перемещать} \\ \text{соединять} \\ \text{помещать} \\ \text{создавать} \end{array} \right\} + \text{Об. артефакт,}$$

где II { ... } - предикат; Об. артефакт - термин-артефакт в функции объектива.

Проанализируем контекстуальные отношения ядра и уточняющего минимума на примере предикатного выражения "to melt a coat". Глагол "to melt" многозначен. Актуализация каждого из его значений непосредственно зависит от категориальных признаков сочетающегося с ним существительного. Предметное значение термина "coat" предполагает наличие в составе предиката категориального признака фактивности (предмета как объекта действия), в данном случае этим признаком является способность подвергать физической обработке. Под "предметом" мы, вслед за С.Д.Кацнельсоном [8, с. 33], подразумеваем материальные объекты, физические тела. Данной семой из всей структуры зна-

чений глагола "to melt" соответствует значение "плавить, расплавлять" (ср. "to melt" - "таять"; "растворяться"; "слабеть, уменьшаться"; "тратить"). С другой стороны, конкретное глагольное наполнение данного предиката "to melt" в значении "плавить" является индикатором реализации терминологического значения "coat" как "насадка" и исключает значения "coat" как "пальто, пиджак". Таким образом, глагольная сема "подвергать физической обработке" определяет как наличие объекта, подвергаемого такой обработке, так и конкретное лексическое наполнение аргумента, называющего данный объект.

Для реализации терминологического значения исследуемых слов в функции локатива необходима трехчленная конструкция.

Действие - объект действия - место действия.

Глагольное наполнение представлено следующими группами:

- а) глаголы с общей семой "подвергать физической обработке" (to grout blocks on the caps, to reduce the height of the deck on the waist, to produce pressure on the face, to notch uprights up on the shoulder, to mark waterlines on the stem, to cut deck openings in the shell, to cut collar into the shell и т.д.);
- б) глаголы с общей семой "соединять" (to secure sockets on the caps, to secure the block on the drum, to anchor straps to the caps, to fasten the wood to the saddle, to weld up the shore against the saddle, to fit square keys in the scarf, to fasten rope in the eyes, to subassemble stern weldnut in the cradle и т.д.);
- в) глаголы с общей семой "помещать" (to dispose a good volume of displacement on the body, to hung rudder on the fin, to place washers under

the nut, to set foundations on the caps, to install the model of the ship or a cradle, to insert steel wedges between the saddles и т.д.);

- г) глаголы с общей семой "перемещать" (to drive wedges up between the caps, to transfer thousands of tons of ship to the cradle, to pass a chalk line over the drum, to draw the shore against the shell и т.д.).

Абсолютное большинство глаголов данных конструкций являются глаголами широкой семантики и поэтому недостаточны для реализации терминологического значения анализируемых лексических единиц, выражающих место действия (локатив). Они лишь участвуют в организации категориальных связей ядра и индикатора, характеризуя способ осуществления действия, в то время как основная диагностирующая функция принадлежит объекту. Рассмотрим, например, выражение "to transfer thousands of tons of the ship to the cradle". Предметное значение объекта "ship" как бы выбирает из семантической структуры глагола "to transfer" значение "перемещать, переставлять, переносить", исключая все остальные. В свою очередь глагол, характеризуя направленное действие, предполагает наличие перемещаемого объекта ("ship") и места перемещения ("cradle"). Лексическое наполнение объекта "ship" является индикатором, указывающим на терминологический вариант значения "cradle" как "спусковые салазки" и исключаящим все другие значения данной лексической единицы ("колыбель, люлька"; "истоки, начало"; "рычаг телефона" и т.д.).

Принимая во внимание тот факт, что приведенные выше конструкции в текстах по судостроению употребляются в страдательном залоге, типовая контекстная формула может быть представлена в следующем виде:

Об. + П $\left\{ \begin{array}{l} \text{подвергать физ. обр.} \\ \text{перемещать} \\ \text{соединять} \\ \text{помещать} \end{array} \right\} + \text{Лок. артефакт'}$

где Об. - объектив; Лок. артефакт - термин - артефакт в функции локатива.

Исследование контекстуальных условий реализации терминологических значений, образованных способом метафоризации, на базе их семантических функций позволило сделать следующие выводы:

1. Термины судостроения (существительные), образованные метафорически, обладают общим категориальным признаком "предмет-артефакт".
2. Общее категориальное значение данных терминов оказывает непосредственное влияние на структуру их типовых контекстов.
3. Выведение типовой контекстной формулы терминов на основе их семантических функций является способом обобщенного анализа контекстуальных условий реализации значения целой группы слов, объединенных общим категориальным значением.
4. Так как термин является членом общей лексико-семантической системы языка и ему присущи признаки, характерные и для других единиц этого уровня, типизация контекста на основе семантических функций может быть использована для описания типовых условий реализации значения других лексических единиц системы языка.

Литература

1. Чупилина Е.И. Соотношение терминологических вариантов многозначных слов и их типовых контекстов (на материале английской медицинской терминологии) //

Вопросы английской контекстологии. - Л., 1974.-Вып. I.- С.129-146.

2. Иванова К.А. Контекстная формула как обобщенное, формализованное представление лексического значения (на материале значения глагола *feel*) // Вопросы английской контекстологии. - Л., 1974.-Вып. I.- С. 33-49.
3. Агамджанова В.И. Итеративность семантических признаков лексики предложения // Синтагматическая обусловленность лексической семантики. - Рига, 1980.- С. 3-17.
4. Амосова Н.Н. Основы английской фразеологии. - Л.: ЛГУ, 1963. - 208 с.
5. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. - Л.: Наука, 1971. - 116 с.
6. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. - М.: Наука, 1980. - 145 с.
7. Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. - М.: Наука, 1968. - 272 с.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. - Л.: Наука, 1972. - 216 с.
9. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения. - Л.: ЛГУ, 1977. - 204 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛАТЫШСКОГО
● ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ĒRMĪGS И АНГЛИЙСКИХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ -
ODD И QUEER

Семантическая характеристика лексических единиц тесно связана с их парадигматическими и синтагматическими отношениями.

Исследуемые прилагательные являются членами синонимического ряда латышских прилагательных savāds, dīvains, Ērmīgs и английских прилагательных strange, odd, queer с инвариантным значением "странный". Для определения их места в синонимическом ряду и установления синонимических связей с другими членами ряда нам необходимо выяснить их лексическое значение, выделив в нем те дифференциальные признаки, которые составляют специфику семантики каждого из исследуемых прилагательных.

Так как в данной работе одним из объектов исследования является прилагательное латышского языка Ērmīgs, нам необходимо оговорить понятие "формальный вариант слова". Дело в том, что в произведениях латышской литературы встречаются два однокоренных слова Ērmīgs и Ērmots. В работе мы исходим из толкования формальных вариантов слов, данного А.И.Смирницким: "...в вариантах слова мы находим материально, в звуках объективированную, выраженную лексико-семантическую общность либо при внешне не выраженном лексико-семантическом различии, либо при внешнем различии, не выражающем никакой лексико-семантической дифференциации. Именно благодаря такому соотношению между общностью и различиями единство оказывается преобладающим над разностью - и данные глоссы выступают как варианты одного слова" [1, с.25]. Другими словами, лексические единицы, которые в языке применяются параллельно с различными аффиксами или с незначительными фонетически-

ми различиями, являются формальными вариантами слова. Обязательным условием для признания слов формальными вариантами является либо отсутствие у аффиксальных морфем самостоятельного значения, либо наличие синонимических отношений между ними. Это можно констатировать только при анализе конкретных слов [2, с. 58-60].

Лексические единицы латышского языка *ēršīgs* и *ērnots* различаются по словообразовательному признаку. Первая из рассматриваемых лексических единиц имеет суффикс прилагательного - *īgs*. Вторая же имеет суффикс причастия прошедшего времени страдательного залога - *t*. Лексическая и синтаксическая сочетаемость у этих лексических единиц практически одинакова. Иноязычные словари переводят их одинаково. Лексическая единица *ērnots* либо имеет ссылку на *ēršīgs* [3, 4], либо дается перевод только варианта *ēršīgs* [5]. Судя по словарным данным лексические единицы *ēršīgs* и *ērnots* не имеют синонимических отношений, которые можно было бы констатировать на основе парадигматической корреляции.

Следовательно, мы будем рассматривать лексическую единицу *ērnots* как формальный вариант лексической единицы *ēršīgs*.

Хотя ученые более или менее единогласно признают синонимами слова, принадлежащие к одной части речи [6; с. 178], в латышском языке в один синонимический ряд могут входить прилагательные и адъективированные причастия [7, с. 203]. В грамматике современного латышского языка отмечено, что причастие прошедшего времени страдательного залога имеет тенденцию адъективироваться [8, с. 654]. Таким образом, рассмотрение лексической единицы *ērnots* в синонимическом ряду с инвариантным значением "странник" правомерно.

Вслед за большинством исследователей мы исходим из того положения, что лексическое значение делимо на определенные составляющие. Мы принимаем концепцию Р. Э. Ведемана, состоящую в том, что лексическое значение семемы/моносемы складывается из трех частей: 1) понятийного или

В структуре лексического значения прилагательного *ērmīgs* отмечен элемент смешного. Этот элемент мы относим к ассоциативной части, т.е. к дифференциальным признакам (ДП). В следующем примере элемент смешного выступает достаточно наглядно:

Tas (lietuvietis) mācēja latviski, lai gan visi vārdi no viņa mutes nāca tik ērmīgi, ka es tikko smieklus varēju valdīt. (Jaunsudrabiņš J.)

Мы считаем, что в понятийную и ассоциативную часть лексического значения прилагательного *ērmīgs* входит также смысловой элемент "некрасивый", "гротескный". Например, старые районы с узкими улочками, закоулками, ветхими домами будет вполне уместно определить прилагательным *ērmīgs*:

Bet, izpīniet pa šī ērmīgā rajona īso ieliņu labirintu: un Titas māju beidzot atradis, viņš izlēma, ka nav ko lietu garumā vilkt, ja jau atnācis, jāiet iekšā. (Skujiņš Z.)

Элемент "некрасивый", "гротескный" мы также относим к ДП, составляющим специфику семантики прилагательного *ērmīgs*. Трансформируя значение прилагательного *ērmīga*, мы получаем трансформ: странный + смешной, некрасивый, гротескный.

ODD

Словарные данные довольно существенно расходятся, что очевидно связано с неразработанной системой представления семантической структуры лексических единиц при помощи метаязыка.

Прилагательное *odd* в Webster's Dictionary of Synonyms [14] получает следующее логическое определение, относимое с понятием "странный": *Odd stresses the departure from the usual, the normal, the regular; it sometimes suggests an element of the fantastic.*

предметно-логического содержания, б) представлений или ассоциаций, в) лексической модальности. Первые две части тесно связаны между собой, и на их основе могут образовываться дифференциальные признаки, которые можно констатировать на основе парадигматической корреляции [2, с. 30-32]. Если в составе лексического значения большинством ученых единодушно выделяется его понятийное или предметно-логическое содержание и многими признается присутствие дифференциальных признаков, то в определении того, что именно составляет лексическую модальность значения, единого мнения нет. Например, Ж.П. Соколовская считает, что в понятие лексической модальности целесообразно включать только экспрессивные элементы, устойчиво и однозначно характеризующие само явление, и не включать в него элементы, характеризующие стиль и назначение речи или говорящих (архаизмы, диалектизмы, профессионализмы и т.п.) [11, с. 29].

В работе мы основываемся на концепции Н.Н. Амосовой, включающей в лексическую модальность эмоциональную и стилистическую характеристику [13]. Нам представляется, что своей принадлежностью к определенному функционально-речевому стилю лексическая единица передает и дополнительную информацию, ее семантика становится богаче.

Нами установлено, что понятие "странный" можно выразить следующим образом: необычный, непонятный, отклоняющийся от нормы, вызывающий интерес, любопытство, недоумение, удивление [12, с. 96].

ĒRMĪGS/ĒRMOTS

Словарь литературного латышского языка [9] определяет значение прилагательного *ērmīgs/ērmots* следующим образом: *savāds, neparasts, jocīgs, ērmots* и отмечает его принадлежность к стилю разговорной речи.

В словаре латышского языка [10] не полностью на наш взгляд раскрыт смысл прилагательного *ērmīgs*: *seltsam, wunderlich*.

Элементы эксцентричного, фантастического и гротескного мы относим к Д1. Трансформируя значение прилагательного odd, мы получаем следующий трансформ: странный + эксцентричный, фантастический, гротескный.

QUEER

Webster's Dictionary of Synonyms [14] определяет понятие "странный", выражаемое прилагательным queer следующим образом: Queer even more strongly implies eccentricity and often suggests that the thing is dubious or questionable.

Данные словарей показывают, что в понятие "странный", выражаемое прилагательным queer присутствуют в высокой степени, кроме инварианта, элементы эксцентричного (сема интенсивности качества), а также элементы сомнительного и подозрительного. Эти три элемента смыслового содержания мы относим к Д1. Трансформируя значение "странный" прилагательного queer мы получаем следующий трансформ: странный + эксцентричный, сомнительный, подозрительный. Так как в контекстной реализации прилагательное queer относится к стилю разговорной речи, оно стилистически окрашено. Эмоционально это слово тяготеет к отрицательной оценке, т.к. такие признаки, как "сомнительный", "подозрительный" скорее всего вызывают отрицательную реакцию у окружающих. Следовательно, лексическое значение этого слова обладает лексической модальностью.

Многие исследователи пытаются определить лексическое значение слов путем наблюдения их в контексте, т. е. в синтагматике. Объединение слов в тексте подчинено существующим в языке синтаксическим правилам, что позволяет говорить о синтаксической сочетаемости. В то же время синтаксическая сочетаемость обусловлена индивидуальной семантикой слова, которая предполагает лексическую сочетаемость [15, с. 160].

Наша цель - рассмотрение реализации значения "странный" в контексте с проявлением возможных дифференциальных признаков у исследуемых прилагательных латышского и английского языков.

В работе применен метод контекстуального анализа, основные положения которого изложены в работе Н.И.Амосовой "Английская контекстология" [16]. Контекстуальный анализ дает возможность определить лексическую сочетаемость слова, являющаяся одним из объективных критериев характеристики лексического значения слова [17, с.11].

Мы рассмотрели лексическую сочетаемость исследуемых прилагательных с существительными трех основных лексико-семантических разрядов: а) существительные - названия лица, б) существительные - названия предметов, в) существительные - названия отвлеченных понятий. В работе принята классификация лексико-семантических разрядов существительных, которая разработана И.В.Арисльд [18].

Сопоставив лексическую сочетаемость прилагательного латышского языка *ērtīgs/ērtots* и прилагательных английского языка *odd* и *queer*, можно сделать вывод, что исследуемые прилагательные сочетаются с одними и теми же существительными, т.е. могут характеризовать одни и те же явления и предметы реальной действительности, при этом очень широкого диапазона предметно-понятийной отнесенности.

При определении лиц у прилагательного *ērtīgs/ērtots* могут проявляться ДІ "чудаковатый", а также "сумасшедший", "свихнувшийся":

Gāja brāļu draudzē un kļuva tāds ērtots, kaut ko redzēja, sāka tādas kā valodās runāt. (Blaumanis R.)

У прилагательного *odd* в этих случаях проявляется ДІ "эксцентричный":

They knew I had been odd enough - they were prepared by this time to allow oddity to artists - to pick a foreign vagabond out of the streets... (James H.)

У прилагательного queer проявляются ДП "чужаковаты", "эксцентричны", "своеобразный":

...though a perfect gentlewoman, she was a little queer. (Maugham S.)

Для прилагательного queer характерны устойчивые сочетания с существительными fellow, old stick, rum, customer etc. При этом проявляется ДП "чужаковаты", т.е. "чужак", "человек с причудами, со странностями":

He remembered that Neilson was a queer fellow. No one knew very much about him, although he had been in the islands for many years, but those who knew him agreed that he was queer. (Maugham S.)

Случаев сочетания исследуемых прилагательных с существительными - названиями предметов сравнительно немного.

При сочетании с этими существительными у прилагательного ērmīgs/ērmōts чаще всего проявляется ДП "смешной":

...atceros mazu, ērmīgu serurīti kā lakotu klucīti. (Jaunsudrabīpš J.)

У прилагательного odd в сочетании с существительными - названиями предметов иногда проявляется ДП "экзотичны":

Ah Kay lit himself a cigarette and taking an odd, stringed instrument, something like a banjo, amused himself by playing softly. (Maugham S.)

Может проявиться также ДП "гротескный":

There followed a moment during which he was able to examine distastefully and in silence her shapeless black figure, her gray hair with its odd ribbon in front, her steel spectacles, her long sallow face that always contrasted so dramatically with her bulk of body. (Priestley J.)

У прилагательного queer в сочетании с существительными этого разряда на первый план часто выступают ДП "сомнительны", "подозрительный":

After all, we've had some great conferences in these queer little dens, havēn't we? (Priestley J.B.)

Наибольшее количество случаев сочетания исследуемых прилагательных выпадает на существительные - названия отвлеченных понятий.

У прилагательного ērmīgs/ērmots при этом проявляется ДП "удивительный":

Tā bija ērmīga sagādīšanās, vienā pašā dienā un tik pat kā vienā brīdī man nācās sastapt divus vecos paziņas. (Upīta A.)

Возможно проявление также ДП "гротескный":

Pēkšpi diezokni kaut kas nošalc. Mikiņš ... platām acīm raugās uz tē pusi. Tādas ērmīgas ēnas tur zem egļēm. (Vanačs J.)

Возможны и другие ДП, например, в следующем примере проявляется ДП "смешной":

Publika, kas te it labi bija ievadīta tautsaimnieciskos jautājumos, un visu laiku par šo ērmoto izskaidrojumu rādīja pretim pīngājošas sejas, tagad sabruka skaļos un frenetiskos aplaušos. (Deglavs A.)

При определении существительных этого разряда у прилагательного odd могут проявиться все характерные для него ДП: "эксцентричный", "экзотичный", "фантастически":

It may have been a splendid gathering - it was certainly a very odd meal. (Priestley J.B.)

У английского прилагательного queer и латышского прилагательного ērmīgs/ērmots сема "отклонение от нормы" проявляется более отчетливо, чем у прилагательного odd. В случае прилагательного queer эта сема получила самостоятельную формулировку в словарях: slightly mad, slightly wrong in the head:

A girl can't live alone, Mary, without she goes queer in the head, or comes to evil. (Du Maurier D.)

При сочетании с такими существительными, как "музыка", "узор", "цвет" и т.п. у прилагательного queer может проявиться ДП "искусный"; "вычурный":

When she was really alone she put her doubled hands

to her chin and stared at the floor, the queer design of the silken Turkish rug revolving itself into some curious picture. (Dreiser Th.)

Сопоставление исследуемых прилагательных в парадигматике и синтагматике позволяет сделать вывод, что в инвариантном значении "странный" в контекстных реализациях у них проявляются и общие для всех исследуемых прилагательных дифференциальные признаки, и различные, в зависимости от определяемого предмета или явления реальной действительности.

Выводы:

1. Своеобразие понятия "странный", выражаемого прилагательным *ērmīgs/ērmōts* проявляется через дифференциальные признаки "чуждаковатый", "смешной", "некрасивый", "сумасшедший", "гротескный", а также наличия в его значении лексической модальности - принадлежности к пласту разговорной речи.
2. В значении "странный" у прилагательного *ōdōmōgt* проявляются дифференциальные признаки: "эксцентричный", "экзотичный", "фантастический", "гротескный".
3. В значении "странный" у прилагательного *qūēēg* проявляются дифференциальные признаки: "сумасшедший", "сомнительный", "подозрительный", "искусный", "вычурный". Прилагательное *qūēēg* в значении "странный" обладает лексической модальностью - отмечается его принадлежность к функциональному стилю разговорной речи, его значение может сопровождаться отрицательной эмоциональной окраской.

Литература

1. Смирницкий А.И. К вопросу о слове // Труды ин-та ЯН СССР, М., 1954. - Т. IV. - С. 3-49.
2. Veidešane R. Latviešu valodas leksiskā sinonīmiņa.-R.: Zinātne, 1970.- 192 lpp.
3. Turkina E. Latviešu-angļu vārdnīca.-R.: LVI, 1962.-776 lpp.
4. Latviešu-krievu vārdnīca.-R.: LVI, 1963.- 890 lpp.
5. Latviešu-vācu vārdnīca.- R.: LVI, 1963.- 825 lpp.
6. Арнольд И.В. Лексикология английского языка. -М.: Высшая школа, 1973, - 303 с.
7. Laua A. Latviešu leksikologija.-R.: Zvaigzne, 1969.-256 lpp.
8. Mūsdienų latviešu literārās valodas gramatika.-R.: LPSR ZAI, 1959.-I.sēj. - 830 lpp.
9. Latviešu literārās valodas vārdnīca. - R.: Zinātne, 1972.- 2.sēj. - 550 lpp.
10. Mühlenbachs K. Latviešu valodas vārdnīca. R.: Kultūras fonda izd. 1923.-1932.-I.sēj. - 839 lpp.
11. Соколовская Ж.И. Проблема лексической синонимии в современной лингвистике.- Кишинев: Кишиневский гос. ун-т им. В.И. Ленина, 1970. - 65 с.
12. Лица А.Э. Лексическая сочетаемость и семантические особенности датских прилагательных *savāds* и *dīvains* и английского прилагательного *strange* // Семантические связи лексики.-Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1978.-С. 84-101.
13. Амосова Н.Н. К вопросу о лексическом значении слова // Вестник ЛГУ, 1957.- № 2.- С. 52-166.
14. Webster's Dictionary of Synonyms. G. & C. Merriam Co. Springfield, Mass. 1951. - 907 p.
15. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. - 260 с.
16. Амосова Н.Н. Английская контекстология.- Л., 1968.-10 с.
17. Аракин В.Д. О лексической сочетаемости // К проблеме о лексической сочетаемости.-М., 1972.- С. 5-13.
18. Арнольд И.В. Семантическая структура слова в современном английском языке // Учен. зап. ЛПН им. А.И. Герцена, 1966.-Т. 295.- 192 с.

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМАНТИКИ
ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ В СИСТЕМЕ И
ФУНКЦИОНИРОВАНИИ

1. Вопрос о национальной специфике семантики разных языков обсуждается в современном языкознании довольно активно, особенно в связи с лексической семантикой. В настоящее время уже накоплен - и продолжает накапливаться - материал, отражающий национальную специфику в рамках разных подмножеств словарного состава языков - чаще всего лексико-семантических групп - и элементов этих подмножеств (пословные соответствия/несоответствия в сопоставляемых языках), из последних работ см., например, [1]. Проблемы, связанные с национальной спецификой семантики языков, затрагиваются в работах по сравнительной типологии отдельных языков и по переводу. Сравнительно меньше внимания уделяется в литературе выявлению национальной специфики семантики словообразования в разных языках (см., например, §140 "Семантический аспект аффиксации" [2]; ср. также [1, с. 28-29]). В данной статье мы обращаемся именно к этому аспекту сопоставления языков. При этом нас интересует не различие удельного веса разных способов словообразования в разных языках, а сравнение структурно-аналогичных производных для выяснения наличия или отсутствия специфики в семантике таких производных от языка к языку.

Материал, на котором проводится исследование, связан с ЖСГ, часто и охотно привлекаемой для семантических штудий по разным языкам. Это группа зоонимов - названий животных в самом широком понимании ("организмы, составляющие одно из царств органического мира" [3, с. 442]).

Неоднократно отмечалось, что эта группа обладает свойствами, которые делают ее очень удобной в качестве "полигона" для лингвистических исследований [4].

Можно считать установленным, что многие (потенциально все) лексемы этой группы (зоонимы), наряду с основным значением (название животного - зоосемизм), имеют и переносное, предикативно-характеризующее (термин В.В. Виноградова); лексему в этом значении мы называем зооморфизмом¹. Показателем зооморфизма можно считать возможность перефразирования (трансформации) с введением элемента "как" (like) [5]. Национальная специфика зооморфии выявляется на уровне пословных соответствий: характеристики, связываемые с названием одного и того же реального животного, частично совпадают, но нередко отличаются в разных языках.

Нас интересует семантика производных от зоонимов прилагательных (учитываются также производные от прилагательных наречные формы). В частности, мы ищем ответа на два вопроса: 1) отражают ли прилагательные наличие (минимум) двух разных лексико-семантических вариантов в семантической структуре существительных, с которыми они словообразовательно соотносены? 2) прослеживается ли в соотношении разных ЛСВ этих прилагательных национальная специфика? Для ответа на эти вопросы сопоставляются производные от зоонимов прилагательные в английском и русском языках.

Хорошо известно, что при сопоставлении подобного рода необходимо учитывать как системные отношения (система языка), так и особенности функционирования (речевая реализация). Соответственно, вначале сопоставительно рассматриваются данные словарей, а потом речевые

¹ Эти термины используются с разными толкованиями [7]. Мы не настаиваем на предпочтительности нашего терминопотребления, хотя считаем его оправданным, но в дальнейшем пользуемся терминами именно в изложенном выше понимании.

произведения на сопоставляемых языках; сопоставление проводится сравнением переводов.

II. На основе широкого понимания зоонимии методом сплошной выборки была составлена картотека производных от зоонимов прилагательных из *The Concise Oxford Dictionary*, 5-th ed., 1964 (COD) для английского языка и из Словаря русского языка в 4-х томах, 2-е изд., 1981-1984 гг. (МАС) для русского языка. Выбор в качестве основных лексикографических источников названных словарей обусловлен тем, что оба словаря отражают "с необходимой полнотой словарный состав современного литературного языка" (МАС-I, с. 5), т.е. того языка, который в английской терминологии именуется "current" (COD-5, p.VII). Выборку из основных лексикографических источников дополняют единицы, включенные в *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*, 1982 (HD) и в Словарь русского языка С.И.Ожегова, 17-е изд., 1985 (СО).

Картотека производных из названных лексикографических источников составила 185 лексических единиц для английского языка и 322 лексические единицы для русского языка.

Следует оговорить наше отношение к тем лексемам, которые в COD имеют помету a.&n. и n.&a. Мы придерживаемся принятой в советской англистике установки на различение частей речи [8, с. 37-49; 9, с. 27-35]. Поэтому для нас неприемлемо положение, при котором одно и то же знаменательное слово принадлежит различным частям речи. В такого рода ситуациях мы имеем дело с омонимией (пусть и особого рода, коль скоро семантическая близость слов - налицо). На наш взгляд, помета n.&a. не дает оснований считать слово прилагательным: напр., bull, n.&a.-4. Like that of a ~. Лексема с пометой a.&n. считается прилагательным и включается в выборку; тем более, что их морфологическая структура содержит четко выделяемый словообразовательный формант: ср., напр., reptilian,

а. & п. и reptile, п. & а. В трудных случаях мы прибегаем к помощи Гудьшого англо-русского словаря под руководством И. Р. Гальперина /БАРС/, принимая его указания на различение омонимичных форм. Лексемы с пометой грам. знач. прил., напр., sable мы считаем именами существительными. Лексема animal считается прилагательным на том основании, что она имеет словоизменительный формант -ly [IO, с. 78; II, с. 47; I2, с. 224-225; I3, с. 174-175]. Прилагательные, приведенные в качестве заглавных слов одной словарной статьи, рассматриваются как одна лексема, если они не образованы с помощью разных словообразовательных элементов; так, соску, соскву и воху считаются вариантами, а cattish и catty - разными словами (показательно, что именно так они и отражены в последующих изданиях СОД). Не включаются в выборку производные от одного из ЛСВ зоонима, не являющегося названием животного: напр., ermined, а от ermine = fur, а также лексемы, имеющие пометы с указанием на специальную область применения слова: напр., mammaliferous, а. (geol). Исключение здесь, естественно, составляет помета zool.

Для русского языка в качестве одной лексемы рассматриваются прилагательные, данные в одной словарной статье: напр., кошачий/кошечий. Отдельными лексемами считаются те прилагательные, для которых отводится отдельная словарная статья: напр., от зоонима "медведь" в выборку включаются производные: медвежий, медвежачий, медвежатый. Не входят в выборку из МАС/СО следующие лексические единицы:

- лексемы, сопровождающиеся пометой устар., напр., крысий;
 - лексемы, функционирующие только в составе устойчивых словосочетаний: напр., курицын (сын);
 - производные от одного из ЛСВ зоонима, не являющегося названием животного: напр., барашковый - от барашек;
2. Выделанная баранья шкурка:

- лексема, для которых единственным значением является "сделанный из кожи ...": напр., крокодиловый;
- лексема, обозначающие масти лошадей: напр., мышастый;
- лексема с пометами, указывающими на специальную область применения слова, за исключением пометы зоол.: напр., хортый - охот.;
- производные второй ступени, когда на первой ступени происходит изменение частречной принадлежности: напр., зверь - /о/ звереть - озверелый.

Производные от зоонимов прилагательные английского языка (185) делятся на две группы: суффиксальные (137) и супплетивные (48)¹. В каждой из этих групп можно выделить подгруппы: производные, функционирующие только как прилагательные (помета а.) и дериваты, омонимичные существительным (помета в. &п.). В группе суффиксальных отдельно представлены образования с полуаффиксами - *form* и - *like*.

Производные от зоонимов прилагательные русского языка (322) по формальному признаку делятся на три группы: имеющие в словаре указание на общее значение относительности - помета "прил. к ..." (292), не имеющие такой пометы (22), сложенные на -видный, -образный, -подобный (8). Последние квалифицируются как суффиксоиды [14, с.94]; при употреблении в терминологическом значении они называются еще полуаффиксами [15, с. 9].

Анализ словарных дефиниций адъективных производных показал, что в семантической структуре дериватов зоосемные и зооморфные значения исходных зоонимов могут относиться с семантической структурой производящего трыяко:

- аналогия только зоосемных значений;

¹ Супплетивными мы называем в целях удобства производные, которые точнее было бы именовать "суффиксальные прилагательные, образованные супплетивным способом от корней-названий животных латинской этимологии".

- аналогия как зоосемных, так и зооморфных значений;
- аналогия только зооморфных значений.

Результаты исследования семантической структуры дериватов представлены в таблицах I и 2.

При определении семантической структуры производных прилагательных английского языка, представленных в словарной статье исходного зоонима, привлекались данные БАРС. В случаях нефиксации деривата в БАРСе выводы о его семантической структуре делались по аналогии с другими производными. Дальнейшее исследование с привлечением других авторитетных словарей, главным образом толковых, может внести некоторые поправки в настоящую таблицу.

III. Обращаясь к текстам, следует, во-первых, отметить относительно низкую частотность производных от зоонимов прилагательных: при этом частотность английских прилагательных воспринимается более низкой, чем у русских. Выборочный анализ материала определенно указывает на резко ограниченную частотность зоосемных значений таких прилагательных в английском языке. Так, в произвольно выбранном прозаическом русском тексте А. Вознесенского [15] обнаружено 24 словоупотребления (15 лексем) прилагательных и два наречия (по-кошачьи, по-собачьи); из них 7 словоупотреблений (7 лексем) зооморфных (напр., лисья кошечка; естественно, зооморфны также оба наречия); 17 словоупотреблений (10 лексем) зоосемн; две лексемы использованы как в зоосемном, так и в зооморфном значениях (птичья лапа, птичье гнездо, с птичьего полета; лисья горжетка); есть также зоосемное "кошачий" (кошачьи тела).

В произвольно выбранном прозаическом английском тексте П. Дж. Вудхауза [17] обнаружено 12 словоупотреблений (7 лексем, в том числе две с - like) прилагательных; ни в одном из этих словоупотреблений прилагательное не реализует зоосемного значения; прилагательное *beastly* использовано (шесть раз) в значении, которое можно назвать условно зооморфным: он не допускает трансформа-

Таблица 1 /английский язык/:

производн. аналогия	суффиксальные				супплетивные			Итого:	%
	а.	п.п.	-form -like	всего суфф.	а.	п.п.	всего суппл.		
зоосемное	20	9	-	29	9	8	17	46	25
зоосемн. зооморф.	35	4	4	43	21	3	24	67	36
зооморфное	49	1	15	65	5	2	7	72	39
Итого:	104	14	19	137	35	13	48	185	100
%	56	7,5	10,5	74	19	7	26	100	

Таблица 2 /русский язык/:

производн. аналогия	помета "прил.к..."	нет пометы "прил.к..."	-видный -образный -подобный	Итого:	%
зоосемное	239	12	-	251	78
зоосем. зооморф.	53	-	-	53	16
зооморфное	-	10	8	18	6
Итого:	292	22	8	322	100
%	91	7	2	100	

ции с like и не определяется в словаре с помощью like, но оно явно не зоосемно, а характеристично, т.е. продолжает характеристику, являющуюся содержанием зооморфного значения (Like a beast or its ways). Даже в главе Episode of the Dog McIntosh , где тема могла "индуцировать" зоосемизм [18], нет ни одного производного от зоонима прилагательного.

Поэтому для сопоставительного анализа с помощью перевода мы обратились к текстам, где вероятность зоонимов и их производных была выше средней, поскольку она обуславливалась тематикой всего произведения в целом. Это книги Джеральда Даррелла и Виктора Астафьева [19, 20, 21, 22].

Gerald Durrell, The Beut Beakles. В тексте оригинала содержится три "чистых" суффиксальных деривата, каждый из которых встретился по одному разу (amoebic, froggy, piggy), одно супплетивное прилагательное (vivian) и две лексемы, омонимичные существительному (amphibian, ashwalian). Значения прилагательных amphibian, ashwalian, vivian зоосемны, о чем свидетельствует контекст их употребления: amphibian joke и tiny frog; ashwalian diet и baby mice; vivian Florence Nightingale и a young lady helping with the donkey. Не вызывает сомнений зооморфное значение прилагательного amoebic: ... trees that twisted with amoebic skill. Что касается прилагательных froggy и piggy, то контекст их употребления, казалось бы, не дает оснований сомневаться в их зоосемном значении: froggy foods и the frogs lived on ; piggy noises и the female piglet. Однако заметим, что для суффикса -y словарями не фиксируется значение "предназначенный для того, что названо производящей основой", а именно в этом значении употреблено в тексте производное: all the usual froggy foods like locusts and mealworms. Производное piggy использовано в тексте также не в словарном значении (greedy): shaking alushy, equelching piggy noises. На наш взгляд, вполне

вероятно предположить, что *piggy noises* здесь означает *noises characteristic of/representing of/like those made by pigs*, а это вносит уже дополнительный семантический компонент в значение деривата, делая его характеризующим. Все 8 прилагательных с полуаффиксом - *like*, естественно, функционируют в тексте в зооморфном значении: напр., *beaver-like face (of a Cape Rat)*. Таким образом, из содержащихся в оригинале 14 прилагательных интересующей нас группы 10 имеют зооморфное значение, а одно прилагательное с зоосемным значением оказывается нерегулярно связанным со значением словообразовательного форманта.

В тексте перевода обнаружено 19 прилагательных (35 словоупотреблений). Соответствие между прилагательными оригинала и перевода наблюдается для "чистых" дериватов в одном случае: *froggy foods* - лягушачья пища; для образований с -*like* - в двух: *heads ... rather horse-like* - голова (есть в ней что-то лошадиное), *pig-like ears* - совсем свиные уши.

Прилагательные русского языка функционируют также при переводе:

- существительного в общем падеже в атрибутивной функции (5 словоупотреблений): напр., *the monkey cage* - обезьянья клетка;
- существительного в родительном падеже в атрибутивной функции (5 словоупотр.): напр., в *squirrel's tail* - белочий хвост;
- *of-phrase* (2 словоупотр.): напр., *greeting of a cat* - кошачье мурлыканье;
- словостяжения^I (5 словоупотр.): напр., *bird-tracks* - птичьи следы;
- сочетания зоонима со словом *like* (1 словоупотр.):

^I Словостяжение-атрибутивное сочетание-"номинативная единица, занимающая промежуточное положение между словосочетанием и сложным словом" [23, с. 85].

like bulldozer - бульдозерной хваткой;

- существительного, определяемого другим существительным, с изменением синтаксических отношений между ними (4 словоупотр.): напр., baby monkeys - обезьяны детеныши;
- сочетания слов, в которых зооним подразумевается или в котором на него есть указания (3 словоупотр.): напр., the use of these weapons is twofold - у лягушковых когтей двойное назначение;
- сочетания, не содержащего зоонима; переводное сочетание отмечено идиоматичностью (1 словоупотр.): Ouz progress was peevishly slow - нам поневоле приходилось двигаться черепашиным шагом;
- сложного слова, характеризующегося идиоматичностью (6 словоупотр.): напр., cod-liver oil - рыбий жир.

Из 19 прилагательных перевода в зооморфном значении употребляется 4: что-то лошадиное, свиные уши, бульдозерная хватка, черепаший шаг. Остальные 15 прилагательных функционируют в зоосемном значении.

В то же время английские зооморфные прилагательные переводятся не только прилагательными русского языка, но и другими способами. Суффиксальному деривату amoebic соответствует зооним в родительном падеже: with amoebic skill - с легкостью амебы.

Образования с -like переводятся:

- зооморфным наречием с изменением синтаксической конструкции: bird-like whistles and trills - мартышки ... по-птичьему издавали переливчатые трели;
- зоонимом в родительном падеже с глаголом "казаться": astorine-like legs - корни кажутся массой ... щупалец спрута;
- зоонимом в родительном падеже с предлогом "вроде": owl-like coans - что-то вроде жалобного уханья совы;
- зоонимом с предлогом в сочетании с союзными "как" и "точно": beaver-like face - мордочка ... как у бобра;

lion-like face - морда ... точно у льва; rhino-like horn - рог ... точно у носорога.

Виктор Астарьев. Царь-рыба. Текст оригинала содержит 59 производных от зоонимов прилагательных. На их 153 словоупотребления, в число которых не входят прилагательные, являющиеся составной частью фразеологизмов и ботанических названий (мартышкин труд, заячья капуста), прилагательное "рыбий" отмечается 28 раз, прилагательное "рыбный" - 14 раз. 25 из 59 прилагательных употребляются в зооморфном значении (28 словоупотреблений).

В тексте перевода функционируют 14 прилагательных: 12 суффиксальных и 2 супплетивных. Группа суффиксальных производных состоит из 5 "чистых" дериватов (прилагательное fishy функционирует дважды) и 7 образований с -like. Соответствия между прилагательными наблюдаются в 10 случаях. "Чистые" дериваты функционируют в переводе как эквиваленты употребленных в зооморфном значении прилагательных оригинала: its piggy eyes - свинные глазки (осетра); а tigerish impatience - зверушечье нетерпение (мальчика); а fishy glaze - рыбья слизь (которой подернулись глаза больной матери). Особый случай представляет собой соответствие производного fishy прилагательному "рыбий", реализующему в контексте оригинала сразу два значения - зоосемное и зооморфное: "Человеческая кровь плохо свертывается в холодной воде. Какая же кровь у рыбы? Тоже красная. Рыбья. Холодная. Да и мало ее в рыбе". Использование производного fishy вызвано необходимостью сохранить в переводе зооморфное значение прилагательного: Human blood does not congeal properly in the cold water. What was fish blood like? Red. Fishy. And not much of it. Одно производное соответствует по значению сочетанию русского прилагательного с определяющим его зооморфным наречием: the elephantine boiler - по-коровьи раскоряченная плита. Производное cocky в сочетании с лексемой devil передает содержание стилистически окрашенного

обращения-характеристики "Игрунчик". Все 7 образований с -like употребляются при переводе лексем, функционирующих в зооморфном значении: 6 словоупотреблений передают значение прилагательного: напр., worm-like barbels - червячные усы (рыбы); 2 словоупотребления передают значения элементов сложно-составных слов: worm-like tentacles - щупальцы-червячки (рыбы), worm-like barbels - усы-червячки (рыбы); 1 словоупотребление передает значение русского наречия в связи с изменением синтаксической конструкции при переводе: with cat-like caution - покрался ... кошачьи осторожно. Одно супплетивное прилагательное использовано при переводе зооморфного значения русского наречия в составе синтаксической конструкции, переводимой синтаксическим аналогом: the back arched with feline geracity - кошачьи хитро выгнутая спина (медведя). Другое супплетивное прилагательное входит в состав словосочетания, перифрастически передающего значения русского зоонима: a lot meted by Nature to the canine race - так природой назначено собаке.

Прилагательные, имеющие в тексте зооморфное значение, переводятся на английский язык также следующими способами:

- существительным в общем падеже в атрибутивной функции (5 словоупотр.): напр., the inspector's lynx eyes - рысиные глаза (инспектора);
- существительным в родительном падеже в атрибутивной функции (3 словоупотр.): напр., her little bird's head - ее птичьи головка;
- of-phrase (1 словоупотр.): напр., creatures swollen to the size of calves - телячьих размеров псыны;
- комбинированием like с названными способами (3 словоупотр.): напр., like little mosquito bites - комариные укусы (рыбы); like a duck's bill - утиный клюв (козырька кепки); like ... eyes of a pig - пороссячьи глазки (рыбы);

- сочетанием like с зоонимом (3 словоупотр.): напр., hunched like a bear - горбясь медвежьим загривком (о человеке);
- другими лексическими средствами (3 словоупотр.): напр., your ugly mug - налимья морда; his scrawny neck - его куриная шея; microscopic letters - мошечные буквы.

Большинство прилагательных, имеющих зоосемное значение в оригинале, переведены на английский язык существительным - зоонимом в атрибутивной функции. На 125 таких словоупотреблений в 63 случаях приходится существительное в общем падеже (50%), в 18 случаях - существительное в родительном падеже (14%).

IV. Сопоставительный анализ словарных и текстовых данных дает возможность ответить утвердительно на вопросы, сформулированные в начале статьи. Ответ на первый вопрос "слабо положителен". Семантическая структура рассмотренных прилагательных в целом явно соотносима с семантической структурой соответствующих существительных. Однако степень такой соотнесенности оказывается далеко не полной: оппозицию номинативного и характеристического ЛСВ полностью отражает только часть производных прилагательных; остальные же отражают ее противопоставленностью своих значений в составе лексической группы, т.е. группа содержит прилагательные как с зоосемным, так и с зооморфным значениями.

Ответ же на второй вопрос "сильно положителен": национальная специфика в семантике рассмотренных прилагательных отражается наглядно и ярко. Это выражается, во-первых, в меньшей представленности прилагательных этого типа в русском языке уже в словарном составе (см. таблицы 1 и 2) и еще более разительно - в речевой реализации. Во-вторых, в английских прилагательных явно преобладает соотнесение с зооморфизмами и в словарном составе, и особенно в речевой реализации, тогда как в

русском языке тенденция скорее обратная. Во всяком случае, соотнесение семантической структуры русских прилагательных с семантикой существительных несомненно полнее чем в английском языке. В известном смысле оно и "естественнее", поскольку зоосемное значение является исходным, первичным, тогда как зооморфное - производным, вторичным, и в дериватах логично было бы в случаях неполного отражения семантики существительного ожидать предпочтения ориентации на первичное, что и имеет место в русском языке. Однако у языка нередко выявляется своя логика и английские прилагательные, производные от зоонимов - лишнее тому доказательство. Судя по материалу, в английском языке имеет место некоторая специализация: зоосемные значения статуса признака передаются в основном существительным в препозиции в общем или родительном падеже; зооморфные значения статуса признака - производными прилагательными или существительными в препозиции в общем падеже. Далее, английские прилагательные оказываются неоднородными в рассматриваемом отношении - особое положение занимает супплетивные образования, не имеющие аналога в русском языке: они ближе по семантике русским прилагательным, поскольку в них "равномерно" представлены как зоосемные, так и зооморфные значения - и в системе языка, и в речевой реализации. Несколько по-иному выделяются прилагательные с полуаффиксом - like. Все они зооморфны, что вполне естественно, исходя из семантики полуаффикса. Это очень продуктивный тип: в реальных текстах встречаются образования, не зафиксированные в словарях (напр., *ostoriv-like*). Формально аналогичные им прилагательные с -form в текстах (неспециальных) практически не встречаются. Формально соответствующие им русские образования с аффиксоидами -видный, -образный, -подобный в проанализированных текстах не использованы ни разу.

Таким образом, мы получаем наглядную иллюстрацию того, как общие закономерности семантики при деривации

модифицируются специфическими особенностями данного языка, а еще шире того, что единство мира и обусловленные этим единством общие семантические закономерности отнюдь не означают полной идентичности семантических структур разных языков.

Литература

1. Семантическая специфика национальных языковых систем. - Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985, -164 с.
2. Гак В.Г. Сравнительная типология французского и русского языков. -Л.: Просвещение, 1977, -300 с.
3. Советский энциклопедический словарь. -М.: Советская энциклопедия, 1981. -1600 с.
4. Литвин Ф.А. Экспрессивность как свойство лексико-семантической группы // Экспрессивность лексики и фразеологии: Сборник научных трудов. -Новосибирск: Изд-во НГУ, 1983. - С.84-95.
5. Литвин Ф.А., Черемисина М.И. Использование метода трансформационного анализа при исследовании типов лексического значения слов // УЗ Орловского ПИ. Орел, 1963. - С. 5-16.
6. Гак В.Г. К эволюции способов речевой номинации. - ВЯ, 1985. -14. - С.28-42.
7. Лясота Д.Л. Английская зоосемия. -Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 1984. -116 с.
8. Bloch M.Y. A Course in Theoretical English Grammar. -М.: Vyssaja škola, 1963. -383 p.
9. Ilyish V.A. The Structure of Modern English. -L.: Prosveshcheniye, 1971. -366p.
10. Архипов И.К. Семантика производного слова английского языка. -М.: Просвещение, 1984. -128 с.

11. Кабадина С.И. Семантические свойства образований с суффиксом - 1у в составе структурно-семантической модели с глагольным ядром // Вестник МГУ, 1962. - Ал. 4. - С. 39-47.
12. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка.-М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957.--286 с.
13. Смирницкий А.И. Морфология английского языка.-М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1959. -440 с.
14. Шанский Н.М. Африксоиды в словообразовательной системе современного русского литературного языка // Русское языкознание и лингводидактика. М. -1985.- С. 93-105.
15. Гинзбург Е.Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия.-М.: Наука, 1985. -223 с.
16. Вознесенский А.О. // Новый мир, 1982.-# 11.- С.111-161.
17. Вудхауз П.Дж. - *Madhouse P.G. Very Good, Jeeves!* - Penguin Books, 1977.- P. 9-252.
18. Литвин Ф.А., Новикова Т.В. О семантическом развертывании как основе текстообразования (в печати).
19. Даррел Дж. Гончие Бафута.-М.: Мысль, 1977.-С. 180-341.
20. *Durrell Gerald The Bafut Beagles.*-London: Rupert Hart-Davis, 1958.-P. 7-254.
21. Астафьев В.П. Царь-рыба.-М.: Современник, 1983.-384 с.
22. *Astafiev Victor Queen Fish.* -М.: Progress.- P. 19-444.
23. Квеселевич Д.И. Интеграция английского словосочетания в сложное слово. - *Набл. Филол. науки, 1985.-#2.- С. 85-86.*

СОДЕРЖАНИЕ И ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МУТАЦИИ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Мутация является одной из актуальных характеристик немецкого глагола. Акциональные значения занимают в немецком языке особое место. Они не имеют формальных показателей, позволивших бы отнести их к грамматическим категориям, и таким образом, включить в парадигму глагола. Однако не учитывать это языковое явление было бы ошибочным. Акциональные значения характеризуют, уточняют, особым образом акцептируют специфику глагольных действий и процессов. Исходя из этой их функции, немецкий язык выработал целую систему языковых средств для выражения акциональных значений, пересекающую не один, а ряд языковых уровней [1, 2, 3].

Акциональные значения направлены, прежде всего, на определение фаз, которые проходят действие или процесс в своем развитии: начальная фаза, продолженная фаза, завершающая фаза. Кроме того, акциональные значения могут обнаруживать специфику содержания действия или процесса в аспекте их потребности, интенсивности, причинности и т.д. Поэтому сущность всякого действия или процесса связана с фазами его развития. Это обуславливает взаимодействие акциональных значений в немецком языке, которые, как правило, проявляются в их совокупности свойств. Но для того, чтобы показать особенность содержания конкретного действия или процесса, определить какую фазу в своем развитии он проходит, важно учитывать специфику каждого конкретного акционального значения.

Специфика акционального значения мутации состоит, прежде всего, в том, что фиксируется изменение в ходе

развития процесса или состояния. "Мутация" происходит от латинского глагола "mutare", что означает "изменять(ся)". Термин "мутация" отъясняется от глагольного действия как "проявления какой-либо энергии, деятельности" [4, с. 133] и самым непосредственным образом связывается с понятием процесса (лат. *procedere* - прохождение, продвижение) как "закономерного, последовательного изменения явления, его перехода в другое явление" [5, с. 372].

Таким образом, исходной посылкой настоящей статьи является определение значения мутации как одной из акциональных характеристик глагола, которая обнаруживает особенности развития глагольного процесса или состояния под углом зрения его нестатичности, перехода из одной фазы в другую.

Структура значения мутации неоднородна. Она включает объективное отражение процесса развития и поэтому подчиняется общему закону диалектики: всякое изменение предполагает начало и конец. В зависимости от того, как расставлены акценты, изменение может приобретать некоторые особенности, в частности, оно может быть причинно обусловлено; при переходе из одной фазы в другую может учитываться длительность происходящего изменения или его повторяемость.

Все эти понятийные особенности значения мутации реализуются широкой системой языковых средств разных уровней. Более того, мы считаем, вслед за проф. А.В.Бондарко, что "в процессе и в результате языковой интерпретации понятийных категорий происходит обогащение их содержания за счет языка. Детально разработанная, широко разветвленная система взаимодействующих языковых средств, относящихся к разным уровням и сторонам языка, включающая сильно выраженную избыточность, обеспечивает реализацию определенных идей (понятийных категорий) в сложной системе вариантов, разновидностей, оттенков" [6, с. 83].

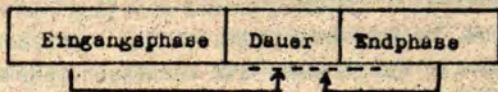
Языковое оформление значения мутации в немецком языке многообразно. Прежде всего, назовем собственно мутативные глаголы с их специализированной семантикой. Этим не исчерпываются возможности выражения мутации на лексическом уровне. Как и почти всякое акциональное значение в немецком языке, мутация может быть выражена словообразовательными средствами. Следующим заинтересованным звеном уровня лексики "выступает" семантика контрастно употребленных лексических уточнителей, а также некоторых групп глаголов, в частности, глаголов состояния, включающих процесс и изменение состояния. Далее, на границе лексики и грамматики можно расположить "устойчивые словосочетания с грамматической направленностью" (термин проф. О.И. Москальской).

На грамматическом уровне процесс изменения как акциональное значение находит свое выражение в ряде структур: в составе именного сказуемого с глаголом *werden* в качестве связки; в двояком образовании форм перфекта у непереходных предельных глаголов, а также в структуре *sein + P. II* (так называемый *Zustandpassiv*).

Инвентарь языковых средств выражения мутации был бы неполным, если бы не был отмечен факт перешитения языковых средств выражения мутации и начинательности в случае, когда соответствующее языковое средство фиксирует внимание на начале процесса или состояния при сравнении фаз его развития.

В подтверждение вышеизложенного приведем некоторый фактический материал. Представляется логичным начать с группы глаголов, традиционно обозначенных в лингвистической литературе как мутативные. Эти глаголы в течение ряда лет ошибочно именовались инхоативными. Оба термина употреблялись параллельно. Так, М. Дейчбейн замечает, что инхоативный способ действия характеризует длительный процесс перехода из одного состояния в другое и называет в качестве примера английские мутативные глаголы

deeren, freshen, harden; to become, to grow [7, с. 82]. Е.Хольман предпринимает попытку упорядочить акциональную терминологию, но не определяет статус мутативных глаголов в системе акциональных характеристик немецкого глагола. Е.Хольман рассматривает акциональный ряд: ингрессивный - инхоативный - мутативный. При этом автор считает наличие второго, т.е. инхоативного, звена в этом ряду излишним, поскольку инхоативность, по Е.Хольман, опирается в германских языках на акциональную сему неопределенности глагола, означает постепенный переход из одного состояния в другое и тождественна, таким образом, мутативности [8, с. 53]. Е.Хольман приводит следующие мутативные глаголы: *magern, altern, bleichen, faulen, dunkeln, schrumpfen, dehnen, sinken, reifen, worscheu* и т.д. Аналогичную мысль о том, что мутация - это одна из форм проявления длительности высказывает и Г.Поллак [9]. Действительно, собственно мутативные глаголы, такие как *faulen, grünen, altern* обозначают постепенное изменение в развитии процесса или состояния без указания на момент начала этого изменения или его завершения. Возвращаясь к структуре значения мутации, следует отметить, что собственно мутативные глаголы предполагают выдвижение на передний план семы длительности. Поэтому, если представить на схеме фазы в развитии процесса или состояния, то статус собственно мутативных глаголов будет определен фазой продолженности (*Dauer*).

Как было отмечено, кроме собственно мутативных глаголов, акциональное значение мутации связано в языке с определенными лексическими единицами и грамматическими категориями. Одной из возможностей выражения мутации на

лексическом уровне являются, в частности, приставки *auf-*, *los-*, *er-*, *ver-*: *aufblühen*, *losbrechen*, *erbleichen*, *vertrocknen* [IO, с. 252-253]. Основное акционное значение каждого из приведенных глаголов - показать нестатичность глагольного процесса, его изменчивость. Мутация как раз и обнаруживает специфику состояния или перехода из одной фазы в другую. Это обуславливает взаимосвязь и переплетение мутации с другими акциональными характеристиками немецкого глагола. Так например, в глаголе *aufblühen* внимание фиксируется именно на начале процесса, в то время как в глаголе *vertrocknen* подчеркивается завершающая фаза процесса изменения.

Акциональное значение мутации переплетается с акциональными значениями начинательности и завершительности при выражении мутации устойчивыми словосочетаниями с грамматической направленностью, как например, *in Wut*, *in Zorn kommen (geraten)* при обязательном сочетании соответствующего функционального глагола с существительным, выражающим признак или состояние.

Переплетение акциональных значений мутации и каузативности можно наблюдать с одной стороны, в собственно каузативных, или фактивных глаголах типа *schwarzen*, с другой стороны, в конструкциях побудительной семантики (*Formeln des Veranlassens*), например: *Er brachte sie in Wut. Deine Worte machen mich böse.* Подобные структуры характеризуются "синхронной многозначностью" (термин проф. Е.И. Шендельс) в акциональном плане, поскольку они в соответствующем благоприятном контексте становятся носителем одновременно трех акциональных сем: мутации, каузативности и начинательности.

Рассмотрим еще некоторые языковые варианты выражения изменения процесса или состояния.

(I) *Salzac, der ewige Enthusiast und Phantast, ist sofort für diesen Plan begeistert und schlägt Canel vor,*

er wolle sich an dieser buchhändlerischen Spekulation beteiligen (St.Zweig)

(2) Ohne es zu wollen, wird zarte Unterweisung zu Zärtlichkeit, wird Verehrung zu Liebe ... (St.Zweig)

(3) Laure Balzac wird die Gespielin der jungen Mädchen (St.Zweig)

(4) Verzweifelt wird Balzac, der reife Balzac, zu spät zur Verantwortung erwacht ... (St.Zweig)

(5) ... und man spürt, wie der Erwachsene, dieser ewigen Bevormundung durch die Familie müde wird (St.Zweig).

В контекстах (1), (2), (3), (4), (5) значение мутации выражено в структуре сказуемого. В контексте (1) сказуемое представляет форма "sein + P.II, обозначающая процесс изменения состояния с одновременным указанием на момент начала изменения и его завершения. Индикатором момента начала выступает лексический уточнитель sofort, момент завершения заключен в самой форме "ist begeistert", поскольку Partizip II выходит в данных структурах из сферы чисто глагольной процессуальности и приближается к адъективному предикативу, обозначающему состояние [II, с. 14].

В контекстах (2), (3), (4), (5) сказуемое выражено формой werden - связка + именная часть (рS, S, P.II, Adj.). Сказуемое с глаголом werden в качестве связки занимает особое место в ряду грамматических форм, выражающих процесс изменения в немецком языке. В семантике глагола werden, несмотря на его чисто грамматическую функцию, заложено понятие становления нового признака или состояния при сравнении предыдущей и настоящей фазы в развитии процесса [12, с. 73]. В зависимости от условий контекста в структуре значения мутации на передний план выдвигается сема длительности или начинательности, отсюда, соответствующая соотнесенность мутации с фазой продолжительности или с начальной фазой.

Изменение процесса или состояния может быть выражено также двояким образованием формы перфекта. Непереходные предельные глаголы подчеркивают процесс изменения состояния, образуя форму перфекта с глаголом *sein*: *er ist eingefroren*.

Кроме того, нечеткое употребление глаголов *haben* и *sein* при образовании форм перфекта проявляется у собственно мутативных глаголов, обозначающих постепенное изменение: *er hat gealtert* - подчеркивается длительность изменения; *er ist gealtert* - внимание фиксируется на самом изменении, его завершающей фазе.

Таким образом, суммируя все вышеизложенное, следует подчеркнуть, что специфика акционального значения мутации в немецком языке состоит, прежде всего, в многообразии и взаимодействии языковых средств разных уровней, участвующих в его оформлении. Система взаимодействующих языковых средств обуславливает неоднородность структуры значения мутации и его переплетение с другими акциональными характеристиками немецкого глагола. Это находит свое отражение в различных манифестациях значения мутации, в частности, мутация подчеркивает момент начала изменения процесса или состояния; мутация подчеркивает длительность происходящего изменения и, наконец, мутация подчеркивает причинность изменения процесса или состояния.

Литература

1. Лихтерова Б.Л. Исследование средств выражения значения начинательности в современном немецком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1974, -27 с.

2. Борьева В.М. Синтаксические средства выражения завершительности немецкого глагольного действия в сопоставлении с английским // Глагол. Существительное. -Калинин: КГУ, 1971. -Т. 86. - С.57-71.
3. Лихтерова Б.Л., Бушмане М.А. Языковые средства выражения функционально-семантического значения итеративности в современном немецком языке // Семантика на разных языковых уровнях. -Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1979. - С.16-24.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. -М.: Наука, 1953, -846 с.
5. Розенталь М.М., Енин П.Ф. Философский словарь. -М.: Полит. литер., 1963. -544 с.
6. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. -Л.: Наука, 1978. -174 с.
7. Deutschbein M. Die Einteilung der Aktionsarten: Englische Studien.- Leipzig, 1920.- Bd . 54.-S. 72-87.
8. Hollmann B. Untersuchungen über Aspekt und Aktionsart. -Würzburg: Verl. wissenschaftlicher Literatur. C.Triltsch, 1937. -120 S.
9. Pollak H. Problematisches in der Lehre von Aktionsart und Aspekt//Zeitschrift für deutsche Philologie.- München, 1967.-Bd. 86.- H.3.- S.399-420.
10. Brinkmann H. Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. -Düsseldorf: Verl. Pädagogischer Literatur. Schwann, 1962. -627 S.
11. Helbig G., Kempfer F. Das Zustandspassiv. -Leipzig: Verl. Enzyklopädie, 1973. -48 S.
12. Лихтерова Б.Л. Лексико-грамматические факторы, обуславливающие значение начинательности в контексте (составное именное сказуемое с глаголом werden в качестве связки) // Лексические и грамматические связи. -Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1973. - С.67-79.

РИТМООБРАЗУЮЩИЕ ПОТЕНЦИИ ОККАЗИОНАЛЬНО ПРЕОБРАЗОВАННЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СТИХОТВОРНОМ ТЕКСТЕ
(на материале английского ямба)

В стихотворном тексте фразеологические единицы (ФЕ) подчиняются закономерностям ритмического движения в пределах основной метрической схемы, что делает возможным функционирование их в узуальной форме ¹.

Вместе с тем метрические и ритмические закономерности функционирования окказионально преобразованных ФЕ в стихотворном тексте изучены далеко не полностью. Каковы же особенности диалектического взаимодействия окказиональных изменений ФЕ и метрического задания стихотворного текста? Исследуемый материал показывает, что огромные ритмообразующие потенции ФЕ раскрываются именно при окказиональном их использовании. Анализ стихотворного наследия обнаруживает целую систему ² приемов окказионального преобразования ФЕ в стихе. Данные картотеки окказиональных фразеопотреблений в английском ямбическом стихе позволяют утверждать, что нет такого приема окказионального преобразования ФЕ в речи, который не используется в стихе.

В стихотворных текстах обнаруживается несколько видов соотношенности акцентно-слогового строения ФЕ и рит-

¹ Метрико-ритмические закономерности функционирования ФЕ в стихе при узуальном их использовании рассмотрены нами в статье [1].

² Системность окказиональных изменений в речи была впервые установлена А.В.Куниным [2, с. 187] и далее разработана Н.Л.Шадриним [3] и другими исследователями.

мической организации стиха.

1. При функционировании ФЕ с акцентно урегулированной структурой, соответствующей метрической заданности стиха, окказиональные изменения становятся частью стихоряда и поддерживают ритмическое движение строки, как это, например, происходит в случае следующих вклинений:

(as) chaunte as snow¹
my veins are cold and chaunte / as a o g t h e g n snow.
(W. Davenant. Just It, 1630)

to cast one's eyes
On her / he saute his h e y e d e e d l y van.
(G. Chaucer. The Legend of Good Women)

2. Окказиональные изменения могут быть вызваны несовпадением метрического членения стихотворного ряда и акцентно-слоговой урегулированности ФЕ. Так, например, инверсия является результатом разрешения противоречия между метрическим строением пятистопного ямбического стихоряда и компаративных ФЕ с дактилическим размером с анакрузой:

to couche as a quaille²
and thou shalt take / his couche / as a o g t h e / a quaille.
(G. Chaucer. Troilus and Criseyde)

(as) / red as the ruby³
Their curall finnis, as the ruby rede.
(Kingis Quain, 1437)

1 Уст.

2 Уст.

3 Уст.

Трехсложная дактилическая структура КФЕ сталкивается с ямбическим ритмом стиха, и создается новый эффект выделения ФЕ из потока поэтической речи. Явление инверсии, возникающей в стихе благодаря воздействию заданной метрической схемы на ФЕ, выявляет ритмообразующие потенции окказионально преобразованных ФЕ.

3. При помощи окказиональных преобразований в стихе создается ямбический ритм в таких ФЕ, которым в их исходной форме не свойственна акцентно-слоговая упорядоченность:

care killed a cat
Then, who says: care / w i l l kill a cat?
Rebecca shews they're out in that,
For she, tho' over-run with care,
Continues healthy, fat and faire.

(J.Swift. Bao's Birth-day)

В результате окказионального изменения грамматического времени исходная форма ФЕ [/ / /] превращается в ямбическую каденцию [/ / /].

Другой пример ритмизации фразеологического материала в стихе при помощи окказиональных средств:

it is easier for a camel to go through the eye of a needle than...

Therefore I'll make Don Juan leave the ship soon,
Because the publisher declares in sooth,
Through needles' eyes it easier for a camel is
To pass, than those two cantos into families.

(G.Byron. Don Juan)

Эта длинная, многокомпонентная ФЕ инвертирована в соответствии с требованиями ямбической строки, и в результате явления ангамбемана ФЕ приобретает строфическую значимость, изменяя тем самым привычную паузу в конце стихоряда и усиливая эмоциональную выразительность стиха.

4. В стихотворных текстах встречаются случаи, когда ямбическое чередование слогов, характерное для ФЕ как единицы языка, нарушается в стилистических целях:

to have a finger in the pie

when change is needed, I' l l invent it:

Don't think to put / y o u r finger in

T h i s pie! cried Tottles (and he meant it).

(L. Carroll. What Tottles Meant)

Появление ударения на неикте, т.е. на метрически неударном слоге, создает неямбическую стопу - спондей. Использование двух спондеических стоп способствует смысловому выделению компонентов ФЕ и созданию эфазы, которая в письме отражена графическими стилистическими средствами (выделена курсивом). Отступление от монотонной метрической повторности являет собой своеобразный ритмический прием, который не противоречит общей метрической заданности стиха.

В ритмизации стиха каждый прием окказионального преобразования ФЕ имеет свои особенности. Помимо общеязыковых характеристик данные приемы как типизированные выразительные средства языка в стихотворной речи отличаются своими функциональными, формально-структурными и метрико-ритмическими свойствами. Проиллюстрируем это положение на примере окказионального добавления^I. В стихе добавление, как правило, актуализируется в виде пост-позитивного определения к последнему номинальному компоненту ФЕ. Не случайно в большинстве случаев окказиональное добавление занимает последнюю стопу стихоряда, которая, как известно, является самой сильной и поэтому са-

^I Под добавлением мы понимаем прием окказионального преобразования ФЕ, при котором добавляемый компонент (или компоненты) становится частью структурной и смысловой организации ФЕ в данном речевом акте, создавая единый стилистический эффект.

мой урегулированной стопой ямба [4, с. 65] . Реже до-
бавление заполняет последние две стопы, завершая стихо-
ряд. Смысловая значимость и стилистическая экспрессия до-
бавления сочетается в стихе с особой акцентной выделен-
ностью, способностью урегулировать ритм стихоряда.

Структурная организация добавления в стихе в из-
вестной мере обусловлена требованиями ритма ямбической
строки. Строение добавления $\text{prep} + \text{N}$, $\text{conj} + \text{N}$, $\text{conj} +$
 V - неударный односложный компонент и ударный одно-
сложный компонент - соответствует неиктовой позиции и
иктовой позиции ямба и создает идеальную ямбическую сто-
пу [$\cup \downarrow$]:

at one fell swoop

And John can never quite forget
how, by a breach of etiquette,
He lost, at one fell swoop $\cup \downarrow \downarrow \cup \downarrow \cup \downarrow \cup \downarrow$
His aunt, his honour, and his spongel
(Harry Graham. The Bath)

flesh and blood

Lo, how I vanish, flesh and blood, $\cup \downarrow \downarrow \cup \downarrow \cup \downarrow \cup \downarrow$
(G. Chaucer. The Canterbury Tales)

Добавление может заполнить и несколько стоп, на-
пример, две последние стопы по метрической схеме
[$\cup \downarrow / \cup \downarrow$]:

(acc) cleave an a star ¹

The stammerer cleave an a star $\downarrow \cup \downarrow \cup \downarrow \cup \downarrow \cup \downarrow \cup \downarrow$
(Dunbar. Golden Targe, 1508)

Ямбическая стопа образуется и при постпозитивных
добавлениях к ФБ, последний слог которых неударный по
метрической схеме [\downarrow] или [$\downarrow / \cup \downarrow$]:

¹ Уст.

(as) pale as ashes

And now is pale ¹ as ¹ ashen ¹ d e d e ...

(Partonope of Blois, 1450)

a nadder in the bosom¹

Lyk to the nadder in the bosom ¹ a l y / u n t r e w e ...

(G. Chaucer: The Canterbury Tales)

Ритмическая организация добавления выражает закономерную связь окказиональных изменений ФЕ с метрическим заданием стиха. Структурное единообразие и функциональная повторяемость метрической схемы позволяют говорить о метрической моделированности приема как элемента языка.

В ритмизации фразеологического материала в стихотворном тексте могут функционировать не только отдельные элементарные приемы окказионального преобразования ФЕ, но и фразеологическая конвергенция. Сложное, конвергентное использование ФЕ также подчиняется ритмическим закономерностям стиха и порождает ямбическую каденцию:

(as) white as snow

And his clothing like the lely floure
was whit in sothe, as snow / t h a t f a l l i t h
(Lydgate, Life, 1422) n e w e.

В данном конвергентном использовании функционирует разрыв ФЕ совместно с добавлением, которое завершает стихоряд. Фразеологическая конвергенция может занимать одну строку, несколько строк или целую строфу [5, с.105], что выявляет текстообразующие потенции окказионально преобразованных ФЕ в стихотворном тексте:

to draw dun out of the mire
If thou art dun, we'll draw thee from the mire
Of-save your reverence - love, wherein thou stick'st

¹ Совр. англ. - a snake in the bosom

Up to the ears.

(W. Shakespeare. Romeo and Juliet)

Подчинение ФЕ метру стиха посредством фразеологической конвергенции раскрывает большие ритмообразующие возможности окказионального употребления ФЕ и усиливает стилистический эффект их использования в стихе.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что динамика функционирования приемов окказионального использования ФЕ в стихотворном тексте отражает взаимодействие ФЕ и стиха, их неразрывную связь и взаимную функциональную зависимость: окказиональные фразеопотребления в стихе подчиняются требованиям контекста и метрическим и ритмическим закономерностям стиха. В свою очередь, наличие и многообразие приемов окказионального преобразования в системе языка обуславливает приспособление ФЕ к ритмической организации стихотворной речи и определяют характер их окказионального функционирования.

Литература

1. Начисчионе А.С. Роль фразеологических единиц в структуре стиха // Семантическая интеграция в синтактике. - Рим: ЛГУ им. П. Стучки, 1984. - С. 106-112.
2. Кунин А.В. Английская фразеология (теоретический курс) - М.: Высшая школа, 1970. - 343 с.
3. Шадрин Н.Л. Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов // Лингвистические исследования. - М.: АН СССР, Ин-т языкознания, 1973. - Ч. 2. - С. 78-97.
4. Жирмунский В.М. Введение в метрику // Теория стиха. - Л.: Советский писатель, 1975. - С. 3-234.

5. Данченко Н.Н. Стилистическое функционирование фразеологических единиц в поэтическом тексте (на материале стихотворных произведений Дж. Байрона): Дис. ... канд. филол. наук. - М., 1977. - 177 с.

Т.П. Никитина

СЕМАНТИКА НЕАРТИКУЛИРОВАННОГО СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
В ОБСТОЯТЕЛЬНОСТЕННОЙ СИНТАГМЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ
ЯЗЫКЕ IX-XI ВВ.

Формирование системы артиклей, эволюция значений артиклевых форм в языках аналитического строя продолжают привлекать внимание исследователей. Несмотря на изученность многих проблем, связанных с генезисом и развитием французских артиклей, не ослабевает интерес историков языка к функционированию артикля в ранний период развития языка (IX-XI века). Это обусловлено, в частности, тем что, как отмечают многие специалисты, сама артиклевая система в старофранцузском языке отличалась от современной, так как в нее входили фактически 3 артикля: определенный, неопределенный и нулевой. На существование именно такой структуры на определенном этапе развития языка указывал еще Г. Гийом [1]. Включение в систему артикля нулевого знака явилось, несомненно, положительным моментом в решении вопроса о функциях артиклей в старофранцузском языке, поэтому эта мысль нашла развитие во многих исследованиях последних десятилетий. Проблема соотношения определенного, неопределенного и нулевого артиклей является одной из главных в эволюции французских артиклей.

В последнее время употребление артикля на раннем этапе формирования французского языка рассматривается в связи с синтаксической функцией имени существительного. Интересные наблюдения над именными синтагмами субъекта и объекта были сделаны Д.К.Чебялисом [2]. По его мнению, грамматическая форма именной синтагмы приобретает современный вид и окончательно устанавливается прежде всего в функции субъекта, так как синтагма субъекта, будучи независимой от других, подчиняется потребности детерминировать свою грамматическую форму. Такой острой необходимости в дифференциации грамматической формы не имеет синтагма объекта, находящаяся в подчиненном положении [2, с. 36-37]. По-видимому, этим ее свойством объясняется и большая вариативность в отношении выбора установки. Так, если в синтагме субъекта установка без артикля и детерминативов занимает сравнительно небольшое место ("Житие св. Алексое" - 15,8%, "Хождение Карла Великого в Иерусалим и Константинополь" - 16,5%, "Песнь о Гийоме" - 18,5%, "Песнь о Роланде" - 22,9%), то удельный вес неартикулированных синтагм объекта значительно выше ("Житие св. Алексея" - 35,2%, "Хождение Карла Великого в Иерусалим и Константинополь" - 31,7%, "Песнь о Гийоме" - 48,7%, "Песнь о Роланде" - 34,7%)¹.

Наше внимание привлекла оставшаяся ранее в тени именная синтагма обстоятельства, которая, как показал анализ языкового материала, занимает как бы промежуточное положение между установкой субъекта и объекта. По нашим данным, обстоятельственные синтагмы без артикля и детерминативов появляются в "Песни о Гийоме" в 25,7% случаев, в "Хождении Карла Великого в Иерусалим и Константинополь" - 26,1%, "Песни о Роланде" - 29,6%, "Житии св.

¹ Проценты выведены нами на основании абсолютных цифровых данных, приведенных в работе Д.К.Чебялиса [2, с. 154].

Алексея" - 34,5% случаев. Цифры показывают, что установка существительного в синтагме обстоятельства более стабильна, чем у объекта. Артикль начинает активно внедряться в обстоятельственную синтагму уже на раннем этапе эволюции французского языка прежде всего потому, что место обстоятельственной группы в составе предложения достаточно подвижно, и позиция ни в какой мере не способствует выявлению ее коммуникативной функции [3].

Рассмотрим случай отсутствия эксплицитного артикля перед существительным в обстоятельственной синтагме и попытаемся вскрыть причины использования безартиклевого существительного в составе этой именной группы.

Нам представляется, что неартикулированные именные синтагмы в функции обстоятельства почти всегда однотипны. Первая обширная группа таких синтагм представляет собой устойчивые сочетания. Они многократно повторяются в текстах; так, например, в "Песни о Роланде" *a (en, contre, encontre, par) terre* встречается 22 раза, *a (sur, en) pied* - 17 раз, *sur (desur) ciel* - 11 раз и т.д. Семантика существительного, входящего в состав такой неартикулированной обстоятельственной синтагмы, также довольно определена: это так называемые "самоопределяющиеся" существительные (по терминологии П.Гиро), типа *ciel, terre, mer*, которые можно рассматривать как обозначения предметов или понятий, единственных в своем роде. Вместе с тем, "самоопределяющиеся" существительные проявляют тенденцию спорадически организовывать свою грамматическую установку и с определенным артиклем. Например, *Francis descendant, a terre se sont mis* (Ch.R., 1136) - "Французы опускаются, к земле колена преклонили". *Descent a pied, a la terre se culchet* (Ch.R., 2013) - "Он спешивается, на землю ложится". *Tanz colpo ad pris de bons espiez trenchanz / Tant riches reis morz e vensuz en champ* (Ch.R., 554-555) - "Столько ударов он принял от острых мечей", столько

могущественных королей убил и победил на поле брани".
Seignors barons, ei samr vos retenez (Ch.R., 1176) -
"Господа бароны, не покидайте поле битвы".

Такое чередование наличия /отсутствия определенно-го артикля в данном случае, на наш взгляд, не свидетельствует о корреляции определенный / нулевой артикль. Снятие "вещественности" происходит за счет частичной адвербиализации обстоятельственной группы, что делает ненужным наличие актуализатора (ср. с совр. par terre, à pied, en mer), в то время как нулевой знак в старо-французском языке обладает актуализующей способностью.

Вторая группа обстоятельственных синтагм с безартикельным существительным включает существительные абстрактного значения, такие как *vertut* (à *vertut*), *joie* (à *joie*), *nobilitet* (par grant *nobilitet*), *duel* (de *duel*), *pitet* (de *pitet*), которые, как известно, в этот период развития языка получают артикль лишь в случае сужения объема понятия, т.е. при наличии конкретной ситуативной отнесенности. В составе обстоятельственной синтагмы эти существительные всегда употребляются без эксплицитной формы артикля, и это отсутствие артикля следует, по-видимому, интерпретировать как использование нулевого знака, указывающего на то, что в данном случае понятие берется в полном объеме. Ср. следующие примеры: *Sur en la chambre ad duel en vunt venit* (Ch.R., 2625) - "Наверх в комнату в горе пришли".
Al duel qu'il ad v'en est turnet plurant (Ch.R., 2839) - "В горе, которое он испытывал, он ушел оттуда плача".

В первом случае именная группа в обстоятельственной функции включает неартикулированное существительное *duel*, и нулевой знак свидетельствует об актуализации понятия "горе" в полном объеме. Во втором примере сужение объема понятия осуществляется с помощью относительного придаточного предложения, отсюда и появление опре-

деленного артикля, указывающего на частную предметную отнесенность существительного *doel*.

Если исключить из рассмотрения указанные выше именные синтагмы, содержащие либо "самоопределяющиеся" существительные, характеризующиеся отсутствием артикля благодаря адвербиализации группы, либо абстрактные существительные, маркированные нулевым артиклем, то можно заметить, что именная установка синтагмы обстоятельства достаточно стабильна. Если синтагма представляет собой свободное синтаксическое сочетание, лексическим центром которого является существительное конкретного значения, то это существительное, как правило, актуализовано. Важную организующую роль в синтагме обстоятельства в этот период уже играют как определенный, так и неопределенный артикли. Например: *Seignor, dist l'emperere, un petit s'entendez: / En un lointain reialme, ve Deu plaist, en irez (P.Ch., 6768-6769) - "Синьор, сказал император, послушайте-ка меня: / В далекое королевство, если будет угодно господу, Вы отправитесь"*. Существительное конкретного значения *reialme* в функции обстоятельства в сопровождении определения получает, как в современном языке, неопределенный артикль, соотносящий данное понятие с классом однородных понятий. *Fiert un raïen aus el helme del chief (Ch.G., 1847) - "Наносит удар одному язычнику по шлему на гологе"*. В данном примере существительное *helme* обозначает конкретный предмет, и грамматически частная предметная отнесенность реализуется с помощью определенного артикля.

Итак, во французском языке до XII века грамматическая установка существительного в синтагме обстоятельства определяется во многом семантикой самого существительного: синтагма включает "самоопределяющиеся" и абстрактные существительные без артикля, однако существительные конкретного значения, входящие в синтагму обстоятельства, уже на раннем этапе существования французского языка

непрямственно актуализуются с помощью определенного и неопределенного артиклей.

Литература

1. Guillaume G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française. - Paris: Librairie Hachette et Cie, 1919. - 318 p.
2. Чебялис Д.К. Грамматическая установка существительного и именное склонение во французском языке IX-XVI вв. - Вильнюс: ВГУ, 1978. - 182 с.
3. Никитина Т.П. Неопределенный артикль в именной синтагме обстоятельства во французском языке XI в. // Вопросы теории и истории романских языков (серия "Древняя и Новая Романия"). - Д.: ЛГУ, 1985. - Вып.3. - С.130-135.

Сокращения

- Ch.G. - La Chançon de Guillelme, herausgeg. von H. Suchier. Halle, 1911.
- Ch.R. - La chanson de Roland, publ. d'après le manuscrit d'Oxford. Paris: L'édition d'Art H. Piazza, 1931.
- P.Ch. - Pélerinage de Charlemagne - Karls des Grossen Reise nach Jerusalem und Constantinopel, herausgeg. von E. Koschwitz. Leipzig, 1907.

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕДЛОЖНЫХ
/АТТРИБУТИВНЫХ СТРУКТУР В СТАРОФРАНЦУЗСКОМ И В
СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

С целью сопоставительного изучения структурно-семантических и функциональных особенностей раздельноформенных эквивалентов вещественных прилагательных в старофранцузском и современном французском языках обратимся к данным таблицы, отражающей структурное разнообразие интересующих нас образований в разные периоды эволюции языка.

Таблица I

Историч. срез.	de+N	en+N	à+N	sans+N	sur+N	N+N
XI-XIII вв.	+	-	+	+	-	+
XX вв.	+	+	+	+	+	+

Данные таблицы свидетельствуют о том, что характеристика материала обогатила свои структурные возможности. Вместе с тем основные структурные типы существовали уже в период формирования языка. Но внутри этих типов наблюдаются существенные изменения, выступающие не только в качественном, но и в количественном выражении. Так, в XI-XIII вв. аналитические конструкции I модели de + N осуществляли безраздельное господство (96% - 2122 из 2222 АК). На долю остальных структур приходилось всего

^I В дальнейшем изложении АК.

лишь 4% (100 АК). В XX в. *de* + N значительно сузила свои позиции (73,6% - 3468 из 4715 АК), уступив часть функций семантически более конкретным или функционально более экономным структурам [I]. Структурным вариантом *de* + N в выражении вещественных отношений в старофранцузский период служила модель с *à*: esreguns a or. В современном языке в этой функции выступает *en*: des vea en voie. В основе функционирования АК лежало недифференцированное употребление предлогов, обуславливающее дублирующий характер обеих форм на семантическом и синтаксическом уровнях: esreguns d'or-esreguns a or. Взаимодействие же АК с *de* и *en* основано на различиях семантического, синтаксического и стилистического порядка. *En* + N обладает большей свободой и мобильностью по отношению к управляемому члену словосочетания, чем *de* + N: elle m'avait montré en cire, en plâtre, peints sur les murs, des portraits du petit Jesus [2, с. II]. *En* + N свободно употребляется как в функции определения, так и в функции предикативного члена. Модели *de* + N характерно свободное употребление в функции определения и ограниченное в функции предикативного члена: Son cou se raidit et devient de marbre [3, с. 135]. Использование *en* + N в переносных значениях чрезвычайно редко: un rôle en or, un gars en or, тогда как *de* + N легко приобретает переносные значения. Модель с *en* подчеркивает внешний вид предмета, модель с *de* выделяет внутренние физические и химические свойства материала. Способность *en* + N выделять обозначаемый признак находит свое отражение в специфике ее распространения - в публицистике, рекламе. Структура *en* + N может выразить также состояние: les anglais en poudre, la figure en sang.

Яркой отличительной чертой раннего периода являлась препозиция АК к определяемому. В современном языке таковой стала контактная позиция. Изменилось структур-

ное оформление именного компонента АК: неопределенный артикль при нем возможен лишь при наличии конкретизатора (un canton d'un grand léger), тогда как в XI-XIII вв. характеристика материала допускала детерминацию и при отсутствии уточняющего определения: la queue dou sablon; при наличии последнего существительное могло иметь при себе определенный артикль: евреев de l'acier vienois. Это свидетельствует о структурной незавершенности АК в старей период. Несколько сузился синтаксический объем АК: сохранив свободу функционирования в качестве определения, АК ограничила свои функции составной части сказуемого: le dessus (de la table) n'était pas de marbre, mais de ciment [4, с. 32].

Расширился смысловой диапазон АК за счет включения в него нового лексического материала (см. таблицу 2). С другой стороны, подчиняясь общей тенденции языка к функционально-семантической дифференциации средств выражения, АК уступила часть своих функций предлогу à, в частности, назначение: moulin à café презентивные: café au lait и инструментальные отношения fourneau à gaz, оставив за последними лишь словосочетания с soop: soop de vauc, de pierre и некоторые устойчивые построения типа ves de gaz. Значительно сократился удельный вес вещественных отношений: с 88% в XI-XIII вв. до 50,3% в XX в., что, на наш взгляд, тесно связано с тенденцией к уменьшению роли вещественной характеристики в процессе исторического развития: с 58,6% в XI-XIII вв. до 13% в XX в.

В процессе эволюции модель расширила способности переносного употребления с 2,3% до 4%. Развитие идет в сторону большего абстрагирования признака: обозначение моральных качеств возросло с 28,3% до 46,4%. Модифицировался семантический объем модели à + N. В старофранцузском она указывала на вещественные отношения - 83%: coignes à og, выделительные - 11,7%: trois au lard

Таблица 2

№	Отношения	Кол-во АК в % от общего числа АК	
		XI - XIII вв.	XX в.
1.	Вещественные	88	50,3
2.	Объективные	3,5	3
3.	Переносные употребления	2,3	4
4.	Целое и часть	2	2,8
5.	Количественные	1,4	12,4
6.	Локализация	1,05	1,3
7.	Признак - его носитель	0,4	2,3
8.	Релятивно-каллитативные	0,4	0,6
9.	Назначение	0,3	0,5
10.	Идентификация	0,3	0,03
11.	Происхождение	0,2	1,35
12.	Субъективные	0,1	1,6
13.	Инструментальные	0,05	1,04
14.	Презентивные	1,6	-
15.	Место - его назначение	1,4	-
16.	Производитель - объект производства	0,58	-
17.	Время - его назначение	0,2	-
18.	Семантически сложные отношения	0,3	-
19.	Уар - ка химических веществ	14,7	-
Итого		100	100

и назначение - 5,3%: сваре a plus. В настоящий период модель сконцентрировала три основных признака: назначение (112 АК), выделительный (80 АК) и инструментальный (55 АК), частично разгрузив, таким образом, модель de + N и передав последней безраздельное господство в выражении значения однородности вещественного состава.

Изучение устойчивых сочетаний модели "предлог + существительное" обнаруживает общность процессов лексикализации в старофранцузском и современном французском языках. Сходство наблюдается в признаках лексикализации и в типах самих лексикализованных образований. АК лексикализируются либо отдельно (*les aages d'or, le cuer de fust*), либо в составе атрибутивных словосочетаний (*oile d'olive, muiz de terre, clous de girofle*). Данный факт свидетельствует о том, что словообразовательный тип *de ploub* (*sommeil*), *homme de raille*, *poêle à bois* не является новым. Новое состоит в том, что в настоящее время этот тип приобретает значительное распространение и характеризуется все растущей продуктивностью [5, с. 91].

Аналогичный вывод можно сделать относительно конструкций N + N типа *veselle cuir*. В современной лингвистической литературе распространенным является мнение о том, что данная конструкция возникла в очень поздний, близкий к современности период [7, с. 17]. Однако данные сопоставительного анализа свидетельствуют о древности указанного типа. Ее существование в старофранцузский период отмечает К.Нироп [7, с. 395]. Е.М.Чекалина [8, с. 15] проследила, что корни конверсии в области цветообозначения восходят к XIII-XIV вв. Исследование позволяет несколько уточнить выводы Е.М.Чекалиной: явление конверсии наблюдается уже в XII веке. Ей подвергались как производные слова: *bougran*, *hermin*, так и непроизводные: *gris*, *vair*, *escarlate*, *rougrre*. Данным вещественным прилагательным была характерна полная адъективация: *robes vaires et grises et hermines* [9, с. 146]. Наблюдались также случаи частичной адъективации: *eve rose, huile rose, piliers de pierre marbre* [10, с. 161] наряду с *eve rosade, eau de rose, huile rosat, pierre de marbre, pierre marbrine*. Адъективация

как способ словообразования получает неограниченные возможности применения в современном французском языке, особенно в языке торговли и рекламы, что связано с ослаблением суффиксальной характеристики французского слова, с его "стерильным характером" [II, с. 191].

Сопоставительное изучение АК дает возможность предположить, что основные структурные особенности современного французского языка были заложены еще в народной латыни. В настоящий же период происходит интенсивное использование ранее сформировавшихся моделей. Количество АК возросло более чем вдвое (ср.: в XI-XIII вв. - 2222 АК, в XX в. - 5552 АК на 3 млн. словоупотреблений).

Литература

1. Озолинь О.Л. Синтагматические и парадигматические характеристики безартиклевых существительных в современном французском языке // Контекстуальная семантика. - Рига: ЛУ им. П.Стучки, 1982. - С. 92-102.
2. Beauvoir S. de Memoires d'une jeune fille rangée. - Paris: Gallimard, 1964. - 512 p.
3. Bazin H. L'huile sur le feu. - Paris: Grasset, 1954. - 243 p.
4. Arnaud G. Le selsire de la peur. - Paris: Hachette, 1968. - 250 p.
5. Benveniste E. Formes nouvelles de la composition nominale. - BSLP, 1966. - Т. 61. - Fasc. 1. - P. 82-95.
6. Арутюнова Н.Д., Вольф Е.М., Карулин В.А., Лухт Л.И. О сопоставительном синтаксе романских языков // Вопросы романского языкознания. - Кишинев: Етиинца, 1963. - С. 17-26.
7. Nyrop K. Grammaire historique de la langue française. - Copenhagen, 1908. - Т. 3. - 459 p.

8. Чекалина Е.М. Историко-семасиологическое исследование прилагательных цвета во французском языке XI-XVI вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -Л., 1972. -16 с.
9. Geoffroi de Ville-Hardouin. Conquête de Constantinople avec la continuation de Henri de Valenciennes. -Paris: F.Didot, 1874. -619 p.
10. Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous ses dialectes du IX au XV siècle. -Paris: F.Viweg, 1881-1902. T. 5. -8000 p.
11. Шигаревская Н.А. Очерки по синтаксису современной французской разговорной речи. -Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1970. -216 с.

Л.Н.Олдирева

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СТИЛИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС АНГЛИЙСКИХ "ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ" ГЛАГОЛОВ

Издание в 1983 году компанией Лэнгмен Словаря фразеологических глаголов [I] - событие весьма показательное для современной английской лексикографии. Этому событию предшествовала своя филологическая история, в ходе которой сформировался лингвистический и стилистический статус этих глаголов. Об этом статусе и об истории его становления пойдет речь в данной статье.

Обращает на себя внимание название словаря *Langman Dictionary of Phrasal Verbs*. Так один этот термин - "фразеологические глаголы" свидетельствует о том, что существующие на сей день терминологические определения этого явления недостаточно точны, если составители словаря предпочли остановить свой взор на термине,

уже изначально вызывавшем сомнения ¹. Значит терминологические изыскания лингвистов так и не дали лексикографам внятного, отражающего суть данного явления термина. Между тем явление это настолько характерно для современного английского языка, что потребовало специального словарного издания. Явление это - одно из следствий движения английского языка к аналитизму. Оно сопровождается увеличением предлогов, появлением у них разнообразных абстрактных значений, дающих возможность перестроить семантико-морфологические отношения на новый - семантико-синтаксический лад. Эта перестройка компенсировала, к примеру, утрату таких морфологических явлений как древнеанглийские видовые различия глагола и глагольное управление (сравни: да. *eſeohten* - побороть, где идея завершенности действия выражается приставкой *e-*, с совр. *ſight out*, где это же видовое значение передается постпозитивом out; или, в случае управления: да. *hē wāð weſtanwīndes*, где управление требует родительного падежа *weſtanwīndes* с на. *he waited for the western wind*, где эта связь выражается предлогом for).

На общем фоне развития аналитических форм вовлечения в сферу новых грамматических отношений наречий и предлогов воспринимается как явление совершенно естественное, более того, - вытекающее из самой природы "языкотворческой силы" (выражение В. фон Гумбольдта [2, с. 96] английской речи. Этот процесс включения предлогов и

¹ Об этом термине писал еще в 20-ые годы Л. П. Смит: "Термин "фразеологические глаголы" был предложен мне покойным доктором Бредли; он не считал этот термин наилучшим, но пользовался им за неимением других ... Хотя слово "фразеологические" и вызовет возражения, оно все же восполняет терминологический пробел и иногда незаменимо" [3, с. 14].

наречий¹ в семантическую сферу глагола выражен в английском языке настолько ярко, что воспринимается как одна из самых характерных черт его строя [6, с. 44]. Н. Брэдли писал об этой особенности английской речи: "Своей способностью выражать тончайшие смысловые различия при помощи фразеологических глаголов английский язык соперничает с древнегреческим и немецким и превосходит романские языки, почти не имеющие сложных глаголов" [3].

Материал Словаря фразеологических глаголов показывает насколько широко и разнообразно использует английский язык номинативные и грамматические возможности этой конструкции: 1) она несет на себе "тяжесть управления" [7, с. 315], таковы все сочетания глаголов с определенным предлогом - типа answer for - отвечать за что-л., agree with - соглашаться с кем-л., с чем-л.; 2) она исполняет функции номинативной модели, именуемой аспект и направление действия, в этом случае функции английских постпозитивов идентичны глагольным приставкам русского языка и отдельным приставкам немецкого языка; они служат номинации аспектных нюансов и пространственному уточнению протекания действия - например: smarten up, argue up - прихорошиться, blow in -

¹ Отметим здесь терминологическую консервативность английской традиции в трактовке сочетаний глагола с предлогом и наречием: и словарь Лонгмана, и английские грамматисты (можно привести в пример грамматику, написанную на материале проекта *Survey of English Usage* - [4, с. 303-304]) предпочитают классические термины предлог и наречие. В советской англистике, особенно в трудах англистов 40-50-х годов, неточность употребления этих понятий при внимательном к таким сочетаниям как bring up - "воспитать" ощущалась весьма резко, и как результат этих терминологических поисков в трудах советских англистов фигурируют термины: послелог, постпозитив, предлогное наречие, постпозитивная приставка [5, с. 3].

ворваться, bow out - откланяться¹; 3) она используется как фразеологическая единица со своим идиоматическим значением, например: bat around - суесться, ball up - испортить все дело, beetle off - сменить.

Таковы функциональные возможности этих глагольных сочетаний, и объединение их всех под общим названием фразеологические глаголы (phrasal verbs) вызывает естественное возражение, поскольку термин этот "занят" во фразеологии сочетаниями с идиоматическим значением [8, с. 228]². Совершенно ясно, что лингвистический статус у всех этих сочетаний разный: чисто синтаксический в случае управления (answer for - отвечать за), номинативный в случае дифференциации нюансов глагольного действия (bleach out - обесцветить) и фразеологический в случае идиоматических сочетаний (set up - поза-

¹ Характерно, что использование той части служебных форм, которые могут функционировать и как предлог, и как наречие, и как приставка (например, out) крайне редко приводит к дублетам - типа outfit и fit out (обе формы означают снаряжать) или inbreathe и breathe in (обе формы означают вдыхать). Гораздо чаще префиксальный глагол и фразеологический глагол не имеют параллелей, а в тех редких случаях, когда это случается, они именуют разные действия: outgo - опережать, go out - выходить. Если же одна и та же служебная форма образует структурно-семантические модели и как приставка, и как постпозитив, эти модели имеют разное значение: например, модель с приставкой over - со значением избытка действия (overcast, overgrow, overcrowd, overdo), не пересекается со значениями модели глагол с постпозитивом over (run over, come over, think over).

² Это терминологическое несовпадение связано с иным подходом к идиоматике в английской лингвистической традиции. Так для О.Есперсена необъяснимость и произвольность в выборе предлога для выражения управления и есть результат идиоматичности (например: find a fault in a person - найти слабость у кого-л., но find fault with - придирается к кому-л.). При таком понимании идиоматичности зачисление в разряд фразеологических глаголов чисто синтаксических сочетаний глагола с предлогом - явление вполне естественное [3, с. 11-12].

ливать). Естественно, что и роль частиц, следующих за глаголами, будет во всех этих случаях разная. От участия частиц в номинативной и грамматической структурах конкретного сочетания зависит: классифицировать их как предлоги, как наречия или как частицы, называемые то послелогоми, то постпозитивами, то наречными предложениями или адвербиальными приставками.

Подобный полифункционализм в использовании своего служебного фонда: будь то морфемы, служебные частицы или слова - естественен для английского языка, строй этого языка использует ряд суффиксов как формообразующие и словообразующие (таково положение морфемы -в в категории числа имен существительных), ряд глаголов как служебные и полнозначные, ряд грамматических форм как формы выражения разных грамматических категорий (так употребляется, к примеру, глагольная форма с суффиксом -ing). Омонимия и полисемия грамматических форм пронизывает весь строй английской грамматики, характерна она и для функционирования приглагольных служебных слов.

В языке так далеко ушедшем в анализацию своего строя как английский неизбежно "понимание семантической специфичности оставшихся в употреблении грамматических единиц", "увеличение мощности набора ... фразеологических (в широком понимании) средств" и "универсализация функций больших групп слов, способных одновременно быть, например, и существительным, и предлогом, и наречием" [15, с. 15-16].

Не лишено основания то, что в одной из самых авторитетных грамматик современного языка [4] анализ сложных глаголов (multiword verbs) дан в разделе синтаксиса глагола, и эти глагольные сочетания описаны как комбинации глагола с частицами (particles), варьирующими свой статус от наречия и предлога до частиц змра-

тического типа ^I. Такой композицией грамматики снимается проблема лексико-грамматического статуса этих частиц — проблема, действительно трудно разрешимая при подобной размытости классов слов и дефицита грамматических форм. Эта проблема возникает в процессе создания грамматического канона описания языка, как языковая реальность проблемой она быть не может, поскольку размытость границ между лексико-грамматическими классами слов и связанная с этим несводимость их к "требованиям частичечной категоризации" [IO. с. 95] есть условие существования языка аналитического строя.

Итак, распространение в английском языке устойчивых фразеологических сочетаний (особенно с XV века) связано с анализацией речи и компенсирует все возрастающую грамматическую, а вследствие этого и семантическую неопределенность английского слова [IO, с. 73]. В языке синтаксического строя слово более автономно, оно менее зависит от контекста и синтаксиса фразы и предложения, что мы и наблюдаем в древнеанглийских текстах. В современном же английском общеупотребительные слова (а все служебные элементы глагольных сочетаний и большинство глаголов входят в первую тысячу наиболее частотных слов) в силу своей предельной многозначности и грамматической подвижности гораздо чаще зависят от фразировки.

Интерпретация лингвистического и стилистического статуса устойчивых глагольных комбинаций связана с эволюцией отношения к подобным словосочетаниям в истории английской филологии. Истоки критического отношения к этим словосочетаниям — в трудах литераторов и филологов XVIII века, как правило, это труды, имевшие самое непосредственное влияние на становление нормы литератур-

^I Например, *up* может употребляться как усилительная частица (*intensifier*): *drink up* — выпить все до дна, *bash up* — расколотить, в русском языке ей соответствует приставка с тем же значением.

ного языка: таковы, например, комментарии к словоупотреблению в словаре С. Джонсона и литературные декларации Д. Драйдена. Ссылаясь на эти авторитеты, Л.П.Смит пишет: "внешнее сходство послелогов, входящих в состав фразеологических глаголов с постпозитивными предлогами, привело в XVIII веке к тому, что на послелогии распространилось предубеждение, существовавшее против употребления предлогов в конце предложения" [3, с. 167]. Имеется в виду случай типа *what a mess he's got into!* или *he's impossible to work with*, которые и ныне причисляются английскими грамматиками к нормам разговорного, а никак не литературного стиля [4, с. 135]. Старое предубеждение против этих конструкций перешло по аналогии и на глагольные сочетания с послелогоми, отсюда - их статус вульгаризма [3, с. 168] в литературном языке. Думается, что внешнее сходство, о котором пишет Л.П.Смит, лишь сопутствующее совпадение, истоки же самого предубеждения в ином: в несоответствии экспансии аналитических и фразеологических конструкций, наводнивших английскую речь в последние столетия, тому эстетическому и риторическому идеалу речи, на который ориентировались литераторы и филологи XVIII века.

Этот идеал был связан с попыткой возродить и привить канон античной риторики на английской почве, в переработке этого канона применительно к нуждам английской словесности существенен был вклад шотландской риторической школы, представленной риториками Дл.Кемпбелла, Х.Блэра и Г.Хоума. Эти риторические сочинения показательны для середины XVIII столетия: все они апеллируют к авторитетам античности, пытаясь перенести рекомендации античных авторов на типологически чуждую им языковую стихию. Тут-то и возникает тот конфликт между эстетическим идеалом и "языкотворческой силой", который вылился в предубеждение против фразеологических глагольных сочетаний с постпозитивами.

"Лекции по риторике и изящной словесности" Х.Блэра (I изд. - 1783), как наиболее популярный труд того времени в этом жанре, наглядно демонстрирует то, как возникает подобный конфликт. Стилистические и риторические рекомендации Х.Блэра [II] восходят к сочинениям Цицерона, Квинтилиана (Квинтилиан - наиболее часто цитируемый автор в лекциях Блэра) и Дионисия Галикарнасского, сочинение последнего "О соединении слов" [12] имеет самое непосредственное отношение к будущему предубеждению английских стилистов против фразеологических сочетаний со служебными словами, поскольку именно на него ссылаются в риториках, советуя избегать "скучивания" малосложных слов [12, с. 184], а также слов, имеющих одинаковое ударение (отметим, что послелоги во фразеологических глаголах находятся в ударной позиции - [4, с. 228]).

В греческом каноне скопление неполнозначных краткосложных слов особенно порицалось при оформлении конца предложения, считалось недопустимым закончить период краткосложным словом, состоящим из кратких гласных (между тем как именно таковы английские глагольные сочетания). Другой авторитет античности - Деметрий пишет в своем сочинении "О стиле": "... долгий слог сам по себе порождает впечатление величественного. И будучи поставлен в начале речи, сразу же как бы поражает слушателя, а при постановке на конце закрепляет в слушающем ощущение величественного. И, действительно, мы все особенно запоминаем самые первые и самые последние слова; они-то и производят на нас наибольшее впечатление ..." [8, с. 244]. Итак концовка периода должна быть полнозвучной и семантически насыщенной, заполнение ее служебными словами "смазывает" риторический эффект и лишает предложение смысловой полновесности. Следуя этим наставлениям, английские риторы XVIII века рекомендуют заканчивать предложение самым значительным по смыслу и долгим по звучанию словом [II, с. 285].

Ссылаясь на Квинтилиана, Блэр очень решительно предупреждает против предлогов, наречий и фразеологических глаголов в конце предложения [II, с. 285]. Они нехороши не только в конце предложения, загромождая язык, они лишают его свободы порядка слов, огрубляют грамматику¹, делают менее благозвучным - т.е. они делают именно то, что мешает литератору XVIII века работать с языком, подчиняя его эстетическому канону риторики языков синтетического типа. Для этих языков (греческого и латини) благодаря их флективности риторическая проработка стыков слов, ритмические паузы на концах слова, завораживающее благозвучие в гармонии окончаний были необходимым эстетическим элементом риторически выстроенной речи. Идеал этой речи учитывал возможности ее языкового строя, а фактура английской речи ему сопротивлялась, и поэтому в риториках XVIII века предлагалось, как выход из положения, заменять такие неблагозвучные и семантически дробные элементы многосложными глаголами романского происхождения, как это делал Драйден, заменяя *bound up* на *limited*, *brought in* на *introduced* [3, с. 167].

И грамматический анализ, и связанный с ним процесс распространения фразеологических сочетаний переживались филологами XVIII века как явления, мешавшие английскому языку претворить эстетический идеал античной риторики. Обилие служебных слов мешало благозвуч-

¹ Цитируя "Философию риторики" Дж. Кемпбэлла, Х. Блэр сравнивал аналитические формы английской речи с грубой работой плотника, в которой видны соединения частей и материалов, это формы, в которых выпирают незаделанные швы [II, с. 195].

чив¹, ясности (*regularity* - [II, с. 236]), изложения², гибкости синтаксиса, скованного порядком фраз и предложений. Рекомендации риторик пытались сгладить эти недостатки английской речи умелым использованием заимствованных слов, "борьба с материалом" сводилась к его маскировке среди слов, более приемлимых для требований, выдвигаемых риторическим канонем. Однако этот круг требований сопротивлялся самому существу развития английской речи, и впоследствии мощь "языкотворческой силы" обратила это риторическое противление риторик XVIII века аналитическим монстрациям в стилистическое предубеждение. Оно воспринимается в наши дни как анахронизм, характерный в определенных видах речи, но все еще присутствующий в восприятии стилистического статуса этих словосочетаний.

Литература

1. Courtney Rosemary. Longman Dictionary of Phrasal Verbs.-Hong Kong, 1983. -734 p.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. -М.:

¹ Многие риторы писали в XVIII веке об упадке музыкальности в английской речи. Особое одозвучие греческой речи Х.Блэр приписывал удобству флективного строя, для которого характерно преобладание длинных многосложных слов, - несравненно гармоничней и приятней слов малосложных. В качестве одозвучных слов Блэр приводит в пример слова *produce, velocity, independent, impetuosity* [11, с. 315].

² Ясность (*regularity*) и украшенность (*ornament*) - главные качества стиля, ясность - по Квинтилиану первейшее и главнейшее из них. Ясность связана с выбором слов и конструкцией предложений, для ее достижения и рекомендовалось избегать скопления служебных слов и фразеологических глаголов.

Прогресс, 1984. - 397 с.

3. Смит Л.П. Фразеология английского языка. - М.: Учпедгиз., 1959. - 208 с.
 4. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik. A University Grammar of English. - М.: Высшая школа, 1982. - 391 р.
 5. Керлин А.А., Кузнец М.Д. Составные глаголы в современном английском языке. - М.: Учпедгиз., 1959. - 87 с.
 6. Аракин В.Д. Английский язык. - М.:Междунар. отнош., 1962.
 7. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). - М.: Высшая школа, 1972. - 2-ое изд. - 614 с.
 8. Кунин А.В. Фразеология современного английского языка. - М.: Изд-во Международные отношения, 1972. - 288 с.
 9. Поликарпов А.А. Факторы и закономерности анализациии языкового строя. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. - М., 1976. - 26 с.
 10. Поликарпов А.А. Элементы теоретической социолнгвистики. - М.: МГУ, 1979. - 162 с.
- II. Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Lettres. - Lnd., 1785. - Vol. 1, - 452 p.
12. Античные риторики /Под общ.ред. А.А. Тахо-Годи. - М.: МГУ, 1978. - 351 с.

СИНТАКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ЯЗЫКА

Явление полифункциональности в языке понимается как потенциальная способность слова выполнять функции различных частей речи, оставаясь членом одного лексико-грамматического разряда. Наличие этой способности и порождает в конечном счете переход слов из одной части речи в другую. Полифункциональный характер единиц на -ing/ -ed выражается в том, что эти единицы, являясь причастиями, глагольными словоформами, в составе словосочетания могут подвергнуться процессу окачества и в итоге перейти в разряд прилагательных [1].

Процесс адъективации образований на -ed давно уже привлекает к себе внимание языковедов и неоднократно описывался в лингвистической литературе [2,3,4]. Предметом исследования данной статьи является выявление синтаксико-семантических свойств единиц на -ed, которые находятся на разных этапах процесса адъективации.

В зависимости от степени наличия у единиц на -ed адъективных свойств исследованный материал можно выстроить цепочкой, распределить на 4 группы. Это:

- I группа - причастия на -ed;
- II группа - единицы на -ed, тяготеющие к причастиям;
- III группа - единицы на -ed, тяготеющие к прилагательным;
- IV группа - прилагательные на -ed. Следует отметить, что в силу того, что образования на -ed по природе своей более адъективны, чем образования на -ing,

распределение по группам носит несколько условный характер.

а) I группа. К первой группе, причастиям на -ed, были отнесены образования от непереходных глаголов или непереходных значений некоторых глаголов, которые одновременно являются и переходными и непереходными, обозначающих конкретное физическое действие. Например: assembled people, arrived guests, bent figures, closed lids, departed guests, escaped murderer, fallen leaf, returned couple, risen children.

Этот ряд примеров объединяет, во-первых, то обстоятельство, что во всех случаях у нас имеются образования на -ed от непереходных значений глаголов, которые как уже было сказано выше, обладают очень незначительной способностью адъективации. В подобных образованиях сохраняется их глагольное значение, т.е. указание на действие, совершенное субъектом, обозначенным существительным. Иначе говоря, здесь можно выделить категорию "активности" субъекта.

Во вторых, если распределить глаголы, исходные для этих образований на -ed, по семантическим классам, то обнаруживается следующая картина: данные глаголы относятся к глаголам группы движения и целенаправленной деятельности, то есть все они являются представителями группы глаголов конкретного физического действия.

В-третьих, во всех перечисленных случаях образования на -ed употреблены в своем основном, номинативном значении, совпадающем с номинативным значением родственного глагола. Таким образом, ни о какой образности, метафоризации употребления единицы на -ed говорить здесь нельзя, и приведенные выше словосочетания являются свободными, носят узуальный характер.

И, наконец, все словосочетания с легкостью поддаются таким трансформациям, где форма на -ed является чисто глагольной, т.е. она либо входит в состав при-

частного/дее - причастного оборота, либо является частью сказуемого, стоящего в одном из времен системы Perfect. Например:

Слово на -ed в составе атрибутивно-го словосочетания системы	Форма на -ed в составе сказуемого системы	Форма на -ed в составе причастного оборота
--	---	--

Still, I didn't find her among the arrived guests.

[5, с. 83]

And I look up at the bent figures and my eyelids flicker.

[6, с. 17]

He was here, in this group of the risen and ready-to-go children...

[5, с. 73]

Still, I didn't find her among the guests who had just arrived.

And I look up at figures that have bent with age and misfortune, and my eyelids flicker.

He was here, in this group of the children who have risen...

Still, I didn't find her among the guests arrived to the party.

And I look up at figures bent round the fire and my eyelids flicker.

He was here, in this group of the children risen...

Сравнив адъективное употребление единицы на -ed и те ее функционирования, где она выступает как форма глагольной парадигмы, можно обнаружить, что существенной смысловой разницы между этими грамматически столь различными конструкциями нет, поскольку основным в форме на -ed является значение действия, совершенного субъектом, а не значение качественной характеристики

предмета или лица.

Все это позволяет отнести подобные случаи функционирования образований на -ed к I группе - причастиям на -ed, употребленным атрибутивно, в качестве примененного препозитивного определения и имеющих тенденцию к адъективации.

б) II группа. Единицы на -ed, тяготеющие к причастиям. В эту группу входят такие образования на -ed от переходных глаголов, которые характеризуются тем, что признак, свойство субъекта, который они выражают, представляет собой результат какого-то совершенного действия. Значение результатности, совершенности действия здесь по-прежнему ощущается достаточно сильно, хотя оно и начинает вытесняться значением признака.

Рассмотрим примеры типа: abandoned woman, adapted son, slanted town, buried city, burnt leaves, cracked cups, clenched hands, destroyed will, imprisoned men.

Во всех перечисленных примерах субъект как бы испытывает на себе, переживает результат действия, совершенного третьим лицом. Таким образом, если ранее шла речь об "активности" субъекта, то в данном случае можно выделить категорию "пассивности" субъекта. Об этом свидетельствует возможность трансформации любого из вышеуказанных словосочетаний в предложение, включающее сказуемое, построенное в страдательном залоге.

Например, трансформацию можно построить следующим образом:

Слово на -ed в составе атрибутивного словосочетания (ed + N)

Форма на -ed в составе сказуемого в страдательном залоге

abandoned woman

Woman who was abandoned by him. ¹

¹ Ср. с abandoned woman в значении "распутная женщина".

adopted son	Son who was <u>adopted</u> by Mr. Ackroyd.
blasted town	Town which was <u>blasted</u> during the war.
burnt leaves	Leaves that were <u>burnt</u> in autumn.
clenched hands	Hands that were <u>clenched</u> in despair.
cracked cups	Cups that were <u>cracked</u> in washing.
destroyed will	Will which was <u>destroyed</u> by me.
imprisoned men	Men who are <u>imprisoned</u> at Soledad. etc.

Такая трансформация показывает, что значение данных единиц на -ed и в составе атрибутивного словосочетания, и в составе пассивного сказуемого является практически одинаковым. Подобное функционирование слов на -ed в значительной степени определяется их близостью к грамматической системе глагола и тем, что одно из вышеупомянутых словосочетаний, не является словосочетанием в собственном смысле слова, т.е. не обладает свойством глобальности. В этом они сродни причастиям на -ed, относящимся к I группе.

Но образования от переходных глаголов более склонны к адъективации, чем образования от глаголов непереходных. Поэтому данные единицы на -ed находятся на качественно другой ступени градации, и их следует отнести ко II группе - единицам на -ed, тяготеющим к причастиям.

в) III группа. Единицы на -ed, тяготеющие к прилагательным. Теперь рассмотрим ряд примеров следующего типа: battered appearance, bewildered girl, detached observer, devoted couple, hurried remarks, raised voices, satisfied smile, hurt father.

Общим для всей этой группы примеров является то, что во всех случаях употребления единицы на -ed, на первое, главенствующее место выступает значение признака,

свойства субъекта, а не действия. Здесь форма на -ed дает качественную оценку субъекта. Все единицы на -ed, упомянутые выше, образованы от глаголов состояния, которые, как известно, по своей семантической природе приближены к прилагательным. Исключение составляют, пожалуй, только глаголы to detach и to raise, которые в своем основном, номинативном значении относятся к группе целенаправленной, трудовой деятельности. Но здесь они употреблены в производном значении и, таким образом, их тоже можно отнести к глаголам состояния.

Глаголы to batter, to detach, to hurry, to raise относятся к семантическому классу глаголов, обозначающих физическое состояние и изменение состояния. Глаголы to bewilder, to devote, to satisfy, to hurt - глаголы психической деятельности. Они передают эмоциональное состояние или воздействие, выражают восприятие, отношение. Поэтому причастия, образованные от этих глаголов, показывают не действие, выполненное субъектом, а состояние, в котором он находится, и выступающее как его свойство.

В таких словосочетаниях, как bewildered girl, devoted couple, convinced idler и им подобных, единицы на -ed являются не просто признаком субъекта, а дают совершенно определенную характеристику человека и даже выступают как свойство, черта его характера.

О близости таких образований к прилагательным говорит еще и тот факт, что единицы на -ed, относящиеся к III группе, могут образовывать степени сравнения, что было бы невозможно для единиц I и II групп. Ср.:

most devoted couple --- most cracked cups
most bewildered person --- most bent figures
more experienced teacher --- more fallen leaf.

И, наконец, здесь наблюдается высокая степень метафоризации употребления исследуемых единиц (чего не было в двух ранее рассмотренных группах), хотя значе-

ние их и выводимо из семантической структуры родственного глагола.

Все это позволяет выделить единицы такого типа в особую группу, характеризующуюся высокой степенью адъективации, но недостаточной для того, чтобы считать эти единицы полноправными прилагательными на *-ed*. Для завершения процесса адъективации необходимо возникновение тесного, семантически неделимого комплекса формы на *-ed* и определяемого ею существительного, обладающего свойствами глобальности и высокой степенью идиоматичности высказывания, стилистической маркированности, а также социолингвистической обусловленности.

г) IV группа. Прилагательные на *-ed*. Иной характер носят примеры следующего типа: *agonized knowledge, alarmed steps, bewildered hands, bored impatience, dejected joys, depressed brim, scattered chorus, puzzled frustration, etc.*

Во всех приведенных примерах бросается в глаза особая образность высказывания, его идиоматичность. Форма на *-ed* выступает в абсолютно ином, новом для нее значении, невыводимом из лексического значения исходного для нее глагола.

Разбивка исходных глаголов по семантическим классам показала, что все глаголы данной группы относятся к глаголам состояния.

Связанность словосочетания, его устойчивость, смысловое единство, переход от "свободного" союза слов в область фразеологии - вот что отличает эти словосочетания от функционирования единиц на *-ed* в предыдущих группах, хотя тенденция к адъективации проявляется у всех препозитивных форм на *-ed*.

В результате подобного употребления единиц на *-ed* возникает образование лексико-фразеологического характера, поскольку все основные свойства словосочетания проявляются здесь вполне четко и определено. Этому способ-

ствуется реализация слов на -ed на метасемиотическом уровне, что и было проиллюстрировано приведенными выше примерами.

Процесс окачества единиц на -ed, выпадение их из глагольной парадигмы и становления самостоятельного слова, происходит только через словосочетание, в котором осуществляется полная лексико-фразеологическая перестройка данной формы. Форма *puzzled* свободно сочетается со словами *man, lady, person*, т.к. человеку свойственно состояние озадаченности, растерянности. С другой стороны, словосочетаниях *puzzled voice* - "растерянный голос" или *puzzled expression* - "озадаченное выражение (лица)", значение формы *puzzled* также выводимо из значения глагола *to puzzle*, хотя употребление этого значения носит явно метонимический характер. В случае с *puzzled frustration* - "недоуменная безысходность", можно наблюдать переосмысление значения слова *puzzled*, которое здесь является перенесенным эпитетом. Оно обладает яркой фразеологической окрашенностью, идиоматичностью, т.к. не существует безысходности, которая могла бы "недоумевать".

Точно так же происходит семантический отрыв от исходного глагола у формы *scattered*. Если в словосочетании *scattered cards (toys, clothes)* - "разбросанные карты (игрушки, одежда)" ее значение соответствует значению глагола *to scatter*, то в сочетании со словами *chorus - scattered chorus* (нестройный хор), *scattered thoughts* (бессвязные мысли), эта форма приобретает новое для себя значение, отличное от значения исходного глагола, и в этом значении она образует тесный неделимый комплекс с определяемым существительным.

То же можно сказать и о форме *dejected*, которая в словосочетании *dejected tail* также подвергается переосмыслению, теряет непосредственную связь с глагольной

основой и приобретает известную самостоятельность. Значение *dejected* в *dejected Captain Benwick* - "удрученный Капитан Бенвик" выводимо из значения глагола *to deject*. Но в словосочетании *dejected tail* - "поджатый хвост", *dejected* приобрело самостоятельное значение, независимое от значения родственного глагола.

Аналогично, и у формы *depressed* в словосочетании *depressed brain* - "обвисшие поля (шляпы)" проследивается семантический сдвиг по сравнению с системой значений глагола *to depress* (ср.: *depressed man*) и становление ее как самостоятельной единицы - прилагательного.

Отдельно хочется сказать о таких словосочетаниях как *attempted murder, attempted escape, conceived murder, committed crime, devoted couple, alarmed steps* и т.д. Так как эти словосочетания являются терминами из области криминалистики (*attempted murder* - "попытка убийства"; *conceived murder* - "умышленное, преднамеренное убийство" и т.д.), они представляют собой не свободное сочетание слов, обозначающих единичные действия, а цельное глобальное словосочетание, обладающее кливированностью, социолингвистической обусловленностью, зафиксированное в языке и нашедшее лексикографическое отражение.

Итак, определение синтаксико-семантических свойств полифункциональных единиц на -ed сводится к определению совокупностей дифференциальных синтаксико-семантических признаков как в синтагматическом плане (на основе синтаксических связей, существующих между компонентами предложения), так и в парадигматическом, т.е. при сравнении двух или более предложений на основе формально-дистрибутивных характеристик, таких, например, как сочетаемость, местоположение в предложении.

Анализ содержательных характеристик единиц на -ed проводился в плане сопоставления их сочетательных воз-

можностей, т.е. рассмотрение данных языковых единиц на уровне "малого синтаксиса" - в составе словосочетания, с позиции таких критериев как семантическое единство комплекса определяющего и определяемого слова, глобальность, клишированность, идиоматичность, стилистическая маркированность, социолингвистическая обусловленность.

Изложенный выше материал показывает, каким образом синтаксико-семантические характеристики полифункциональных единиц на -ed могут служить для определения степени адъективации данных единиц и определения их категориальной принадлежности.

Литература

1. Гвишван Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи: Учеб. пособие. -М.: Высш. школа, 1979. -200 с.
2. Болдырева М.М. Сочетание to be + причастие II со значением результирующего состояния в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -М., 1971. -18 с.
3. Бурлакова В.В. Именные свойства причастия в современном английском языке // Исследования по английской филологии. -Л.: ЛГУ, 1958. - С.153-158.
4. Вильман В.Г. Семантика причастия II и категория состояния в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -Л., 1949. -16 с.
5. Weir J. The marriage. -London: New English Library Books, 1975. -160 p.
6. Bradbury R. The machineries of joy. -New York: Pantham Books, 1976. -214 p.

**ФУНКЦИИ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА В СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ ПЕРСОНАЖНЫХ РЕФЛЕКСИЙ**

(на материале новеллы А.Зегерс "Das Ende")

Рассмотрение рефлексий в качестве одной из характерных черт языка современной художественной прозы мы находим в ряде литературоведческих работ, однако лингвистический аспект данного явления не становился объектом углубленного исследования. Один из аспектов изучения структуры художественного произведения состоит в анализе и установлении способов выражения в тексте категорий образа автора. Стремление к всестороннему изучению средств выражения образа автора в художественном тексте проявляется в пристальном внимании литературоведов и стилистов к вопросу о формах речи, непосредственно определяющих авторский и персональный планы повествовательной перспективы текста. Отмечаемая в большинстве работ контаминация авторского и персонального голосов в повествовании предполагает наличие авторского и персонального континуумов, имеющих свои структурно-семантические и сюжетно-композиционные показатели. Целью данной статьи является рассмотрение функций глагольной грамматической формы плюсквамперфекта в структурно-семантической организации персонажных рефлексий.

Установление границ авторских и персональных планов происходит в соответствии с определением структуры сюжетного времени, основными элементами которого, как убедительно показывает Т.А.Андреева, является время автора и время персонажа, прослеживающееся в триаде до-сюжетного и постсюжетного развития действий и событий повествования [I, с. 7].

Для более углубленного анализа включений, входящих в структуру сюжетного времени, целесообразно обратиться к вопросу о значениях плюсквамперфектно-претеритных и плюсквамперфектных фрагментов текста. Выделению таких фрагментов текста способствует претеритальный план повествовательной перспективы, являющийся фоновым линейным маркером последовательного изложения событий текста. Плюсквамперфектные включения, на наш взгляд, можно рассматривать как значимые единицы синтаксического членения текста. Функциональные же значения текстовых единиц следует, очевидно, отнести к области рассмотрения стилистико-конструктивных авторских приемов. Один из таких приемов - ретроспектива - может быть представлен с точки зрения интеграции синтагматических связей различных аспектов ретроспективного ведения повествования. Помимо рассмотренных структурно-композиционных функций плюсквамперфекта, к композиционно-речевым единицам следует отнести авторские и персонажные рефлексии, эксплицированные плюсквамперфектом.

Персонажные рефлексии прямо связаны с типами ведения повествования. При ауториальном типе повествования персонажные рефлексии легко выделяются из общего плана сюжета. Углубление повествовательной перспективы при этом происходит за счет многократного изменения угла зрения повествователя, что находит выражение в структуре сюжетного времени, а также композиции текста. Субъективированный повествователь с единым углом зрения изложения событий исключает многоголосие авторской повествовательной перспективы, следовательно, включение внутренних рефлексий в структуру текста присуще ауториальному повествователю.

В качестве синтактико-семантической единицы плана выражения персонажных рефлексий выступает синтаксическое единство, состоящее, как правило, из одного экспре-

зиционного абзаца текста или же нескольких взаимоотно-сенных семантически и структурно-сверхфразовых единств, характеризующихся единым темпоральным планом изложения событий. Естественно, что плюсквамперфект, замыкающий текст, в котором автором избирается в качестве основного повествовательного плана план претеритальный, реализует в нем не столько значение предшествования одного описываемого действия другому, сколько сигнализирует об их завершенности в плане сюжета. Однако завершенность действий не означает невозможности дальнейшей актуализации последствий этих действий в тексте. Напротив, результативность как аспектуальная характеристика включает в себя изначально определенную систему причинно-следственных отношений, в конечном счете предполагающих нахождение результата действий.

Рассмотрим структуру некоторых синтаксических единств, организующих персонажные рефлексии. Их временной индивидуально-персонажный континуум, имеющий определенный композиционный и временной уровень с определенной точкой отсчета событий, входит в общую организацию сюжетного плана, однако имеет важные структурно-семантические особенности.

Из анализа фактического материала следует, что сегменты индивидуального времени в тексте обнаруживаются в авторском и собственно-персонажном повествовании и могут входить в план досюжетного и сюжетного прошлого.

Объемное представление субъектной сферы героя рассказа требует привлечения всех текстовых средств для полного изображения важного информативно-художественного фрагмента текста.

Синтаксико-семантическая и тематическая спаянность персонажных включений подчеркивается графически, как правило, прямые персонажные рефлексии ретроспективного плана выделяются в отдельный абзац или в сложное син-

таксическое целое монотематического содержания.

В общей структуре художественного текста персонажные рефлексии с их специфическим выражением временных отношений относятся к развитию сюжетного временного хода как часть к целому.

Примеры прямых персонажных включений встречаются в ряде новелл немецких авторов. Их введение связано с закономерностями организации ассоциативно-психологической сферы персонажей произведения. Широкое привлечение ретроспективных персонажных рефлексий в сюжетный ход развития событий, как представляется, выдвигает на передний план повествования психологический аспект прозаического произведения и заключает в себе большие возможности полного раскрытия личностных характеристик персонажа.

Покажем роль персонажных рефлексий в структуре художественного целого на примере новеллы А. Зегерс " Das Ende " [2]. Новелла отражает отношение автора к нацистскому прошлому Германии.

Инженер Вольперт узнает в одном из жителей небольшой деревни, Циллихе, к которому он обратился за помощью, бывшего надсмотрщика концентрационного лагеря, скрывающегося от суда ГДР за совершенные в годы войны преступления. Циллих тоже узнал заключенного, Курта Вольперта, из восемнадцатого барака, и животный страх перед неминуемым возмездием гонит его прочь от дома и семьи. После многодневных поисков надежного убежища Циллих узнает в таких же беглецах, как и он сам, своих бывших "друзей", спасающихся от прошлого и понимает безвыходность своего положения. После встречи с немецким коммунистом Фрайтагом Циллих решает покончить с собой.

Ретроспективные персонажные рефлексии от лица Вольперта, Циллиха, его жены, а также надсмотрщиков лагеря, работавших вместе с Циллихом, вводятся с целью многоаспектного и полного раскрытия сущности ящика. Особым

эмоциональную нагрузку имеет в тексте эпизод - воспоминания коммуниста Курта Вольперта о Циллихе: Volpert sah ihm finster nach. Er lehnte den Kopf an die Hauswand; er schloß die Augen. Er sah jetzt den Zillich genau vor sich, so wie er bis in die Todesstunde in seine Augenlider eingerichtet blieb. Der Zillich auf seinem geschlossenen inneren Auge trug das SA-Hemd, und wie er der Arbeitskolonne den Rücken drehte, spannte sein Hintern die Hosen. "Das Schweinsohr" war er im KZ genannt worden wegen seiner umgestülpten Ohrläppchen. Seine Augelchen waren damals winzig erschienen in dem dicken Gesicht, winzig wie Vogeläugelchen, aber scharf und genau. Er hatte die Ausführung seiner Befehle verfolgt: das Strefexerzieren mit hochgestreckten Armen, bei dem einmal zwei Alte fast gleichzeitig der Schlag gerührt hatte; Kniebeugen in praller Sonne, womit die Neueingelieferten ausgeprobt worden waren; Ablecken der schmierigen Treppe, wobei er den dazu verurteilten Juden in den Hintern trat; und immer, wenn er seinem befohlen hatte, tu dies, tu das, war der Befehl mit einem solchen Tritt bekräftigt worden; sogar als Buchholz nachts aus der Baracke zur Erschießung abgeführt worden war, hatte er ihm den Tritt in den Hintern sozusagen ins Grab nachgeschickt. Als Gebracht von der Ganzen Kolonne zu Tode geprügelt worden war, hatte Zillich, der mit verschränkten Armen gleichgültig zusah, im letzten Augenblick plötzlich auf den Liegenden eingehackt, einem Todesvogel gleich, der sein Opfer umkreist und erst auf es fällt, wenn es verendet.

Volpert hatte sich oft gefragt, was aus dem Büttel geworden sein mochte. Er hatte sich das Wiedersehen in Tag- und Nachtträumen vorge stellt, im Lager selbst hatte ihn vielleicht nur die Hoffnung auf Rache lebendig erhalten. Er hatte nach kreisende gierig alle Nachrichten von Verhaftungen durchstöbert, ob er nicht auf den Namen

dieses Mannes stieße. Er war seinen Augen entschwunden, als man im Lager schon das Maschinengewehrfeder der Sowjets gehört hatte. Der letzte Befehl des Kommandanten war gewesen, die Gefangenen zwischen den Baracken zusammenzutreiben und über den Haufen zu schießen. Volpert war in der Verwirrung dem Tod entgangen durch ein Wagnis, das nur die Todesangst eingibt. Vielleicht hatte sich Zillich damals schon aus dem Staube gemacht. In diesen Henkern bestand ja der letzte Atom einer Ahnung von Gerechtigkeit, ja der letzte von Menschenähnlichkeit, in der panischen Angst vor den Russen (Seghers, S. 186-187).

Прямая персонажная рефлексия Вольперта занимает 1,5 страницы текста и имеет верхнюю и нижнюю композиционные границы. Верхняя граница ретроспективной персонажной рефлексии маркирована завершающим плюсквамперфектом. Эта форма показывает семантическую связь с сюжетным действием, контекстуально соотносенным, однако, с началом ретроспективы; результирующий плюсквамперфект, завершающий описываемый эпизод, прямо соотносится с персонажной рефлексией в плане индивидуального времени.

В описании внешних и внутренних качеств нацистского преступника присутствует элемент авторско-персонажного отношения: в качестве доминанты развиваемой темы выбирается символ орла-стервятника. Здесь же следует отметить своеобразие употребления глагола *einpacken* в контексте метафорического сравнения (последнее предложение первого абзаца цитируемого фрагмента текста), относящегося к авторской сфере повествования.

В начале абзаца, заключающего в себе прямую персонажную рефлексия, использован повествовательный претерит, указывающий на взаимоотношенность планов сюжетного и индивидуального времени. Экспрессивность ретроспективного персонажного эпизода подчеркивается в первом положении рефлексии с помощью синтактико-лексических средств: первое место здесь занимает окказиональное существитель-

ное, эмфатическое употребление которого диктуется отношением персонажа к объему описания:

... Das Schweinsohr war er im KZ genannt worden wegen seiner umgetülpften Ohrläppchen ... (Seghers, S. 186)

Ассоциативный континуум персонажной сферы имеет собственное временное развитие действия, автономный пространственный и информативный объем. Синсемантика персонажного рефлексивного эпизода в плане сюжетного времени относительна: исключение персонажной рефлексии не изменяет фактуальной стороны изложения предыдущих и последующих событий.

Таким образом, исследованный материал позволяет сделать следующие выводы:

1. Глагольная грамматическая форма плюсквамперфект реализует в тексте персонажных рефлексий значения результативности в плане сюжетного действия и завершенности в плане сюжетного времени.

2. Персонажные рефлексии, как правило, оформляются плюсквамперфектно-претеритными включениями, имеющими четкие границы и определенную стилистико-композиционную значимость.

3. В общем движении повествования персонажные рефлексии большого объема имеют эффект ретардации, они замедляют ход сюжета.

Литература

1. Андреева Т.А. Структура сюжетного времени: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -Л., 1976. -20 с.
2. Seghers A. Das Ende: Der Bienenstock. Ausgewählte Erzählungen in zwei Bänden. -Berlin: Aufbau-Verlag, 1953. -S. 184-263.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Цветообозначения в рекламном тексте – это один из способов языкового выражения качественной характеристики изделия. В языке рекламы, основной задачей которой является пропаганда исключительности свойств и качеств рекламируемых товаров, часто через завышенную оценку этих качеств, цвет оказывается важным моментом в передаче внешней привлекательности товара. Цвет оказывает на покупателя различное эмоциональное воздействие. По мнению психологов американской рекламы Ч.Эдвардса и Р.Брауна [1, с. 202] , красный цвет, например, передает ощущение теплоты, желтый связан с чувством бодрости, здоровья, зеленый – спокойствия и прохлады, голубой успокаивает, белый напоминает об уюте и т.д. Обилию цветообозначений рекламные тексты обязаны и еще двум обстоятельствам: во-первых, часть иллюстраций дается в черно-белом изображении и требует словесного описания; во-вторых, в цветном изображении фотография или рисунок изделия передается в одном цвете, в то же время как фирма выпускает его в целой гамме тонов. И в том и в другом случае, а особенно при отсутствии иллюстрации, описание оттенков составляет одну из важных задач копирайтера.

Для обозначения цвета в каждом языке существуют специальные языковые прилагательные. Цветообозначения представляют собой определенную лексико-семантическую группу, состоящую из "ядра" и "периферии". Авторы статьи "О системе цветообозначений в русском, английском и немецком языках" [2, с. 97] , называют в числе

прилагательных "ядра" в английском языке следующие: red, blue, yellow, black, white, grey, brown, green и примыкающие к ним pink и purple. Эти прилагательные относятся к ядровым на основании ряда признаков: лингвистической несводимости, первичности цветового значения, непроецируемости основы, способности образовывать формы степеней сравнения, стилистической нейтральности и свободной сочетаемости.

Прилагательные "периферии" типа golden, creamy, не обладая вышеуказанными признаками, имеют целый ряд специальных функций, включая образную, экспрессивную, оценочную, уточняющую.

В рекламных текстах, где экспрессивность играет чрезвычайно важную роль, цветообозначения "периферии" оказываются более употребительными, чем прилагательные ядра. Но и их недостаточно для того, чтобы передать все многообразие явлений действительности. Поэтому возникает необходимость в более оригинальных цветообозначениях, передающих оттенки.

Как показал исследованный материал (500 примеров, полученных методом сплошной выборки из 9000 страниц современных английских и американских рекламных журналов), наиболее оригинально и ярко передают цвет предмета атрибутивные цепочки путем метафорического сравнения его с другим предметом: A bottle of daisy-yellow liqueur with a peony-red velvet sketch-book and petunia-yellow tie is the best present for a young intellectual (Vogue, 1983, 4, 43).

Особенностям функционирования атрибутивных цепочек, передающих оттенки цвета в рекламных текстах, и посвящается настоящая статья.

Цветообозначающая цепочка обычно состоит из названий цвета и уточняющего его существительного, прилагательного, наречия и причастия. Наиболее типичными для языка рекламы оказались цветообозначающие цепочки трех

- групп: 1. Содержащие название цвета.
2. Не содержащие названия цвета.
3. Не содержащие названия цвета с компонентами
toned и coloured.

1. Первая группа цветообозначающих цепочек представлена моделями:

N + Ac: avocado-green jacket, cognac-brown hair¹

Adv + Ac: shocking-pink jump suit, screaming-purple lips

A + Ac: smoky-green curtains, carrot-y-red hair

Во всех этих моделях второй компонент цепочки представляет собой цветообозначающее прилагательное, первый же компонент может быть выражен существительным, прилагательным и наречием. В подавляющем большинстве примеров это нарицательные существительные, как правило, известные потенциальному покупателю, часто встречающиеся и имеющие характерную окраску.

Цветообозначающие цепочки этой группы функционируют в рекламных текстах в качестве сравнительных эпитетов, где сопоставление двух понятий носит достаточно прямой характер.

2. Следующая группа цветообозначающих цепочек представлена моделями:

N + N: summer-meadow cotton dress, summer-garden scent

N + P II: sun-kissed fruit, sun-dazzled tan, snow-capped
lipstick, soft-smoked eye shades

Ни один из компонентов цепочек, построенных по этим моделям, не называет цвета. Цветовой оттенок угадывается только на уровне всей цепочки.

В атрибутивных цепочках этого типа, представляющих собой метафорические эпитеты, построенные на ассоциации по сходству цвета, сравниваемые понятия оказываются да-

¹ N - существительное, A - прилагательное, Ac - прилагательное цвета, Adv - наречие, P - причастие.

лекими друг от друга, взятыми из разных семантических сфер. При этом мера подобия в цветообозначающих цепочках не существенна, что подчеркивается в тезисе М.В.Никитина о том, что при метафорическом сравнении "аналогия может быть частной, поверхностной, неглубокой" [3, с. 98]: ассоциация ситцевого ялатья с цветущим лугом в примере *summer-meadow cotton dress* понятна, а степень похожести метафорического образа и прообраза не имеет значения.

3. Третья группа цветообозначающих цепочек представлена моделями:

M + coloured: *cream-coloured blouse, cognac-coloured cord*
N + toned: *honey-toned jumper, peach-toned lipstick*.

Вместо указания на основной тон эти цепочки содержат в качестве компонента причастия *toned* и *coloured*.

В стилистическом плане эти цветообозначения приближаются к цепочкам первой группы, то есть они функционируют в рекламных текстах как сравнительные эпитеты. Вторые компоненты лексем *toned* и *coloured* передают сравнение, прямо указывая на обозначающее, то есть тот предмет, с которым сравнивается обозначаемое [4, с. 142].

С точки зрения передаваемого качества первые компоненты цветообозначающих цепочек, содержащих название основного цвета, могут быть разделены на:

1. передающие интенсивность цвета;
2. уточняющие цвет.

Компоненты цепочек, характеризующих интенсивность цвета, могут в свою очередь подразделяться на:

- а) усиливающие насыщенность основного цвета: *dear, hot, wild, vivid, screaming, shocking;*
- б) уменьшающие интенсивность цвета: *pale, shy, warm, light;*
- в) приглушающие интенсивность цвета приданием ему матового или блестящего оттенка: *frosted, iced, smoky, dusty, powder, irridescant.*

Характерной особенностью компонентов цепочки, передающих интенсивность, является их широкая, почти универсальная сочетаемость с разными цветами: *frosted-blue eye shades; frosted-pink lipstick, irridescent-orange lipstick, wild-red stuff, dusty-brown furniture.*

Исключение представляют, пожалуй, *warm, hot* и *burnt*, которые обнаруживают тенденцию употребляться с цветами теплой красно-желтой гаммы.

Гораздо более широко в рекламном контексте представлены компоненты цветообозначающих цепочек, которые добавляют к исходному цвету качественно новый и почти оригинальный оттенок: *oasis-green, cornflower-blue dress, fiesta-pink jumper.* Они не только усиливают насыщенность цвета, но и сообщают какую-то дополнительную информацию о нем: так, *porcelain-blue dress* означает, что рекламируемое голубое платье обладает нежным, матовым, как хороший фарфор, оттенком. В воображении покупателя возникает романтический образ этого платья.

Наибольшее количество оттенков в английских рекламных текстах приходится на зеленый цвет (более сорока), затем следует голубой, затем желтый (включая золотистый, медный и коньячный), затем красный, коричневый, серый. Наименьшее количество оттенков в нашей выборке оказалось у черного (9) и белого (3) цветов. По-видимому, это связано с тем, что атрибутивные цепочки, описывающие белый цвет, характеризуют его интенсивность, а не качество: *snow-white, milk-white, chalk-white* и *rarer-white* и передают значение "очень белый". Черный же цвет может характеризоваться как с точки зрения его интенсивности: *midnight-black, pitch-black*, так и передавать оттенки: *raven-black, bluish-black, jet-black, onyx-black.* Чаще всего цвета сравниваются в рекламных текстах с тем, что вызывает приятные ассоциации, с тем, что легко запоминается. В соответствии с семантической принадлежностью

обозначающего собранные примеры цветообозначающих цепочек были разделены на шесть групп:

1. с семантическом полем "растения";
2. "животные";
3. "продукты питания";
4. "драгоценные и полудрагоценные металлы и камни";
5. "общие понятия окружающей действительности, явления природы";
6. "топонимы".

1. К первой группе, с семантическим полем "растения", были отнесены цветообозначающие цепочки, в которых цвета изделий сравниваются с деревьями, фруктами, ягодами, всевозможными цветами и т.д.: *millberry-red leather, apple-green dress, primrose-yellow ceramic dish, raspberry-pink silk, hibiscus-yellow fabric.*

2. Ко второй группе отнесены цветообозначения, в которых передаваемый оттенок сравнивается с цветом животного: *crocodile-green shades, camel-coloured jumper, camel-and-navy window shade, mouse-coloured hair.*

3. Очень большая группа атрибутивных цепочек построена на сходстве описываемого цвета с продуктами питания: *honey-toned wine, chocolate-brown furniture, mustard-yellow jacket, milk-white wedding dress.*

4. К четвертой группе отнесены цветообозначающие цепочки, которые имеют в качестве обозначающего драгоценные и полудрагоценные металлы и камни: *silver-tone planking, golden-brown leather, brass-yellow satin, golden-sand blazer, coral-pink lipstick, tiger's-eye-brown suit, ruby-red top.*

5. К пятой группе отнесены цветообозначения, в которых передаваемый оттенок сравнивается с явлениями природы, общими понятиями окружающей действительности: *sky-blue scarf, flame-red little hat, ice-blue liquid, sand-gold carpet, sea-green jeans.*

6. И, наконец, шестую группу составляют цепочки, в которых цветовой оттенок передается топонимом: Capri-tan cover make up, Carib-blue eye-shades, Pacific-green wall paper, Bermuda-brown kitchen-shelves, Percian-gold shades.

Восприятие цвета людям очень индивидуально. Оно зависит от жизненного опыта, настроения, вкусов и, наконец, воображения как составителя рекламных объявлений, так и покупателя. Часто под практически одним и тем же цветообозначением разные рекламисты подразумевают разные оттенки. Сравним следующие примеры:

1. These tiles are available in seven colours including hot-sand colour shown here (Ideal Home. Nov. 1973, p. 69).
2. Walls are painted with John Oliver Hot-Sahara emulsion (Ideal Home. Nov. 1973, p. 70).

Казалось бы, раскаленный песок пустыни должен быть более или менее одинокового цвета. Однако приводимые картинки свидетельствуют о том, что в первом случае это ярко-желтый цвет, а во втором - ярко-оранжевый; в обоих случаях, правда, имеется в виду очень интенсивный, насыщенный цвет, что создается прилагательным "hot", входящим в состав обеих цепочек. Иногда сравнения бывают столь неожиданными и оригинальными, что, не имея иллюстрации, трудно представить себе, какой оттенок имеется в виду. Таковы, на наш взгляд, цветообозначения: midnight-blue jeans, hunter-green coat, Brunswick-green ceramics. Но, как было сказано выше, мера подобия при создании образных средств не имеет значения: оригинальный эпитет свою задачу выполнил - создал яркий, запоминающийся образ.

Анализ проведенного исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. С точки зрения структуры цветообозначающие цепочки делятся на:

- 1) содержащие название основного цвета и представленные моделями: N + Ac, A + Ac, Adv + Ac;
 - 2) не содержащие названия основного цвета и представленные моделями: N + N, N + P II;
 - 3) не содержащие названия основного цвета с компонентами toned и coloured.
- II. Прослеживается связь между грамматической структурой и семантическим ходом в цветообозначающих цепочках, а также их стилистической функцией. Цепочки, называющие цвет, как правило, передают как оттенок основного тона, так и интенсивность и функционируют в рекламных текстах как сравнительные эпитеты.
- III. В соответствии с семантической принадлежностью обозначаемого, цветообозначающие цепочки представлены шестью группами:
1. с семантическим полем "растения";
 2. "животные";
 3. "продукты питания";
 4. "драгоценные и полудрагоценные металлы и камни";
 5. "общие понятия окружающей действительности, явления природы";
 6. топонимы.
- IV. Цветообозначения в рекламных текстах носят окказиональный характер. Для них характерна одноразовость употребления и неразрывная связь с контекстом.

Литература

- I. Эдвардс Ч., Браун Р. Реклама в розничной торговле США. -М.: Экономика, 1967. -296 с.

2. Корсунская Т.Г., Х.Х.Фридман и М.Н.Черемисина. О системе цветообозначений в русском, английском и немецком языках // Учен. зап. ГРНИИЯ. - Горький, 1963. - Вып. 25. - С. 97-101.
3. Никитин М.В. О семантике метафоры. - ВЯ, 1979. - № 1. - С. 91-102.
4. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. - Л.: Просвещение, 1973. - 303 с.

Н.В.Фамина

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ НАПРАВЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ
ПРИ РЕЧЕВОМ УПОТРЕБЛЕНИИ АНГЛИЙСКИХ
ОБОЗНАЧЕНИЙ ЧИСЛА

В условиях речи обозначения числа нередко подвергаются различным модификациям. Одно из важнейших явлений такого рода - поляризация [1] или добавление к числовому значению компонента количественной оценки, представленного в виде двух денотативно-прагматических полюсов "много"-"мало". Этот процесс чрезвычайно распространен в речи. В результате слова рассматриваемой группы как бы расходятся по противоположным полюсам в семантическом поле (или во всяком случае обнаруживают такую тенденцию). Например:

- (1) I've been across ten times NOW and each time I've been entranced and absorbed by everything [2, с. 11].
- (2) ... I was surprised to find that there were, including myself, ONLY twelve people [3, с.27].

И в первом, и во втором отрывках содержится непосредственное указание на то, что обозначения числа поляризованы (по-русски "уже" - для "много"; only "только" - для "мало").

Важно отметить, что оценка количества как "малого" или "большого" обычно производится на фоне прагматической нормы - средней количественной меры, установленной обществом для различных предметов, явлений и действий, соответствующей большинству жизненных ситуаций (см. сходное определение "нормы" у А.Н.Полянского [4, с. 91]). Понятие прагматической нормы служит главным разграничительным признаком при построении модели поляризации обозначений числа.

Итак, при поляризации значение числа стремится к "мало" или "много". Отметим, однако, что существуют случаи, когда обозначение числа остается как бы между полюсами, означая некоторое среднее число, не большое и не малое. Это происходит тогда, когда количество предметов, обозначаемое квантификатором, близко к средней прагматической норме или соответствует ей. Имеются примеры, в которых соответствие прагматической норме выражено вербально, как в следующем:

(3) So we had a pint of malvagia, and were comforted [5, с. 84].

Здесь количественная оценка обозначения числа (в данном случае "достаточно") выводится из контекста по выражению удовлетворения (were comforted).

В других примерах (и их большинство) соблюдение прагматической нормы выходит в пресуппозицию, количественная оценка нейтрализуется. Внимание адресанта в этом случае обычно переключается на характер объекта, выраженного квантификатором (предметом счета). Тип, класс, существо упомянутого объекта становится для него более важным, чем указание на количество. При этом возможно произвести трансформации или своего рода лингвистичес-

кий эксперимент. Если опущение обозначения числа не ведет к искажению смысла высказывания, то мы имеем дело с нейтрализацией направления количественной оценки. Рассмотрим пример:

(4) Under glass, a half dozen upholstery samples had been arranged, each identified by mill and purchase number [6, с. 76].

Ср: Under glass ... upholstery samples had been arranged ...

Легко видеть, что удаление half dozen из данного контекста не разрушает смысла высказывания, он остается, в общем, тем же самым. Очевидно, в витринах такого рода помещается именно около полудюжины образцов. Мы выводим это как своего рода экзистенциальную пресуппозицию из данного высказывания. Нигде в окружающем контексте или макроконтексте не указано, было ли этих образцов "мало" или "много". Их было именно столько, сколько нужно. Таким образом, обозначение числа a half dozen здесь в сущности становится эквивалентом форманту множественного числа. Количественная оценка нейтрализуется.

Подобная трансформация, однако, невозможна там, где обозначение числа помещено в рему:

(5) It (the island) consists of little else than the sea sand, and is about three miles long [7, с. 88].

Удаление обозначения числа из этого фрагмента привело бы к полному разрушению смысла высказывания, поскольку количественная характеристика наряду с прочим описанием составляет здесь цель сообщения. Кроме того, в этом примере как раз имеется отход от нормы, так как остров очень маленький.

Случай, описанный в примере (4), на первый взгляд не имеет отношения к поляризации; ведь сема количественной оценки не добавляется здесь к числовому значению.

И все же это явление представляет собой часть процесса поляризации. Число как будто занимает центральное положение на оси между полюсами: не "много", не "мало", а просто "есть". Этот центр представляет собой "норму" в понимании А.Н.Полянского, "прагматическую норму" в нашей терминологии. Таким образом, если при использовании обозначения числа количественная оценка нейтрализуется и в центре внимания оказывается класс объектов, выраженных квантификатором, будем говорить о присоединении к числовому значению экзистенциональной семы II¹, наличия, существования в прагматической норме. Подобному употреблению обозначений числа будет соответствовать информационная установка констатации наличия объектов, выраженных квантификатором, приблизительно в пределах средней нормы². Рассмотрим еще один пример:

(6) I saw now that they (the huge flowers) were planted a yard or so apart, and between them some other plant ... fought its way up with mallow and cornflowers and a dozen other things towards the light [8, с. 35].

В данном отрывке обозначение числа подчеркивает наличие других квантификаторов того же класса, то есть выражает сему II. Возможна трансформация, не нарушающая смысла: ... some other plant ... fought its way up with mallow and cornflowers ... and ... other things towards the light. Таким образом, здесь, как и в примере (4), сема II может быть приравнена к множественному числу.

Существует очевидное (но весьма непростое) взаимо-

¹ Мы сочли возможным обозначить сему через II, поскольку прагматика в этом понятии также важна, как и норма.

² Информационная установка определяет уровень информации, на которой помещается адресат сообщения, выраженного данным отрезком текста [9].

действие между обозначениями числа и грамматической (или понятийной) категорией числа. Ведь, теоретически говоря, всякое числительное, кроме I, предполагает множественное число. С одной стороны (мы показали это на примерах), в речи обозначения числа теряют конкретно-числовую семантику и начинают передавать значение множественного числа. С другой стороны, множественное число в зависимости от характера объекта может приобретать определенно-количественное значение. Здесь речь идет о "комплектах" или множествах, в которые входит заранее известное количество предметов. Так, в применении к парным предметам множественное число может выражать двойственность, как в *his legs (=2)*; в других ситуациях оно может быть приравнено к конкретной множественности больше двух, например: *the dog's legs (=4)*, *the fly's legs (=6)*. О подобной ситуативном значении множественного числа пишет в своей работе Э.В.Игнатъева [10, с. 5]. Помимо этого множественное число может выражать и просто понятие "много" (обычно у так называемых "круглых" чисел и счетных существительных типа *dozen* и *score* форма множественного числа передает значение неопределенно-большого количества предметов счета, как в *scores of gauges*).

Такого рода семантические модификации не случайны: если прагматическая норма известна заранее, то точное число становится избыточным, оно не добавляет новой числовой информации. То есть как будто не добавляет, на самом деле обозначение числа в указанной функции может нести два вида информации: во-первых, это информация о соблюдении нормы (чисто денотативная информация). Иногда и она необходима: можно даже представить себе случаи, когда сема II окажется в речевой части высказывания, например, в такой ситуации: "У него две руки. Несмотря на то, что он был тяжело ранен, врачи сохранили ему

обе руки". Во-вторых, и эти случаи более часты, функция обозначения числа может быть эмфатической, экспрессивной, как в русской поговорке "Пропадай моя телега все четыре колеса".

Особую позицию в этом отношении в наших примерах занимают слова, обозначающие число два (two, a couple of, one or two). При экзистенциональном употреблении они несут функцию то множественного, то двойственного числа. В следующем примере квантигруппа включается в простое перечисление без указания на число объектов:

(7) Surprisingly the rough sheets, the two woven covers were clean [11, с. 27].

Совершенно очевидно, что устранение обозначения числа из этого контекста не изменит смысла высказывания, хотя несколько уменьшит объем передаваемой информации (например, информацию о соблюдении нормы). Сема II в семантике обозначения числа выражает здесь множественное число. Сравним этот фрагмент со следующим, где удаление two делает высказывание совершенно бессмысленным, поскольку обозначение числа образует его смысловой центр:

(8) "It is not far -"

"By horse," she answered in relief, "perhaps two days west". [11, с. 56].

Экзистенциональное употребление обозначений числа по отношению к парным предметам оказывается эквивалентным двойственному числу. И это особенно интересно, потому что английский язык не имел в истории и не имеет в настоящее время грамматической категории двойственного числа существительных. В данном случае мы будем говорить о понятийной категории двойственного числа, которая является языковой универсалией.

(9) Well, he, too, would sit at a high table come next year's end. Of that he was certain ...

But it would be because of his own two hands, the cunning of his mind [11, с. 29].

В этом примере парность квантификатов (hands) есть заранее известный факт. Обозначение числа опускается из контекста даже без уменьшения объема передаваемой концептуальной информации. Здесь two выступает главным образом в эмфатической функции, акцентируя общий смысл всего выражения his own two hands^Q - "своими руками, своими силами". В приведенном отрывке обозначение числа подчеркивает сему II именно для двух квантификатов, выражая двойственное число.

Как показывают примеры, сема II для нормы оказывается эквивалентом множественного числа, если объекты не парные, и как бы двойственного числа, если речь идет о парных квантификатах. Сема II при этом несет две функции:

- 1) эмфатическую;
- 2) нормативную (говорит о соблюдении нормы).

Литература

1. Фамина Н.В. Поляризация обозначений числа в речи и ее контекстовые условия // Контекстуальная семантика. -Рига: ЛГУ, 1982.-С. 103-117.
2. Drabble M. A Summer Bird Cage. -Harmondsworth (M'dd'x): Penguin Books Ltd, 1963.--201p.
3. Maughan W.S. The Razor's Edge. -London: Pan Books Ltd, 1976. - 314 p.
4. Полянский А.Н. План содержания категории количества в русском языке // Филологические науки. -М.: Высшая школа, 1984.-№ I.- С.34-41.
5. Lawrence D. Sea and Sardinia. -Harmondsworth (M'dd'x): Penguin Books Ltd, 1976. - 212 p.
6. Hailey A. Wheels. -London: Pan Books Ltd, 1971.- 408 p.
7. Poe E. Tales of Mystery and Imagination. -London: Pan Books Ltd, 1979. -223 p.

8. Stewart M. The Gabriel Hounds. -New York: Mill, 1967.
9. Вайрих Х. Текстовая функция французского артикля.
// Новое в зарубежной лингвистике.
-М.: Прогресс, 1978.-Вып.8.-С.320-381.
10. Игнатьева Э.В. Средства выражения количественных отношений в системе имени в современном английском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. -М., 1982. -21 с. ◊
- II. Norton A. The Book of Andre Norton. -New York: Daw Books, 1975. - 209 p.

Заключение

Общей особенностью публикуемых работ является изучение языка в действии и интегрирующий подход к объяснению системных связей в контексте.

Основной итог коллективных усилий авторов заключается в предъявлении новых свидетельств системности контекста, его зависимости от внутреннего строения семантически реализуемых единиц языка.

Статьи отражают результаты работы специалистов Латвийского, Ленинградского, Калининградского университетов и других вузов страны над проблемой условий актуализации языковых единиц, координируемой планом научно-исследовательских работ по проблемам высшей школы на 1981-85 годы.

Статьи по публикуемым темам авторами не депонировались.

Теоретические выводы и материалы исследований могут служить преподавателю иностранного языка и авторам учебников и учебных пособий лингвистической основой при разработке комплекса учебных действий, направленных на формирование зрелого, активного, творческого читателя, способного выявлять новый, глубокий смысл, возникающий на основе взаимодействия слова и его контекста в процессе коммуникации.

СОДЕРЖАНИЕ

Агамджанова В.И., Кевина И.В. Типовой контекст как условие семантической интерпретации незаконченных высказываний.....	4
Байкова З.М. об условиях актуализации модального значения уверенности/ подтверждения/ у модальных наречий группы certainly	12
Бризгна И.Я. Сравнительный анализ семантических структур нижненемецких и русских лексем / на материале русско-нижненемецкого словаря Т.Фенне /.....	17
Бреде М.А., Гуртая В.А. функциональная нагрузка просодических характеристик латышского консонантизма....	23
Банкав А.И. функционально-семантические особенности слов итальянского происхождения в латышском языке....	28
Ветрова О.Г. местоимения как средство выражения синтаксической семантики	35
Возняк Л.А. Информативная категория качества в немецком речевом высказывании	41
Гусева Т.А. Семантическая роль суффикса в просторечных суффиксальных наименованиях	47
Данченко Н.Н. Повтор в стихотворной речи / на материале одного стихотворения/.....	54
Дорошенко Е.В. Словарное нормирование речевого употребления ключевых слов, именующих семиотические явления / на материале словаря "webster"/.....	60
Елисеева В.В. внутритекстовые отношения окказионализма. 65	
Заботкина В.И. прагматика и семантика новых слов в современном английском языке	71
Иванова Е.В. Закономерности процесса номинации при словосложении	76
Кириллова Н.Н. Об одном компоненте прагматической ситуации	82
Краже С.Г. Место эмфазы и оценки в семантической структуре текста.....	89

Кричевская В.И. Влияние семантической доминанты высказывания на лексико-семантический вариант слова	94
Кутасина Е.С. О дифференциации разноструктурных суостантивных словосочетаний с количественным значением в современном немецком языке	101
Лисагор О.П. Типизация контекста терминов судостроения, образованных способом метафоризации	111
Лиеш А.Э. Уопоставительная семантическая характеристика латышского прилагательного <i>ērmīgs</i> и английских прилагательных <i>odd</i> и <i>queer</i>	119
Литвин Ф.А., повикова Т.В. О национальных особенностях семантики производных слов в системе и функционировании	129
Лихтерова Б.Л. Содержание и языковое выражение мутации в немецком языке	145
Начисчионе А.С. Ритмообразующие потенции окказионально преобразованных фразеологических единиц в стихотворном тексте / на материале английского языка /	153
Никитина Т.П. Семантика неартикулированного существительного в обстоятельственной синтагме во французском языке IX - XI вв.	160
Озолинь О.Л. Семантико-синтаксические особенности предложных атрибутивных структур в старофранцузском и в современном французском языках	166
Олдырева А.П. Лингвистический и стилистический статус английских "фразеологических" глаголов	172
Раевская Е.В. Синтаксико-семантические свойства полифункциональных единиц языка	183
Соколова М.А. Функции плюсквамперфекта в структурно-семантической организации персонажных рефлексий / на материале новеллы А.Зегера "Das Ende" /	193
Тонкова И.И. Семантические особенности цветообозначения	200
Фамина И.В. Нейтрализация направления количественной оценки при речевом употреблении английских обозначения числа	208

ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ И
УСЛОВИЯ ИХ АКТУАЛИЗАЦИИ

Сборник научных трудов

Рецензенты: А.Ахеро, ст. науч. сотр. АН ЛатвССР;
Е.Айзбалт, доц. каф. иностранных языков
РПИ им. А.Пельше;
Е.Гомберг, доц. каф. иностранных языков
ЛГУ им. П.Стучки.

Редакторы: В. Агамджанова, Р. Пашлова
Техн. редактор А.Яковича
Корректор А.Соловьева

Подписано к печати 15.07.86. ЯТ 09549. Ф/б 60x84/16.
Бумага № 3. 13,8 физ.печ.л. 12,8 усл.печ.л. 9,5 уч.-изд.л.
Тираж 400 экз. Зак. № 317 Цена 1 р. 50 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
226098 Рига, б. Райниса, 19
Отпечатано в типографии, 226050 Рига, ул.Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

415150

р. 50 к.

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509004740